

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии

Материалы и исследования

Выпуск 3

Пермь 2009

УДК 81'286 (470.53)
ББК 81.2–67 (2 Рос-4 Пер)
Ж 66

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии:
Ж 66 материалы и исследования / отв. ред. И.И. Русинова; Перм.
гос. ун-т. – Пермь, 2009. – Вып. 3. – 285 с.

ISBN

В сборнике опубликованы статьи и материалы пермских ученых, занимающихся исследованием живой речи региона как в синхронном, так и в диахронном аспектах. В работах представлены результаты изучения диалектной речи, истории и этимологии региональной лексики, ономастики и этнонимии, дискурса местных СМИ, языкового сознания молодежи Пермского края. Исследования авторов содержат материалы, которые могут быть использованы при создании будущих пермских словарей.

Издание предназначено для широкого круга исследователей русского языка.

УДК 81'286 (470.53)
ББК 81.2–67 (2 Рос-4 Пер)

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность»

Рецензенты:

Е.В. Ерофеева, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета;

кафедра русского языка Пермского государственного педагогического университета

ISBN

© Пермский государственный университет, 2009
© Коллектив авторов, 2009

Содержание

Полякова Е.Н. Чердынские говоры	5
Бакланова И.И. Функционирование союзов <i>да, и</i> в русских говорах коми-пермяцкого края и коми-пермяцкой разговорной речи	20
Бобкова Ю.Г. Семантические и ассоциативно-символические корреляции диалектного слова <i>хлебозары</i> как отражение мифологической идеи первовремени в «пермских» текстах В.П. Астафьева	28
Богачева М.В. Фразеологизмы в русских говорах коми-пермяцкого округа (на материале лексики говорения)	34
Бушмелева Ю.С. Названия глиняных изделий домашней утвари (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)	41
Гордеева О.В. Топоним <i>Москва</i> в русском фольклоре Пермского края	52
Грузберг Л.А. Народная афористика как источник формирования / обогащения концепта	67
Десяткова С.В. Смысловые отношения между названиями народных названий (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)	74
Зверева Ю.В. Названия напитков в Пермских говорах	81
Лейсле Н.Г. Лексика лесозаготовок и лесосплава на материале говора д. Акчим. К вопросу о народной терминологии	88
Николаева В.О. Способы модификации названий праздников православного календаря в северных говорах Пермского края	98
Овчинникова И.Г., Черепанова Л.Л. Русский язык в медиа-дискурсе Прикамья	106
Пантелеева Л.М. Археографический анализ документов Соликамской городской думы 1799 года	129
Пережогина Е.С., Четвертных А.И. Представления о социально-значимых явлениях в языковом сознании представителей славянской культуры (по материалам ассоциативного эксперимента с носителями русского и словацкого языков)	140
Пермякова Л.А. Образные номинации грибов в лексике и фразеологии Пермских говоров	152
Поздеева С.М. Морфосемантическое поле «идти» (коммуникативный и лингвокультурологический аспекты)	158
Поздеева С.М. Тюркизмы в Пермских говорах	165

Подлюков И.А. Названия путей сообщения в русских говорах Прикамья.....	173
Полякова Е.Н. Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края.....	180
Полякова Е.Н. Чердынская челобитная XVII века.....	195
Рассанова Л.С. Отражение народных представлений о болезни в лексике северных пермских говоров (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»).....	200
Рогожникова Е.А. Семантика слов с корнем <i>черт-</i> (на материале словарей русских говоров).....	211
Русинова И.И. Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края.....	223
Симушова О.Н. Именования женщин в пермских памятниках делового языка XVII-VXIII вв.	233
Сироткина Т.А. Этнонимический тезаурус Пермского края: состояние и перспективы.....	245
Чугаев Н.В. Палеография двух документов Пыскорского медепалвильного завода 1741 г.	257
Чупина Ю.С. Двойные предлоги в пермских говорах.....	270
Шкляева Т.Ю. Гидронимы, образованные от названий животных, в гидронимии бассейна р. Берёзовая Чердынского района Пермского края.....	277
Сведения об авторах.....	282

Чердынские говоры^{*}

Е.Н. Полякова

Разработка диалектного словаря чердынских говоров Пермского края потребовала решения не только лексикографических задач, но и определения территории функционирования этих говоров, характеристики их истоков, времени возникновения и особенностей развития.

Чердынская земля с главным городом Чердыню как исторически сложившееся место существования исследуемых говоров не совпадает с территорией современного Чердынского района, расположенного на севере Пермского края в бассейнах впадающих в Каму рек Южная Кельтма, Пильва, Сумыч, Уролка, Вишера (в ее нижнем течении) с притоком Колва и притоком последней – рекой Березовой. В разное время административное районирование Пермского края было различным, территория Чердынского района то сокращалась, то расширялась. Так, в 60-е годы XX столетия к Чердынскому сельскому району относили большую часть современного Красновишерского района, до этого, наоборот, из Чердынского выделялся Ныробский район и т. д. Существовавший ранее, до 20-е гг. XX в., Чердынский уезд был очень большим и включал в себя северную часть современного Коми-Пермяцкого автономного округа и часть верхнего течения Печоры. С XVII по XIX в. границы уезда тоже неоднократно менялись.

Таким образом, определяя территорию распространения чердынских говоров, нельзя исходить из административно-территориального деления Пермского края (до 2006 г. области). Установить ее возможно только в результате изучения истории формирования и функционирования русской речи в Пермском крае. Поэтому обратимся к истории заселения русскими его северной части – бывшего Чердынского уезда и прилегающей к нему территории.

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края», № 08-04-82408 «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края», № 08-04-82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья», № 09-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь человека», № 09-04-82403 а/У «Фразеологический словарь русских говоров Пермского края».

К сожалению, не сохранилось источников, по которым можно было бы с точностью установить время появления в Верхнем Прикамье носителей русского языка и их поселения здесь. Однако некоторые материалы говорят о возможности посещения его новгородцами еще в XI-XII вв. с военной и торговой целью – для вывоза ценных мехов, которыми был богат Урал.

Лаврентьевская летопись свидетельствует о том, что в 1092 г. новгородец Гюрята Рогович, один из бояр или крупных купцов, отправил в поход ушкуйников (дружинников на ушкуях – ладьях с веслами) *«в Печору, людие яже суть дань дающие Новугороду»*, а оттуда – в Югру, т. е. в места, где проживали Угры – предки современных манси. *«Югра же людье, есть язык нем, и соседят с самоядью на полуночных странах»* [ПСРЛ, 1, 234-235], т. е. язык югры был непонятен («нем») в отличие от языка жителей Печоры (скорее всего, предков коми-зырян), дававших дань Новгороду. Известны походы на Северное Приуралье в 1187 г., на югру в 1193-1194 гг. Путь новгородцев шел по рекам и волокам: из Новгорода через Белозерье на Вычегду или на Мезень, по притокам которых они попадали на левые притоки Печоры. Но по притокам Вычегды и с Печоры можно было выйти и в бассейн Камы. История Пермского края говорит о том, что заселение его русскими начиналось именно с севера, через Вычегду.

С глубокой древности было известно несколько путей, связывающих Вычегду с Верхней Камой. Наиболее известными являются два из них: 1) по притоку Вычегды Северной Кельтме на волок, ведущий к Джуричу, впадающему в Южную Кельтму – приток Камы; в XVIII в. на этом волоке был сооружен Северо-Екатерининский канал; 2) по притоку Вычегды Нему на волок, идущий к притоку Березовки, впадающей в Чусовское озеро, и далее по Вишерке, Колве, Вишере в Каму; волок на этом пути назывался Немским (по реке) или Бухониным по именованию жителя чердынского погоста Вильгорта Ивана Сидорова сына Бухони, взявшего его на оброк в первой четверти XVII в. [Кривошеков, 1914, 241]. В XVI в. этот волок упоминается в хорошо известном в Европе сочинении «Записки о московских делах» немецкого дипломата Зигмунда Герберштейна, совершившего путешествие по России в 1517 и 1526 гг. [СИЭ, 4, 256].

Древним был и путь с Печоры: из ее притока Волосницы на волок, ведущий к реке Вогулке, которая впадает в Еловку – приток Березовки, далее в Чусовское озеро, связанное реками с Камой [Кривошеков, 1914, 241]. Этот волок вплоть до XX в. активно

использовался чердынцами, направляющимися для рыбной ловли на правые притоки Печоры – Шугор и Илыч; сложности пешего перехода и перевода лошадей с возами по этому четырехкилометровому переходу хорошо описаны Д.Н. Маминым-Сибиряком в рассказе «Зимовье на Студеной» [1978, 10].

На Верхнюю Каму русские попадали и с севера Вятской земли, через Кай-городок. Все пути с Русского Севера (ныне Архангельская и Вологодская области) и с вычегодской территории, где жили коми-зыряне, активно использовались для переселения русских с севера на Верхнюю Каму.

В XI-XIII вв. русские еще не создавали в Приуралье оседлых поселений, на Верхней Каме постоянное население могло появиться в XIV-XV вв. Имеются косвенные свидетельства пребывания древних новгородцев в этом регионе. Так, при раскопках в бассейне Колвы Искорского городища, на котором совместно проживали коми-пермяки и русские, археологами обнаружены следы русской гончарной посуды, составлявшей 51,8% всей найденной здесь керамики. Причем самые ранние горшки имеют аналогии с керамикой древнего Новгорода [Оборин, 1990, 72-73].

Есть и данные ономастики, говорящие о проникновении в Прикамье новгородцев. Так, вблизи современного города Красновишерска находится гора Полюд, в названии которой сохранилось древнерусское слово. Это могло быть имя человека, возглавлявшего сторожевой пост для защиты Нижней Вишеры и Чердыни от нападения вогулов (манси). Такое имя встречается в новгородских памятниках письменности, ср.: *«Полюдъ Коснятиничъ, Новгородецъ, 1140 г...», «Полюдъ, Новгородецъ, 1215, 1224...», «Полюд, Новгородский боярин, 1268»* [Тупиков, 2005, 24]. Но слово *полюд* могло быть и именем нарицательным – названием должности человека, собирающего дань, ср. древнерусское слово *полудие* ‘1) дань, подать, собиравшаяся с княжеских вассалов, 2) объезд для собирания дани, подати’ [СДЯ, 7, 115].

Возможно, в Прикамье возник топоним, называвший место сбора дани – *полюд* – на берегу Вишеры, у подножья горы. Дело в том, что в памятниках письменности устье реки Морчан (ныне Морчанка), впадающей слева в Вишеру, напротив горы Полюд, отмечается как граница хозяйственных интересов русских (по Вишере ниже Морчана) и вогулов (выше Морчана). Это место вполне могло использоваться для их встреч, для получения дани (*полюда*) и торговых сделок. А самым главным его ориентиром была гора, получившая по месту сбора дани древнерусское название Полюд и

сохранившая его до наших дней. Видимо, древние новгородцы принесли в Прикамье и гидроним Вишера (а также Вишерка – приток Колвы), ср. название реки Вишеры в бассейне Волхова, на Новгородской земле.

Вместе с тем не новгородский диалект стал базой формирования русских говоров Верхнего Прикамья, о чем говорят результаты сопоставления актуальной лексики живой речи, например, новгородских и пермских географических апеллятивов, т.е. имен нарицательных, называвших географические реалии. Многие новгородские диалектизмы отсутствуют в Пермском крае: *грѣм* ‘небольшое возвышение, кочка на болоте’, ‘кочковатое место’, ‘мелкий кустарник’, ‘непроходимый лес’, а также однокоренные слова *гребѣк*, *грѣмушек*, *грѣмышек*, *гребѣчек*, *гребѣѣ*; *дрябь* ‘топкое, жидкое, засасывающее место, преимущественно в болоте’ и однокоренные *дрябь*, *дрябѣина*, *дрябля*, *дрябѣль*, *дрябѣище*, *дрябѣѣ*, *дрябѣѣина*, *дрѣбѣ*; *букѣѣина*, *букловѣина* ‘небольшой залив на озере, заводь’; *вир*, *вирь*, *вѣрка* ‘водоворот’; *жерѣлѣ*, *жѣрѣло*, *жерѣлѣ*, *жерѣловѣина*, *жерѣлѣ* ‘место истока реки из озера’, ‘русло ручья’ и т.д. [Васильев, 2001; НОС]. В то же время в новгородских диалектных материалах не отмечены пермские апеллятивы *бѣготь* ‘омут, подводная яма’, *бузѣн* ‘топкое глубокое место на болоте’, *бѣган* ‘склон горы, постоянно обдуваемый северным ветром’, *вѣморина* ‘постоянное сырое место на лугу, в поле’, *исѣда* ‘часть берега реки, удобная для причаливания лодок, судов’ и др. [СГТ]. Об этом же свидетельствует и история края.

Впервые Верхнее Прикамье упоминается в русских источниках с именованьем «*Пермь Великая, глаголемая Чусовая*» в 1397 г. в «Житии Стефана Пермского». Житие написано в стиле «плетения словес» замечательным писателем-монахом Епифанием Премудрым, знавшим Стефана как просветителя древних коми-зырян, который составил азбуку коми языка, перевел на него некоторые священные православные тексты, написал их этой азбукой и, проповедуя на коми языке, обращал в христианство коми-зырян на Вычегде и ее притоке Выми. Бассейн Вычегды тогда называли Пермью, почему Стефан и получил прозвание Пермский; в современном Пермском крае он не был, но здесь во второй половине XV в. была продолжена начатая им христианизация коми.

Обычно считают, что в части названия Перми Великой «*глаголемая Чусовая*» имеется в виду современная река Чусовая. Однако, скорее всего, в тексте Епифания зафиксировано название, связанное с Чусовским (в памятниках только *Чусовым*) озером. На

пути к городу Чердыни с Печоры и с Немского волока все письменные источники отмечают только русские названия рек: Еловка, Березовка (впадает в **Чусовое** озеро), Вишерка (вытекает из него и впадает в Колву). Как назывались эти реки до появления здесь русских, когда этим путем пользовались финноязычные коми и угроязычные вогулы, неизвестно. Полагаем, что и Березовка, и Вишерка (или обе вместе), связанные с озером, и могли называться **Чусовой**, упомянутой в «Житии Стефана Пермского», что впоследствии сохранилось только в названии **Чусового** озера. Таким образом, **Пермь Великая, глаголемая Чусовая** – это Чердынская земля.

Территория Перми Великой первоначально посещалась для сбора дани новгородцами. Но на Верхнее Прикамье претендовала и Москва. Еще в 1177 г. владими́ро-суздальская дружина вниз по Волге через волжских булгар проникает в низовья Камы. В XII-XIII вв. владими́ро-суздальцы обеспечивают себе позиции для проникновения в Верхнее Прикамье с севера – обосновываются в устье реки Юг (бассейн Северной Двины), построив там в 1173 г. городок Гляден, а в 1212 г. рядом с ним город Усть-Юг (Великий Устюг), от которого легко было выйти на Вычегду, а по ее притокам в притоки Камы. В 1220 г. владими́ро-суздальский князь по этому пути из Усть-Юга попал в верховья Камы и спустился по ней. В 1333 г. новгородцы вынуждены были дать на дань Вычегду и Печору московскому князю. В 1472 г. в результате осады Новгорода в отказной грамоте новгородцы уступили Москве *«Пермь Пинежскую, Мезенскую, Важскую и Пермь Великую»*. В том же году в результате похода князя Федора Пестрого и взятия им Чердыни Пермь Великая окончательно вошла в состав Русского государства и подчинилась Москве. Ее связи с Новгородом были прерваны.

Вместе с тем с XV в. усиливается приток населения с Русского Севера (ныне Архангельская и Вологодская области), о чем свидетельствует ономастика, а именно оттопонимические прозвища и образующиеся от них с конца XVI в. семейные именованья, переходящие в XVII в. в фамилии, зафиксированные в писцовых и переписных книгах, а также в других документах, ср.: *«Крестьянин деревни Шайтанова Антипка Иванов сын Варзугин»*, [КЧ, 65 об.] – именование по реке Варзуге, впадающей в Белое море; *«Чердынец Якушко Двинин»* [РСЧ, 5, 91], *«Крестьянин Нового Усолья Ивашка Иванов сын Потеряха Двинянин»* [Е, 87] – по реке Северной Двине; *«Чердынец Ивашко Вагин»* [РСЧ, 5, 71], *«Крестьянин погоста Вильгорт Кирилко Важанин»* [РСЧ, 5, 37 об.], *«Житель погоста Губдор Яков Кирилов сын Важенинов»* [Ч, 108] – по притоку

Северной Двины Ваге; «*Крестьянин деревни Уролка Матюшка Тимофеев сыг Югов*» [КЧ, 121], «*Чердынец Кузька Южаков*» [РСЧ, 4, 16], «*Житель Рядикорского погоста Игнашка Южанинов*» [РСЧ, 3, 33], «*Чердынец Авраам Тимофеев сын Южитинов*» [Ч, 118 об.] – по реке Юг бассейна Северной Двины; «*Крестьянин деревни Харина Осташко Вычегжанин*» [Я, 26 об.] – по реке Вычегде; «*Крестьянин деревни Усть-Вишера Осип Григорьев сын Вильгжанинов*» [СЧ, 162], «*Житель Соли Камской Афанасий Трофимов сын Вильженинов*» [КСГ, 73] – по притоку Вычегды Виледи; «*Чердынец Якушко Мезенин*» [РСЧ, 5, 131], «*Житель погоста Вильгорт Менишчко Степанов сын Мезенец*» [РСЧ, 4, 88 об.], «*Чердынец Логинко Мезенцов*» [РСЧ, 4, 36] – по реке Мезени; «*Житель погоста Чигимер Архип Кондратьев сын Пинягин*» [СЧ, 113], «*Житель погоста Кольчуг Поликарп Иванов сын Пиняженин*» [СЧ, 22], «*Житель Усоля Камского Ивашка Трофимов сын Пенезжанин*» [К, 154 об.], «*Крестьянин деревни Тагъяшер Родион Денисов сын Пенезжских*» [Ч, 86 об.] – по реке Пинеге.

Этот список можно существенно увеличить, включив в него прозвища и фамилии XVI-XVIII вв., образованные от других топонимов Русского Севера: *Белослудец, Вологжанинов, Каргополов, Каргопольцев, Кивокурцев, Кокишаров, Колмогоров, Лалетин, Матигоров, Моржегорец, Онегов, Паластров, Подвинцев, Поморцев, Пустозерцев, Сысолетин, Сысольцов, Сухонцев, Тотьянин, Устьцилемов, Устьянец, Устюгов, Устюжанинов, Шолонцев* и др. Подробно о них см. «Словарь пермских фамилий» [СПФ].

Переселялись в Прикамье и жители Вятки (ср.: *Вяткин, Вятчанинов, Малмыженин*), Поволжья (*Костромин, Костромитин, Нижегородцев, Низовец, Тверитинов, Углецких, Ярославцев*), центра (*Володимерцов, Москвин, Москвитин, Суздальцев*) и юга России того времени (*Калугин, Рязанцев*), приходили и из-за Урала (*Тагильцев, Тобольников, Тунгускин, Якутов*) [СПФ].

Однако большинство переселенцев на север Пермского края, особенно в XV – начале XVII в., шло с Русского Севера, именно их речь явилась основой складывающихся в Прикамье говоров. Поэтому в пермской лексике находим много общего с архангельской и вологодской лексикой.

Территорию Перми Великой в прошлом, когда здесь формировались ранние русские говоры, можно установить, опираясь на памятники письменности, прежде всего на переписные документы,

в которых отмечали жителей (мужчин) всех населенных пунктов. В 1579 г. Пермь Великая была переписана в писцовой книге Ивана Яхонтова, которая дошла до нас в списках [Я] и публикации [Шишонко, 1881, 82-86], правда, в последней много опечаток. В книге переписаны город Чердынь, «пригород» Усолье Камское (будущий Соликамск), погосты (села с церковью) и относящиеся к ним деревни, починки (преимущественно однодворные), а также займища (участки, занятые с хозяйственными целями).

В Усольском уезде погостов не было (религиозным центром было само Усолье Камское), но в писцовой книге здесь зафиксировано 23 деревни, 11 починков, 3 займища. Среди них деревни Боровая (будущий Боровск, ныне микрорайон Соликамска), деревни Зырянова, Кочергина, Кулакова, Усова, Черная, Чертеж, сохранившиеся до XXI столетия. Добыча соли из природных рассолов на реке Боровой и в низовьях реки Усолки, в устье которой возникает Усолье Камское (Соликамск), велась вологодскими посадскими людьми Калиниковыми еще в 1430 г.

Чердынский уезд занимал очень большую территорию и делился на четыре стана: Окологородный, Верхний, Нижний и Отхожий. К Окологородному стану, в котором значилось 2 погоста (Покча и Онисимов), 13 деревень и 8 починков, относились земли, близкие к городу Чердыни. На современной карте из них сохранилось только название села Покча, в списках второй половины XX в. значились деревни Анисимова (бывший Онисимов), Блинова, Вотская, Кушпелева.

Верхний стан располагался относительно Чердыни вверх по Колве и частично вверх по Каме. В него входило 4 погоста (Вильгорт, Искор, Янидор, Кульчуг), 20 деревень и 4 починка. Из старых названий на современной карте есть все бывшие погосты, а также Ныроб (ныне поселок), село Камгорт, деревня Долды (Малые). Во второй половине XX в. существовали также упомянутые в писцовой книге деревни Бигичи, Цыдва, Янидор, Озга Меньшая и Озга Большая (Очга Жикина и Очга Кошелева), Ужгинская, Сумыч.

Нижний стан шел вниз по Колве, Каме, Вишере: 3 погоста (Губдор, Пянтег, Редикор), 28 деревень, 3 починка. До XXI в. дошли все погосты (ныне села) и деревни Анбор (ныне Амбор), Арефина, Аристова, Верхняя Мошева, Нижняя Мошева, Верхний Шакшер, Нижний Шакшер, Вильва, Зелва, Кондратьева, Коэпты, Лимеж, Могильников, Немзя, Остяцкая, Сартакова, Толстик, Урол Сухой, Урол Средний, Усть-Уролка, Язья.

В отхожий стан входили 3 погоста (Гайна – ныне Гайны, Ныров – ныне Коса, Обва – ныне Ильинский), 20 деревень и 3 починка. Они были расположены далеко от Чердыни: на Обве (Обва, Кривая Наволока, Федорова), Яйве (Романова, Нижнее Поле), Косьве (Вильгорт), в современном Коми-Пермяцком автономном округе на реках Каме (Гайна), Косе (Нижняя Коса, Ныров), Лупье (Очга), Иньве (Кудымкар, Купрос, Туманская), Куве (Кува), Юсьве. Но с ними существовали административные и другие связи Чердыни.

В писцовой книге 1579 г. определяются границы Перми Великой на ее главных реках: *«В Чердынском уезде вверх по речке Колве озеро Чусовое в длину на 10 верст, а поперег 5 верст, озеро Вакишит, озеро Кимшиер, озеро Лимеж в длину по три версты, а поперег по версте... Река Вишера от Камы вверх по Вишере до Морчана... Кама от речки Порыша вниз по Каме до погоста Мошова»* [Я, 44-44 об.].

Очерченные выше земли Перми Великой и составляли территорию сложения в Верхнем Прикамье **чердынских говоров** на диалектной базе Русского Севера. К югу от Перми Великой располагались вотчины именитых людей Строгановых. Формирующиеся там русские говоры также имели севернорусскую основу, потому что, во-первых, до вотчин доходил поток переселенцев с Русского Севера, во-вторых, туда в XVI-XVII вв. активно переселялись чердынцы. Но в Строгановские вотчины попадало и много переселенцев с Вятки и из других земель России, что не могло не сказаться на сложении там говоров, в деталях отличающихся от чердынских.

Следующая писцовая книга, составленная Михаилом Кайсаровым в 1623-1624 гг., свидетельствует об активной стихийной крестьянской колонизации Прикамья за прошедшие полстолетия, о росте населения в Перми Великой, о появлении здесь большого числа новых починков и деревень, но границы ее территории оставались прежними.

Вместе с тем правительство было заинтересовано в освоении новых земель на Западном Урале. Так, в 1667 г. составлялись *«Распросные речи чердынцев и пермян (коми-пермяков) по государеву указу о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде и о проч. на северо-восток от Перми»*, т.е. от Чердыни. В основном в них сообщались географические названия, ср.: *«В северной стороне на пустом месте есть де река малая прозванием Березовка (ныне Березовая – Е. П.), а та де река немногорыбна, рыбы де в ней имеются мелкие харюзи, лини, а при той де Березовке-реке есть на пустых*

местех горы каменные пустые, а прозвание им – гора Мулыск, гора Кырниш, гора Дироватая, гора Яранкор, гора Пасынок» [РР, 4] или «В восточной стороне на пустых местех вверх по Вишере-реке, которая близко Чердыни прошла, мимо Чердынский уезд, есть де горы каменные. Прозвания им: гора Сторожевая, гора Велгур, гора Лапина, гора Сыпучая, гора Писаная, гора Ябрус, гора Золотая, гора Гостина, гора Витряная, гора Чувал, гора Короксорец... А те де горы близко вогульских юрт» [РР, 5-6].

Подобные записи свидетельствуют о том, что земли на северо-восток и восток по Верхней Колве, Березовой и Средней и Верхней Вишере были известны в XVII в. (в основном охотникам), но постоянного русского населения там не было. Эта территория заселяется с XVIII в., главным образом носителями чердынских говоров. Так, жители деревни Акчим на Вишере рассказывали составителям полного Акчимского словаря [Акчим. сл.], что она была основана выходцами из чердынского села Анисимова.

Итак, к Чердынской земле постепенно присоединяются новые территории по Верхней Колве, Березовой, Вишере. Вместе с тем в результате истории развития Пермского края и его хозяйства от нее отходят Соликамский и часть Усольского района, правобережье Камы в пределах Коми-Пермяцкого автономного округа, а также к Строгановским вотчинам земли по реке Обве. Таким образом, сейчас можно говорить как о чердынских о говорах Гайнского, Чердынского, Красновишерского и северной части Косинского (по Каме) и Усольского (бассейн Уролки) районов.

Они складывались на большой территории, на которую приходили в основном выходцы с Русского Севера, но, судя по оттопонимическим прозвищам и фамилиям (см. выше), они шли из разных его мест (с Северной Двины, Пинеги, Мезени, Вычегды, из Вологды, Тотьмы и т. д.), т. е. изначально в говорах Чердынской земли могли быть различия, что отмечали лингвисты в середине XX в [Скитова, 1962, 45-46]. Впервые к разработке классификации говоров Перми Великой обратилась в 60-е гг. XX в. К.А. Федорова. Анализируя термины родства, она выявила различие в их употреблении в разных местах, например: сестру жены называли в Гайнском районе *свестя*, в бассейне Нижней Вишеры, в междуречье Камы и Вишеры и на Колве – *свесья*, в говорах Юрлинского района (Коми-Пермяцкий автономный округ), соликамских и далее на восток – *свояченица* и *своячина* [Федорова, 1964, 87]. Исследовав эти и другие термины родства и свойства (*братан*, *братанник*, *братский*, *братуха*, *братанница*, *дочи*, *дочерь*, *золовка*, *золовица*, *сестряна*,

сестрянки, сеструха, свекрова, свекровка, свекруха, свекровушка, свекровица и др.), она устанавливает пять групп говоров на территории бывшей Чердынской земли:

- 1) гайнские (говоры Гайнского района),
- 2) нижневишерско-колвинские (в населенных пунктах по Нижней Вишере, в междуречье Камы и Вишеры, по Колве),
- 3) юрлинские (в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа),
- 4) соликамские (по обоим берегам Камы от устья Вишеры на севере, примерно до г. Соликамска на юге),

5) вишерско-язьвенские говоры (в бассейне Средней Вишеры, по Верхней Вишере и по реке Язьве – притоку Вишеры) [там же, 89].

Развитие чердынских говоров по сравнению с другими на территории Пермского края проходило в особых условиях. Во-первых, чердынские говоры были самыми ранними в Прикамье. Памятники письменности свидетельствуют о проникновении на Чердынскую землю древнерусской лексики, сохраняющейся до сих пор (ср.: *ора́ть* ‘пахать’, *ора́нина* ‘пашня’) или впоследствии исчезнувшей из живой речи. Например, в документах XVII в. отмечается утраченное впоследствии название масти крупного рогатого скота *ре́дрый* ‘красный; красно-желтый, рыжий» [СлРЯ XI-XVII вв., 22, 132]: «Мне досталось корова *редрая* лыса, да другая корова *редрая*, да нетель *редрая*, да бычок *редрой* с лысиной» [Удинцев, 239]. Сохранялись в чердынских говорах и многие древнерусские грамматические особенности речи, ср.: двойственное число (в творительном падеже *рукама*, *ногама* вместо *руками*, *ногами*), плюсквамперфект (*была косила траву*, *была ходила в магазин*), инфинитив с дополнением – существительным женского рода в именительном падеже (*топить баня*, *траву косить*) и др.

Во-вторых, пришедшие с Русского Севера селились в Перми Великой рядом с коми-пермяками, завязывали с ними хозяйственные связи, узнавали от них названия местности (апеллятивы и топонимы), в результате чего в складывающихся русских говорах появлялись коми заимствования в лексике (*буждом* ‘обвалившийся, осыпавшийся берег’, *вад* ‘озеро’, *шутём* ‘заброшенное, заросшее травой и кустарником поле’) и ономастике (*Ветлан*, *Мазг*, *Цидва*, *Чердын*). Прибывавшие мужчины брали в жены коми-пермячек, т.е. возникали двуязычные семьи, в которых дети усваивали фонетику от матери, потому что общение с ней на 1-2 году жизни, когда формируется речь ребенка, было большим, чем с отцом. До сих пор в русских чердынских говорах звучат некоторые звуки коми языка, например, 1 –

«л среднее», ср. запись речи жительницы Чердынского района Н.Г. Андриюковой: *«Родилась я в тридцатом году в январе, второго января, деревня Чашишина. У нас тогда была Молотовская область. На двадцать первом году я ушла замуж»* [Русинова, 2007, 38].

В третьих, развитие Чердынской земли в социальном и экономическом отношении оказалось иным, чем развитие других районов Пермского края. Эта земля не знала крепостного права, носители чердынских говоров были государственными крестьянами. Поэтому здесь не было такого переселения жителей, какое отмечается в вотчинах Строгановых и других владениях крепостников. На протяжении многих столетий чердынцы занимались земледелием, скотоводством, заготовкой и сплавом леса для солеварен и для строительства, охотой, рыбной ловлей. Сюда, иногда в отдаленную от Чердыни местность (на Верхнюю Колву), переселялись многие старообрядцы, сохранявшие свой уклад на протяжении столетий.

С XVIII в. в Пермском крае возникали государственные и частные медеплавильные и железоделательные заводы [Мухин, 1978, 5-7], к которым приписывали и в которые переселяли крестьян из разных владений Пермского края, что приводило к смешению отдельных говоров. Однако это не коснулось Чердынской земли, на которой не было таких заводов и в основном сохранялась старая система хозяйствования.

Осталась Чердынь и в стороне от основных путей, которые проходили в XIX-XX вв. из европейской части России в Зауралье. На севере Пермского края нет железных дорог, крупный водный транспорт, идущий вверх по Каме, доходил лишь до устья Вишеры и далее шел по ней к современному Красновишерску, не заходя в Чердынь. Но в то же время Кама, Вишера, Колва в Чердынской земле традиционно играли большую роль как транспортные пути для небольших судов и лодок, так как сложный рельеф местности и суровые погодные условия препятствовали развитию хороших наземных дорог.

Чердынская земля на протяжении многих столетий была местом ссылки, и первым ссыльным, о котором нам известно по памятникам письменности, был дядя будущего царя династии Романовых Михаила Федоровича, боярин Михаил Никитич, скончавшийся в «яме», т. е. в подземном срубе, куда он был брошен в 1601 г. по приказу Бориса Годунова. Сюда ссылали «раскулаченных» крестьян с конца 20-х гг. XX в. В 30-е гг. край стал местом лагерей для политических и других заключенных. Часть из них оставалась после заключения сначала «на поселении», а потом и навсегда, что имело значение для

общественного развития, но практически почти никак не сказалось на судьбе чердынских говоров.

К настоящему времени очень изменились условия жизни на Чердынской земле. В результате закрытия так называемых «неперспективных» населенных пунктов исчезли многие деревни, их жители разъехались в более крупные поселения. Например, нет на современной карте деревни Акчим, памятником которой остались словарь [Акчим. сл.] и его картотека. Памятником старой культуре становится и картотека Чердынского словаря, хотя до настоящего времени продолжается сбор материала для него в сохранившихся населенных пунктах.

Другой стала экономическая, производственная жизнь, прекратили свое существование многие прежние хозяйственные мероприятия: подготовка лесных участков под пашню, вспашка земли сохой или сабаном, выращивание и домашняя обработка льна, изготовление домашних тканей, старинной одежды и т. д. Изменились или утрачены многие старинные обряды. Вместе с этим забывалась связанная с ними лексика. Современные деревенские бабушки, с которыми чаще всего встречаются диалектологи, учили в школе современный русский литературный язык, слушают радио, смотрят телевизор, в их речь проникают новые слова, хотя они сохраняют в основе свой старый говор. У них большой запас пассивной лексики, которую они вспоминают, рассказывая о прежней жизни.

Раньше Чердынь, казалось, находилась так далеко от центра края, Перми, куда можно было попасть либо самолетом, либо надо было не один день спускаться на речном транспорте по Колве, Вишере и Каме, либо добираться сначала в Соликамск к железной дороге, а уж оттуда в Пермь. Теперь же по хорошей асфальтированной дороге и по мостам через реки всего за пять часов можно пройти такой долгий в прошлом путь. Все это меняет жизнь и изменяет живую речь жителей севера Пермского края.

Подводя итоги, еще раз отметим, что Пермь Великая – Чердынская земля оказалась территорией, на которой в XIV-XV вв. на основе севернорусской речи возникали самые ранние русские говоры Пермского края. Условия жизни способствовали долгому существованию этих архаических говоров, данные которых были зафиксированы диалектологическими экспедициями 50-70-х гг. XX в. И даже сейчас, несмотря на быстро меняющуюся жизнь, сохраняются многие их черты и значительная часть старой лексики. Ее фиксация и изучение необходимы, так как существенно дополняют диалектную

картину и европейских, и зауральских говоров России, которые находятся на пути между Европой и Сибирью.

Литература (с использованными сокращениями)

Акчим. сл. – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / Перм. ун-т. Пермь, 1984-2003. Вып. 1-5.

Васильев В.Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки) / В.Л. Васильев. Великий Новгород, 2001.

Е – Переписная книга воеводы Прокопия Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87-146.

К – Писцовая книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых 1623-1624 гг. // Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Пермь, 1889. С. 110-194.

Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии / И.Я. Кривошеков. Пермь, 1914.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская краевая библиотека имени А.М. Горького. Фонд редкой книги. № 61539.

КЧ – Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623-1624 гг. Рукопись. РГБ, отдел рукописей. Ф. 256, оп. 3, д. 308. С. 46-186.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Зимовье на Студеной / Д.Н. Мамин-Сибиряк. Свердловск, 1978.

Мухин В.В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX века: Учебное пособие по спецкурсу / В.В. Мухин / Перм. ун-т. Пермь, 1978.

НОС – Новгородский областной словарь: в 13 вып. Новгород, 1992-2000.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века / В.А. Оборин. Иркутск, 1990.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 1.

РР – Расспросные речи Чердынцев и пермян по государеву указу о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде и о проч. на северо-восток от Перми 1667 сентября. Рукопись. СПИИ РАН. Ф. 122, пер. 7. III, № 939.

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137, оп. г. Чердынь.

Русинова И.И. Всматриваюсь в прошлое с любовью / И.И. Русинова // Глагол: Пермский филологический журнал, 2007. № 1. С. 36-39.

СГТ – *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Е.Н. Полякова. Пермь, 2007.

СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / РАН. Ин-т рус. яз. М: Рус. яз, 1988-2004. Т. 1-7.

СИЭ – Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1961-1976.

Скитова Ф.Л. Об одной фонетической особенности верхневишерских говоров Пермской области / Ф.Л. Скитова // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1962. Вып. 1. С. 45-46.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975-2006. Вып. 1-27.

СПФ – *Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий / Е.Н. Полякова. Пермь: «Книжный мир», 2005.

СЧ – Подушный список жителей мужского пола сел деревень и починков Соликамской провинции первой половины XVIII в.: Книга Чердынского уезду. Рукопись. ГАПК. Фонд. 13, оп. 1, ед. хр. 3.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. М.: Языки славянских культур, 2005.

Удинцев В. История займа. Киев, 1908. С. 233-252.

Федорова К.А. Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли / К.А. Федорова // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: Труды 4-ой зон. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала / Перм. ун-т. Пермь, 1964. Вып. 1. С. 85-92.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111, оп. 1, № 2357.

Шишонко В. Пермская летопись. Первый период / В. Шишонко. Пермь, 1881.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ, отдел рукописей. Ф. 256, д. 308. С. 1-46.

Прочие сокращения

ГАПК – Государственный архив Пермского края

д. – дело

ед. хр. – единица хранения

об. – оборот

оп. – опись

пер. – переплет

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

СПИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории
Российской академии наук

Ф. – фонд

Функционирование союзов *да, и* в русских говорах пермского края и коми-пермяцкой разговорной речи *

И.И. Бакланова

В данной работе мы рассмотрим функционирование сочинительных союзов *да, и*, зафиксированных в русских говорах Пермского края и в разговорной речи носителей коми-пермяцкого языка. Интерес к данному вопросу объясняется наличием сходных языковых явлений, отражающих, как нам думается, взаимовлияние русских говоров названной территории и разговорной, в том числе диалектной, коми-пермяцкой речи.

Исследователи речи Прикамья давно отмечают заимствования из коми языка в русские говоры на разных языковых уровнях. В работе Е.Н. Поляковой «Формирование пермских говоров» обобщены языковые черты, пришедшие в русские говоры из речи коми-пермяков и сохранившиеся до наших дней. Речь идет о фонетических явлениях (сохранении [l] среднего [Bolodя], отсутствии звука [x], замене его [к] [кутор]), о заимствованиях слов, нашедших отражение даже в русских памятниках письменности [Полякова, 2004, 9-10]. Много заимствований из коми-пермяцкого языка отмечают и исследователи топонимии Прикамья.

Влияние коми-пермяцкой речи на синтаксис русской диалектной речи этого ареала изучено менее всего, между тем синтаксис русских пермских говоров и разговорной коми-пермяцкой речи имеет общие черты. Причина недостаточной изученности синтаксических взаимопроникновений двух языков кроется, вероятно, в том, что отследить синтаксические черты разговорной речи гораздо труднее, чем фонетику и лексику, потому что для этого нужны большие тексты, записи живой разговорной речи. И если мы говорим о заимствовании из одного языка в другой, то нужны записи живой речи носителей обоих языков.

В записях русских пермских говоров и коми-пермяцкой речи нами обнаружены следующие функции союза *да*:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП № 2.1.3/483, РГНФ 08-04-82408 а/У.

Функция	Пермские русские говоры	Коми-пермяцкая речь
Средство связи однородных членов в простом предложении	<i>Здесь у нас вот в нашем конце ты да я да Миша Петрович / тут все приезжие //</i> <i>Двое внуков / Лена да Серёжа //</i> <i>Нету хороших / пьяничи да разбойники / воруют только //</i> <i>Всю зиму шила да / строчила да // вязала да //</i> <i>На стройплощадках жили / в комнатушках да //</i>	<i>Мужиклөн чер да гөр / инькалөн ем да чöрс //</i> (У мужика топор да плуг, у женщины игла да веретено). <i>Туысён каис мужик ыб выö / кöда гогөр сулаліс вөр / да пондіс кöдзны //</i> (Весной пошел мужик на поле, вокруг которого стоял лес, да стал сеять). <i>Талун да / ашын да / мöдлун да / выходнöйез //</i> (Сегодня да, завтра да, послезавтра да – выходные). <i>Кузь лун миськаси да / пеласи да //</i> (Целый день мыла да,стирала да).
Средство связи простых предложений в составе сложносочиненного предложения	<i>Маленькая избушка / небольшая изба-то / я остался со стариком / да золовка у меня осталася / сестра мужа как //</i> <i>Мама посылала меня за медной иконой / да этот свёкр посылал да свекровка / дак иконы-то ведь не было //</i> (соединительное значение) <i>Я вот в лес давеча ходила / больно грибки захотелся / давненько не ела / да шибко далече идти //</i> <i>Вторая [внучка] хотела</i>	<i>Ме мамöкöт муні гортö / да сойö вонöкöт мунісö</i> (Мы с мамой пошли домой, и брат с сестрой пошли). <i>Одзöтіс менчим деньга / да ме сеті //</i> (Одолжил у меня деньги, и я дала). <i>Мунісö мамыскöт куртны / да сё эз локтö</i> (Ушли с матерью грести, но все еще не вернулись). <i>Мужик сайö ветліс / да эз удайччы овны</i> (Замужем она была, но

	<i>вот приехать / да на работу вышла //</i> (противительное значение)	жизнь не удалась).
Показатель связи в сложном предложении с различными обстоятельственными отношениями	<i>Нынче говорю не надо половики / все паласы наберут да</i> <i>Не знаю / чё вам говорить ещё / всё высказала да //</i> (причинно-следственные отношения) <i>Некоторые говорят / а старухе не надо [денег] / да нуце нам ещё надо / везде / на каждую дыру надо //</i> (уступительные отношения)	<i>Урожай воис бур / погоддяйс таво бур вёлі да //</i> (Урожай получился хороший, так как погода в этом году хорошая была – причинно-следственные отношения) <i>Этё книгасё ме лыддя да / тэныт сета //</i> (Эту книгу я тебе дам, когда прочту – временные отношения)

Как видим, слово **да** в обоих языках используется в разнообразных функциях. Необычной для русских говоров является конструкция, в которой **да** стоит в конце высказывания (сложного предложения – далее СП), при этом значение между частями СП является подчинительным. Интересны и конструкции, в которых союз **да** стоит после сочиняемых единиц. В названных конструкциях в русских говорах и коми-пермяцкой речи наблюдается сходство в функционировании союзов, однако функционирование союза **да** в пермских говорах отличается от его функционирования в русском литературном языке.

Рассмотрим функционирование союза **и**:

Функция	Пермские русские говоры	Коми-пермяцкая речь
Средство связи однородных членов в простом предложении	<i>Он де толковый / мастерит шибко / и стулы делат / и тобуреты / и полки да че токо он не делат //</i> <i>Да полно их всяких / и рыжики / дождевики / свинари / кубышки / солдаты / матрёны / ямищичкой гриб / а это под</i>	<i>Пондiсё цветитны и пуэз / и чачазэ //</i> (Расцвели и деревья, и цветы). <i>Порсьыслö и, мбсьыслö и, куканьыслö и – дёс колö.</i> (И свинье, и корове, и теленку – все надо).

	<i>берёзой который растёт / дак всех-от не помню я...//</i> <i>Ягоды были и / брусница и / морошка и / щас всё иссохло //</i>	
Средство связи простых предложений в составе сложносочиненного предложения	<i>Коровы сами на вал идут, и я за ими [иду]</i> <i>По две группы делишься, и одна не давала другим ком ледяной забрать...</i>	<i>Нывкаэз сьылёны песняэз, и зонкаэз ныкёт веселитчёны. (Девушки поют песни, и юноши с ними веселятся).</i> <i>Кывзімё сьылісь висьтё / и айё висьталіс меным... (Мы слушали его рассказ, и отец сказал мне...).</i>
Показатель связи в сложном предложении с различными обстоятельственными отношениями	<i>Трудно стало жить, и муж поехал на заработки (причинно-следственные отношения)</i>	<i>Ошыс лёгалё / пияннэсё вартё и / мыля пырёны мортис дынё // (Медведь злится и детенышей бьёт, потому что к людям лезут).</i> <i>Мыччисис шонді / и лысва ошис. (Выглянуло солнце, и поэтому роса исчезла.) Быдёс семьясё нёбётісё / Миковчыислон мунісё и // (Всю его семью увезли и семья у Миколы уехала.)</i>

Рассмотрим более подробно функционирование союзов в простом предложении.

Как видно из примеров, в простом предложении в обоих языках союзы занимают разное положение: употребляются перед всем сочинительным рядом, употребляются перед каждой из сочиняемых единиц, употребляются после каждой из сочиняемых единиц.

Употребление **и**, как и **да**, после сочиняемой единицы не свойственно русскому языку в целом. А.Б. Шапиро объясняет наблюдаемые в северно-русских говорах конструкции с соединительными союзами после однородных членов тем, что соединительные союзы обладают свойствами частиц. Он утверждает,

что «постпозитивное положение возможно только у соединительных союзов, так как соединительные союзы в гораздо меньшей степени являются союзами, нежели противительные и разделительные, и указывают только на факт объединения, а основным средством выражения отношений между объединяемыми единицами является ритмомелодия» [Шапиро, 1953, 236]. Таким образом, по мнению А.Б. Шапиро, постпозиция при однородных членах служит «главным образом для выделения этих однородных членов и данная функция приближает их к частицам» [Шапиро, 1953, 236].

Какова же причина такого сходства в функционировании соединительных союзов в двух неродственных языках? Мы предполагаем, что разобраться в вопросе о происхождении конечного союза в ряду однородных членов и различного положения союза в СП помогут особенности коми-пермяцкой речи, так как способность союза занимать различное место в предложении, в том числе и постпозиция, характерна, прежде всего, для коми-пермяцкой речи.

Важно отметить, что неоднократное употребление соединительного союза после однородных членов в предложении наблюдается во всех пермских языках: коми-пермяцкий язык: *Умоль оланнас олімо ме **и**, тэ **и*** (Плохой жизнью жили и я, и ты); коми-зырянский язык: *Аски по синтом **и**, коктом **и**, ставыс должен локны.* (Завтра и слепой, и хромой – все должны прийти); удмуртский язык (союз но=и): *Котькуд палась – бакчаысь **но**, сюрес вылысь **но**, азбарысь **но** бызьыса но лобыса лыктізы курегъёс.* (Со всех сторон – и с усадьбы, и с улицы, и со двора бежали и летели куры). Также были выявлены конструкции с аналогичным явлением из русских говоров Пермского края: *В лесах есть **и** ягоды **и** чё **и** всё. Косили **и** / гребли **и** / копнили **и**... Корова **и** / телёнок **и** / поросята **и**...*

К.Е. Майтинская отмечает, что для мордовских языков, которые относятся к финно-угорской языковой семье, «характерно присоединение энклитических усилительных частиц *ga/ *gak/ *ge к личным местоимениям: *мон-га* (и я), *тон-га* (и ты), *минь-га* (и мы)» [Майтинская, 1979, 191-192].

Вероятно, союзы, занимающие нетрадиционное место в предложении, в свою очередь восходят к энклитическим частицам.

Можно предположить, что присоединение бывших энклитических частиц (ныне союзов) в коми-пермяцком языке было применительно к знаменательным частям речи, по-видимому, главным образом для того, чтобы подчеркнуть соответствующую часть речи, выделить ее в потоке речи.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы: позиция союзов **и**, **да** после однородных членов в коми-пермяцком языке является исконной, способность союзов **и**, **да** занимать положение после сочиняемой единицы является естественной чертой пермских языков, входящих в финно-угорскую языковую семью. Наблюдения за постпозицией анализируемых союзов показывают, что в русских говорах Пермского края отчетливо проявилось влияние коми-пермяцкого языка. Такой вывод следует из того, что конечное положение союза не свойственно русскому языку в целом, значит, эта черта привнесенная, заимствованная.

Проанализируем положение союзов **и**, **да** в сложном предложении.

Союзы **да**, **и** в сложных предложениях в русских говорах Пермского края и коми-пермяцкой разговорной речи выступают в тех же функции, что и в русском литературном языке: в сложносочиненном предложении союзы **да**, **и** объединяют 1) равноправные части СП, равноправие передается соотношением видо-временных форм глаголов, 2) части СП, одновременные по содержанию, что передает последовательность событий и 3) части СП, где в первой части содержится причина, а во второй следствие. Союз **да** употребляется и в СП с противительными отношениями.

Кроме данных примеров, нами были выявлены конструкции с союзами **да**, **и**, где союзы занимают положение, не соответствующее нормам русского литературного языка. Например, встречающиеся в речи коми-пермяков СП с союзом **и**, стоящим в конце предложения: к-п.: *Быдѳс семьясѳ нѳбѳтісѳ / Миковчыслон мунісѳ и //* (Всю его семью увезли, и семья у Миколы уехала). Исследователи коми-пермяцкого языка отмечают, что языку не были свойственны сложные конструкции речи: в речи употреблялись короткие, простые предложения. Мы предполагаем, что при появлении СП за некоторыми союзами закрепились способность занимать конечное положение в сложном предложении, т.е. так же, как и в простых предложениях с однородными членами.

В русских пермских говорах союз **да** тоже может находиться в конце СП: *Им надо тоже и отдохнуть / в лесу робят да*. Дополняет эту картину и **дак**, занимающее конечное положение в предикативной единице: 1) *После войны стала умирать дак / в город уехала //* 2) *Дома буду зимовать / не умру дак*.

Союз в конце предложения может быть показателем подчинительных отношений – на это указывают большинство исследователей коми-пермяцкого языка. Б.А. Серебренников считает,

что пермские языки заимствовали из русского только сочинительные союзы, а союзы *а* в значении 'между тем как', *да* в значении 'так как', 'потому что', 'когда' и другие были исконными. Он отмечает, что «все исконные подчинительные союзы в пермских языках занимают конечное положение в предложении» [Серебренников, 1963, 376]. Д.В. Бубрих же считает, что если союз меняет свою позицию в предложении, то «может возникнуть изменение значения сочинительного союза: он может приобретать значение союза подчинительного» [Бубрих, 1949, 191].

Данное утверждение Д.В. Бубриха можно наглядно увидеть на примере, встретившемся в речи коми-пермяков:

*А вот сыбӧрын менӧ подобрали **и** / пондӧ ме овны //* (После того как меня подобрали, я стала жить) – ***и*** – подчинительный союз временного значения.

*А вот сыбӧрын менӧ подобрали / **и** пондӧ ме овны //* (А вот потом меня подобрали, и я стала жить //) – ***и*** – сочинительный союз с соединительным значением.

Интересно, что и удмуртскому языку «свойственно употребление сложноподчиненных предложений, построенных при помощи весьма распространенных союзов *бере, дыръя, шуыса*, которые располагаются в конце придаточного предложения: *Йырыд висе дыръя, больницас ветлы* (Раз голова болит, сходи ты в больницу)» [Основы финно-угорского языкознания, 1976, 209].

Однако вряд ли именно союз вносит в предложение подчинительное значение. Исследователи русского языка выяснили, что еще в древнерусском языке «первообразные» союзы могли соединять части СП с сочинительными и подчинительными отношениями. Известно, что первообразные союзы были универсальным средством связи между сообщениями [Попова, 1950, 396]. Только позже союзы приобрели сочинительную функцию, а затем стали разграничиваться и подчинительные. Следовательно, союз мог употребляться в предложении как с сочинительными, так и с подчинительными отношениями.

Именно такое функционирование союзов отмечается в коми-пермяцком языке и в остальных пермских языках.

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы:

В русских пермских говорах и коми-пермяцкой речи наблюдается сходство в функционировании союзов *да, и*, а именно:

1) союзы объединяют однородные члены предложения, при этом употребляются перед каждой из сочиняемых единиц и после нее;

соединяют пары однородных членов; закрывают ряд однородных членов;

2) союзы объединяют части СП: это может быть предложение с равноправными частями и предложение, в котором одна часть подчиняет себе другую. Именно эта его способность соединять разные по семантике части СП говорит о его нейтральном значении.

Таким образом, в коми-пермяцкой разговорной речи и русских пермских говорах *да* и *и* выполняют одинаковые функции. Необычное для русских говоров расположение союзов как в простом, так и в сложном предложениях (после однородных членов предложения и в абсолютном конце СП) объясняется влиянием языков финно-угорской семьи.

Но может быть, что русские союзы *да*, *и* и *да*, *и* в коми языке являются общими, ностратическими, первообразными союзными средствами.

Таким образом, можно предполагать разные пути появления конечного союза в диалектной речи русских и коми-пермяков, живущих рядом, но данное синтаксическое явление возникло в результате лексико-синтаксического процесса: присловный компонент (частица) превратился в союз с нетрадиционным для русского языка, но вполне соответствующим норме для некоторых финно-угорских языков расположением.

Литература (с использованными сокращениями)

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.

Основы финно-угорского языкознания. Марийские, пермские, угорские языки. М., 1976.

Полякова Е.Н. Взаимодействие разных языков народов Прикамья с древности до наших дней // Русская речь Прикамья. Лингвистическое краеведение. Пермь, 2004. С. 7-13.

Попова И.А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 355-396.

Серебренников В.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Шapiro А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.

Семантические и ассоциативно-символические корреляции диалектного слова *хлебозары* как отражение мифологической идеи первовремени в «пермских» текстах В.П. Астафьева

Ю.Г. Бобкова

Представление о времени может рассматриваться лексико-семантически как воплощение нескольких концепций времени. Как известно, исходной, мифологической концепцией времени была идея циклического времени. Соответственно ей в языке отложено представление о неизменности повторяющихся периодов, которые происходят на определенных участках временного пространства: время (зима, лето, год) приходит и уходит. В дальнейшем происходит смена представления о циклическом характере времени на линейный – время истолковывается как необратимый и сплошной (без разрывов) процесс, в котором выделяется «начало» и «конец» жизненного цикла (человека, мира).

На пересечении представлений о циклическом и линейном времени находится мифологема первовремени (правремени, алловремени). Первовремя – это мифическое время, состояние до начала исторического отсчета времени, время первотворения, начала мира. Для него характерны глобальные события: в момент первовремени создается окружающий мир, пересотворяется природа. Это время первопредков, перводействий, первопредметов [Мелетинский, 1980, 252-253].

Совпадение первовремени с циклическим временем обнаруживается в их повторяемости: периоды циклического времени вписаны в замкнутый круг, а первовремя, восходящее к незапамятным временам, «восстанавливается» в особых календарных ритуалах, которые, имитируя момент первоначал, направлены на обновление мира и мироздания. Пересечения с линейным временем обусловлены переживанием идеи начала: конкретной жизни (в линейном времени) и бытия в целом (в первовремени). Полного тождества первовремени и основных концепций времени нет, поскольку циклическое и линейное время осмысляются как динамичные, длящиеся, протекающие, меняющиеся, а первовремя, напротив, как категория сакральная, сближенная с Богом, как вечность, обращенная в прошлое, как время вне его протекания – время в статике.

Если для современного русского языкового сознания первовремени не существует – в языке отложены лишь идеи

правремени (древнее время «оно», незапамятное время царя Гороха), то «пермские» тексты «Затесей» В.П. Астафьева содержат большое количество свидетельств осмысления писателем традиционной для народной культуры мифологической идеи первовремени, оформленной чаще всего как целостные фрагменты текстов*. О значимости идеи первовремени для В.П. Астафьева, об авторской оценке первовремени свидетельствует тот факт, что эта идея актуализируется в сильной текстовой позиции: текст «Хлебозары» открывает макротекстовое пространство «Затесей», а «Благоговение» является заглавием и конкретного текста, и цикла текстов «Затесей».

В астафьевских текстах идея первовремени ассоциативно выражается лексикой таких семантических полей, как «Огонь» – *зарницы, пламя, молнии, озарять*, диал. *хлебозары*, окк. *осияние*; «Небо» – *небо*; «Земля» – *земля-кормилица, мать-земля, хлебное поле*; а также изолированными окказиональными словами *веснотворение, перворождение*.

Наиболее очевидный образ первовремени – космический огонь, зарницы: *только зарницы, томительные зарницы сверкают, плещутся над лесами и полями, голубым и белым пламенем озаряя покорные колосья* («Благоговение»). *Зарницы* – это ‘мгновенная световая вспышка без грома на небосклоне ночью или вечером – отблеск далекой грозы’ [МАС, 1981, I, 566]. Метафорическое наименование зарниц в тексте – *древнее пламя*.

Два текста В.П. Астафьева – «Хлебозары» и «Благоговение» – построены на корреляции огня, с одной стороны, и покоя и земли – с другой. Это соотношение служит способом выражения идеи первовремени. В обоих текстах описывается зарождение хлеба в июне – времени активности зарниц.

В лексическом значении слова *зарницы* заложены идеи огня (вспышка) и тишины (без грома). Огонь в комбинации с тишиной – это не только внутренние, семантические атрибуты слова *зарницы*, но и сущностные характеристики обычая коми-пермяков, народа, по словам В.П. Астафьева, еще не забывшего себя и Бога (фактически здесь писатель указывает на сохранение в верованиях коми-пермяков языческих древних культов природы). Этот обычай (текст-в-тексте) целостно воспроизводится В.П. Астафьевым в тексте «Благоговение», а потому становится не только фактом локальной культурной традиции, но и фрагментом целостного переживания писателя,

* Далее тексты «Затесей» цитируются без указания страниц по изданию [Астафьев, 2003].

осмысленного, духовно принятого и воплощенного в художественных текстах:

Один из них, из обычаев, заключается в том, чтобы в момент цветения ржи никакая зараза о себе не заявляла, никакой крик, даже громкий разговор не проникали на ржаное поле, не достигали слуха его. В период цветения ржи не только от какого-либо шума, неблагоприятно сказывающегося на урожае, следовало воздерживаться и от супружеских отношений, не стирать, не полоскать белье, не белить холста.

Самое цветение ржи, по поверьям пермяков, происходит в полдень. В старину в полдень люди прятались в избах, запирали двери, занавешивали окна, ложились в пологи и молчали. В это время никто не должен касаться голыми руками колосьев ржи, курить табак возле цветущего поля и производить какой-либо гам, тем более лаяться на земле.

Я почти четверть века прожил на Урале, прикипел к этой усталой, присмирелой земле, кажется, понимаю, слышу и вижу, ощущаю пору цветения ржи, когда и в самом деле сделается тихо-тихо в селении, оно вдруг отдалится от всего и жители села, кого где застал полдень, сомлело замрут в себе. Только зарницы, томительные зарницы сверкают, плещутся над лесами и полями, голубым и белым пламенем озаряя покорные колосья.

Тихое, тихое благоговение царит над божьим миром.

Духовная активность человека, погружение в себя, молчаливое благоговение подчеркивает священнодействие зарниц, воплощающих идею божественного брака неба и земли. Небесный огонь выступает символом мужского семени, оплодотворяющего землю-кормилицу. Эта символика восходит к космогоническим мифам, в которых описывается первоначальная божественная супружеская пара – небо и земля. Вещественным символом их связи могли служить и дождь, и молния, к чему и восходит астафьевская акватическая метафора **зарницы плещутся**. От молнии, то есть от брачных отношений неба и земли, согласно мифологическим представлениям, рождались люди, обладающие особым дарованием, именно поэтому астафьевское древнее пламя осеняет их, не давая совсем уж забыться и одичать. И эти люди способны понять, в чем причина зарождения хлебных зерен. Хлеб – это дитя божественной любви, вызывающей благоговение.

Еще в большей степени связь между зарождением зерна и зарницами проявляется в слове **хлебозары́**. Диалектное слово вводится в ткань художественного текста со ссылкой на «первоисточник»: *Зарницы тревожились в небе, зарницы играли на хлебах. В русских*

селах так и зовут их – хлебозары («Хлебозары»). Это позволяет соотносить художественное переживание В.П. Астафьева с коллективным культурным опытом русского народа.

Слово **хлебозары** имеет прозрачную внутреннюю форму, вскрывающую древнейшие верования, согласно которым зарницы влияют на созревание нив. Как отмечает А.Н. Афанасьев, диалектное слово содержит процессуальный корень *-зр-*, который символизирует стихию света и в глаголах **зреть**, **созревать** указывает на мысль, что «поспевающие хлеба, окрашиваясь в желтый, золотистый цвет, через то самое уподобляются солнечному блеску» [Афанасьев, 1982, 61].

Слово **хлебозары** в астафьевском тексте контекстуально сближено со словами игровой семантики. Любопытно, что слова с семей 'игра' регулярно актуализируют идею недооформленности мира. Так, у В.П. Астафьева: *Шалый дождик налетел с ветром, пыль продырявил, заголил хвосты куриц, разогнал их во дворы, качнул и растрепал яблоню под окнами, убежал торопливо и без оглядки («Дождик»); Все живет, радуется и озорует в бездомовье лесном («Он живой!»); ... беззвучное мерцание звезд, которое в народе зовут точнее игрою («Ночное пространство»); Мне это казалось как бы детской игрою. Природа смежала лишь один глаз на ночь, притворялась спящею – ведь солнце-то закатилось, и вечер наступил, и покою полагалось быть, и сну, и отдыху. Земля вздыхала, сыро туманилась далями, но все это делала с лукавинкой, как бы играя в сон и послушание («Он живой!»).* В этих примерах вводится общая идея мира как бесконечной игры, широко представленная в диалектной фразеологии *погода играет* – о хорошей погоде, *месяц играет, солнце играет* и настойчиво повторяющаяся в текстах писателя. По-видимому, эта же идея проявляется у В.П. Астафьева в символическом уравнивании театра и весенней тайги: *Ах Ты, Господи! Случаются же минуты счастья и восторга, совершенно тебя невменяемым делающие, почти с ума сводящие – так бывает только в театре, и в тайге весной («Щелкунчик»).* Активность лексики семантического поля «Игра» обусловлена его символическими – многосмысленными, широкозначными – потенциями: игра предстает символом творческой фантазии, игра символизирует власть над реальностью, игра – это предпосылка происхождения, творения мира в целом и конкретной жизни в частности.

Повторим, что ассоциативное поле номинаций первоначально составляют разнообразные слова со значением отсутствия активности, т. е. содержащие семы 'покой', 'тишина'. Например, *Реки рождаются*

в блаженной, вечной тишине. Рождение не терпит суеты, рождению нужен покой («Марьины корни»).

Смысловой доминантой обычая как фрагмента астафьевского текста «Благоговение» является корреляция *покоя-активности*. Физический покой предписывается человеку, поэтому выражается в императивных конструкциях. Активность характеризует только зарницы.

Покой выражается разнообразными средствами: лексикой с семой 'тишина', в том числе через отрицание звучания: *тишина, тихий, тихо-тихо, молчать* и в отрицании *крика, громкого разговора, шума, гама* и др.; лексикой физического покоя: *сомлело, замереть*; словами с семантикой широкого спектра эмоциональных переживаний: *благоговение, ожидание, тоска о чем-то неведомом, смутные воспоминания тревожат* и др. Одновременно с этим обычаем, воссозданный В.П. Астафьевым, предполагает духовную активность, которая выражается словом *благоговение* – смысловой доминантой текста: слово вынесено в заглавие, буквально повторяется в тексте (элементарный лексический повтор) и символически дублируется, обнаруживая свои этимологические значения: *благо* (исконно русск. *болого*) 'поклоняться', 'гореть, пылать', 'лучезарный блеск', 'полубожества – воплощения молнии', с одной стороны, и *говеть* 'тишина' – с другой [Фасмер, 2003, I, 170, 188, 423-424]. Как видим, этимологические значения слова *благоговение* вбирают в себя два основных ассоциативных поля первоначально – «Огонь» и «Тишина». С осмыслением того, что мир не существовал до божественного соития, и связана символика астафьевской тишины. Тишина есть знак состояния до-мира, до-рождения, до-бытия. Рождение зерна становится знаком-символом рождения мира в тексте «Хлебозары»:

Сколько же стою я среди хлебов? Час, два, вечность? Недвижно все и смиренно вокруг меня. Ночь без конца и края, такая же ночь, какая властвовала в ту пору, когда ни меня, ни этих колосьев, никого еще не было на Земле, да и сама Земля хлопотала в огне, содрогалась от громов, умирняя себя во имя будущей жизни. И быть может, не зарницы эти, а неостывшие голоса тех времен, пластая в клочья темноту, рвутся к нам? Может быть, пробиваются они сквозь толщу веков с молчаливым ужасом, но все еще ярким приветом, только с виду грозным, а на самом деле животворным, потому что из когда-то дикого пламени в муках и корчах родилось все: былинки малая и дерево, звери и птицы, цветы и люди, рыбы и мошки.

*И не оттого ли в летние ночи, когда издалека сигналият о чем-то зарницы, утерявшие громы в миллионлетней дороге, а хлеба наполняются твердостью и могуществом и свято притихшая земля лежит в ярком осиянии, в сердце нашем пробуждается тоска о еще неведомом? Какие-то смутные воспоминания тревожат тогда человека. И небо в эти минуты словно бы становится вестником нашего **перворождения**, доносит отголоски тех бурь, из которых возникли мы.*

Данный текст позволяет судить о целостном символическом осмыслении идеи первовремени, номинированном в смысловой вершине текста (в сильной текстовой позиции, в конце текста) авторским словосложением **перворождение**. Ежегодно повторяющееся действие – священнодействие зарниц – становится символом начала начал мира.

Таким образом, в «пермских» астафьевских текстах сохраняется традиционная семантическая и символическая корреляция диалектного слова **хлебозары**. Одновременно с этим В.П. Астафьев усложняет семантическую структуру слова **хлебозары**, которое в авторских текстах становится выразителем мифологической идеи первовремени путем внутритекстовых сближений диалектного, узуального и окказионального слов: **хлебозары, благоговение, перворождение**.

Литература

Астафьев В.П. Затеси / В.П. Астафьев. Красноярск: Вся Сибирь; Красноярское книжное изд-во, 2003.

Афанасьев А.Н. Древо жизни: избранные статьи / А.Н. Афанасьев. М.: Современник, 1982.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1981-1984.

Мелетинский Е.М. Время мифическое / Е.М. Мелетинский // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 252-253.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель, АСТ, 2003.

Фразеологизмы в русских говорах Коми-Пермяцкого округа (на материале лексики говорения)*

М.В. Богачева

Мы являемся свидетелями серьезных подвижек в российском обществе. Кризис 90-х миновал, но очевидно, что он будет определять пути развития российского общества в течение еще многих десятилетий. Разрушения в политической жизни оказались способны погрести под собой культурное достояние россиян. Значительный удар испытала традиционная духовная и материальная культура. В таких условиях особое значение приобретают устремления этнографов, историков, лингвистов и др. фиксировать, сохранить, обнародовать, осмыслить сокровища народной культуры.

В настоящей работе мы обратились к малому фрагменту народной картины мира, отраженному в живой речи сельчан. Рассмотрены фразеологизмы, используемые в обиходе жителями Коми-Пермяцкого округа. Выбор наш не был случаен.

Во-первых, внимание обращено к языковым данным говоров, специфичных уже в своей истории и по условиям бытования. Известно, что Пермский край – территория позднего заселения русскими. Освоение этих земель далеко не всегда проходило мирно, нередко автохтоны притеснялись и даже уничтожались. Так, гидронимы (названия водных объектов) свидетельствуют, что некогда именно финно-угры занимали Верхнее и Среднее Прикамье, об этом говорят названия рек с характерными формантами *-ва, -я, -чер, -шор, -вож* и под. (типа *Лазьва, Сосьва, Лысьва, Косьва, Вильва, Яйва, Шаква, Челва, Пудья, Вая, Мытчер, Шотчер, Буткашор, Палашор, Чувашер, Шотишер, Ош-Вож, Унвож* и т. д.). Теперь же коми-пермяки вытеснены в северо-западную часть края, и уже русские говоры существуют в языковом окружении исконного населения, в той или иной мере испытывая его влияние.

Во-вторых, народная (диалектная) фразеология мало освоена исследователями, и это несмотря на известный факт, что в народной афористике, в частности в устойчивых выражениях, с предельной полнотой аккумулированы представления носителей языка о мире и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП (№ 2.1.3/483, № 2.1.3/2175), РГНФ (проекты №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82402 а/У, 09-04-82403 а/У).

человеке как части мира.

Рассмотрены фразеологические единицы (далее – ФЕ) одной лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) – «Говорение». Способность к речемыслительной и эмотивной деятельности осознается носителями языка как сущностное свойство человека. И, как можно предположить, попытка вскрыть особенности восприятия и оценки речевых процессов носителями языка будет способствовать воссозданию фрагмента языковой картины мира говорящих.

О важности этого фрагмента свидетельствует уже количественный фактор. Так, в различных словарях, хрестоматиях и источниках иных типов («Словаре пермских говоров», «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии», «Хрестоматии говоров Пермской области» и др.) выявлено более 1000 ФЕ указанной ЛСГ. Из них более 100 зафиксировано в «Словаре русских говоров Коми-Пермяцкого округа» [СРГКПО, 2006], который и послужил источником данных для настоящего исследования.

Исследователями отмечалась семантическая «зыбкость» слов данной ЛСГ [см., например, Черенкова, 2004, 147], в силу чего до сих пор четко не установлены границы данной группы, нет полной, строгой, объективной классификации ее составляющих. При отборе и анализе материала мы руководствовались пониманием под лексикой говорения отдельных слов и устойчивых сочетаний, так или иначе отражающих речевой процесс, который предполагает работу речемыслительного аппарата, производство особого рода речемыслительных единиц (от отдельных звуков до цельных текстов), наличие говорящего и слушающего, а также возможность характеристики и оценки говорящим самого процесса, его продукта и производителя.

Итак, собранные ФЕ обладают следующими особенностями.

Обращает на себя внимание лексико-грамматическая отнесенность единиц ЛСГ. Исследователями неоднократно отмечалось, что ядро группы составляет глагольная лексика. Так, в говоре д. Акчим ЛСГ включает 277 глаголов (около 72%) и 105 других единиц, вместе взятых (около 28%) [Скитова, 1964, 79], по более поздним (и более полным) данным – 412 глаголов (68,2%) и 192 иные единицы (30,8%) [Калиушко, 2006, 15]. Ср. также наблюдения А.Д. Черенковой: «...в абсолютном большинстве в роли стержневого слова конструкции выступает глагольная лексика» [Черенкова, 2004, 147]. Очевидно, кстати, именно этим фактом объясняется повышенный интерес лингвистов именно к глаголам: практически все известные нам работы по лексике говорения связаны с анализом

глагольной лексики.

Любопытно, что ФЕ демонстрируют ту же особенность наполнения ЛСГ. В наших материалах из 102 единиц 68 в качестве стержневого слова имеют глагол, ср.: *(все) уши опеть* ‘надоесть разговорами’, *дать совет* ‘согласиться’, *клик кликать* ‘звать, призывать’, *много стелить* ‘много говорить, болтать, обещая’, *слезы доставать* ‘причитать’ и т. п.; сюда же мы отнесли фразеологизированные сочетания пословично-поговорочного типа: *на тебя дождь не дожжигит, ветер не дует, снег не валит* ‘слова, которые говорят при отказе на просьбу о помощи [обычно материальной]’, *ходи да не дохаживай, пей да не допивай* ‘пожелание не все рассказывать, договаривать’ и др.

В остальных случаях это междометные конструкции (ср.: *батюшко бог, истинный Христос!* ‘уверения в правоте, божба’), словосочетания по типу согласования (ср.: *дамка мостовая* ‘о сварливой, бранчливой женщине’) либо не глагольного управления (ср.: *голос под голос* ‘в голос’), предложно-падежные сочетания (ср.: *без думы* [*сказать* и т. п.] ‘без подвоха, умысла [сказать и т. п.]’), сравнительные обороты (ср.: *(как) буторова борона* кто-л. ‘неодобрительно о непостоянном, постоянно перескакивающим с одной темы на другую’), безличные синтаксические конструкции (ср.: *целый туесок* ‘много (рассказов, баек)’: *У баушки целый туесок сказок-то*), двусоставные предложения с именным сказуемым (ср.: *язык на простом месте у* кого-л. ‘о болтливом’), бессоюзные сложные предложения (ср.: с кем-л. *баять – язык маять* ‘говорить без пользы’).

Несколько иначе связь рассматриваемых ФЕ с глаголами отражена в семантике. Значение процессуальности передается в 53 устойчивых сочетаниях, ср.: *басни сказывать* ‘говорить неправду’, *деньги выпевать* ‘исполнять величальные песни гостям свадьбы’, *драть хайло* ‘очень громко и много петь или кричать, говорить’, *перетворить молитву* ‘сотворить молитву, помолиться’ – и *только набелки щелкают* ‘о болтливом’.

Очевидно, что речь рассматривается носителями русского языка прежде всего как некий процесс, причем ценностно значимый. На это указал последующий анализ наших материалов.

В ЛСГ «Говорение» в целом наиболее активными являются лексемы *говорить* и *сказать*, точнее, одна лексема в двух указанных супплетивных видовых формах. Они нейтральны семантически (называют процесс речи как таковой) и стилистически (очевидно, этим вызвано повышенное к ним внимание со стороны лингвистов). Среди

ФЕ аналогичные единицы отсутствуют, что, вероятнее всего, объясняется самой природой фразеологизмов: лишь номенклатурные единицы способны обладать нейтральной стилистической окраской, обычно же ФЕ нагружены дополнительными коннотациями; известно их тяготение к экспрессивности и оценочности.

С точки зрения семантики особенностью ФЕ является еще бóльшая «зыбкость» данной группы, в сравнении с отдельными лексемами. Ср. высказывания исследователей: «Несмотря на то, что глаголы говорения образуют единую семантическую группу, наблюдаются некоторые различия в значениях глаголов этого класса, а также фиксируются несколько значений у одного глагола» [Потапова, 1966, 237-238]; «В лексемах типа *хвастать* необходимо, очевидно, различать как самостоятельные лексико-семантические варианты значения «похваляться словесно» и «похваляться, демонстрируя что-то» [Скитова, 1964, 80].

И вслед за некоторыми лингвистами мы посчитали целесообразным включить в число рассматриваемых ФЕ, например, те, которые указывают на «нуль» речи (то есть молчание), или те, которые связаны с пением, поскольку «петь» в сознании носителей говора обязательно предполагает текст, сопровождаемый мелодией [ср.: Потапова, 1966].

На периферии оказались устойчивые сочетания, в которых значение говорения оказывается в той или иной степени завуалировано. Нередко такие ФЕ обозначают действия, которые характеризуются широким спектром формы проявления (ср., например, *вверх ногами поставить* ‘опорочить, оскорбить кого-л.’, но оскорбление можно нанести не только словом, но и действием; *смотреть вдоль по носу* ‘сердиться, дуться’, *с бороной летать* ‘беспричинно злиться’, но раздражение обычно выражается в первую очередь в поведении и лишь во вторую – в словах; *на ветер делать* эвфемизм ‘колдовать’, но магические действия не всегда сопровождаются наговорами, заговорами).

Отобранные ФЕ могут быть классифицированы следующим образом. Нами выделены 3 основные составляющие речевой деятельности: 1) речь как процесс, 2) продукт речевой деятельности, 3) субъект речевой деятельности. В соответствующие группы объединены ФЕ, которые называют, характеризуют, оценивают данные составляющие.

1. ФЕ, отражающие речевую деятельность как процесс, в том числе:

1) ФЕ, отражающие факт / «нуль» речи, ср.: *плут родился* шутливо ‘о внезапно наступившей среди разговора тишине’, *ни вести ни памяти (ни грамоты), ни костей ни мощей* ‘нет, не было никаких известий о ком-л.’;

2) ФЕ, отражающие формальные (физиолого-акустические, количественные) особенности речевой деятельности: *драть хайло* ‘очень громко и много петь и кричать, говорить’, *некошным голосом* ‘истощно, иступленно’, *раз ду-ля-ля-ля* ‘о непонятной речи’, *стон стоит* ‘о громких звуках’, *с придвойкой* ‘с распевом’, *(все) уши опет* ‘надоесть разговорами’;

3) ФЕ, отражающие содержательную оценку речевой деятельности (информативную насыщенность, достаточность / избыточность речи и т. п.): *три вороха (наговорить)* ‘много’, *в мешок не уйдет* ‘очень много’, *с крутую гору* ‘излишне много’;

4) ФЕ, отражающие функциональную оценку речевой деятельности, в том числе: а) соотнесенность с реальностью: *басни сказывать* ‘говорить неправду’; б) пользу / бесполезность: с кем-л. *баять – язык маять* ‘говорить без пользы’; в) регулярность / нерегулярность: *знику не давать* ‘не давать покоя постоянными просьбами, требованиями, расспросами’; г) целеполагание: *политику читать* ‘читать мораль, воспитывать’, *на все проклятые ставить* ‘ругать, проклинать’, *коляски подкатывать* ‘стараться понравиться, подольщаться’.

2. ФЕ, отражающие особенности продукта речевой деятельности (речевого высказывания): *славу пускать* ‘распространять дурные слухи’, *плести нетунаину* ‘болтать пустое, говорить вздор’, *только набелки брякают* ‘о сильной ругани’, *батюшко бог, истинный Христос!* ‘уверения в правоте, божба’, *нежная песня* ‘песня, под которую молодых усаживали за свадебный стол’, *провоженные песни* ‘рекрутские песни’, *умерший стих* ‘похоронное причитание’, *трубу чистить* ‘о летней хороводной игре «Трубочист» с песнями’; то же что *трубочистом играть*’.

3. ФЕ, отражающие особенности производителя речевой деятельности: *немая палка* ‘неразговорчивый человек или ребенок, который долго не начинает говорить’, *сидячи девушки* ‘девушки, подружки невесты, исполняющие свадебные песни на девичнике’, *дамка мостовая* ‘о сварливой, бранчливой женщине’, *на языке сыр-масло* у кого-л. ‘о словоохотливом и лстивом человеке’, *как колоколо* ‘о чрезмерно разговорчивом, словоохотливом’, *(как) буторова борона* кто-л. неодобр. ‘о непостоянном, постоянно перескакивающим с одной темы на другую’.

4. ФЕ, косвенно отражающие речевую деятельность, особенности ее продукта, субъекта: *сказкой думать* 'предполагать', *на смеху оставить* 'осмеять, выставить на посмешище', *золотом одарить* 'отнестись к кому-л. приветливо, доброжелательно', *кругом играть* 'играть хороводом', *килы вязать (ставить)* 'напускать порчу в виде грыжи', *зачерчивать болезнь* 'излечивать болезнь знахарскими и магическими способами', *добром-чередом* 'по порядку, как следует', *от семи собак отъестся* кто-л. 'о том, кто не дает никому спуску'.

Мы не претендуем на исчерпывающую семантическую характеристику. Данная классификация рассматривается как одна из возможных. Справедливо ее расширение и уточнение, привлечение иных оснований для деления.

В заключение изложим некоторые наблюдения, сделанные при работе с собранными данными.

Речь для диалектоносителя прежде всего – ценностно ориентированный процесс. Важен в первую очередь сам факт реализации способности человека к речемыслительной деятельности, факт установления контакта. Но не менее важна цель, содержательность, вразумительность, лаконичность, правдивость и др. характеристики речи. Значимость этих ее признаков подчеркивается особой экспрессивностью, преимущественно пейоративной (бранной) окраской ФЕ.

Чаще всего ФЕ обладают множественной семой структурой (и множественностью характеристик речевой деятельности), что ведет к значительной диффузности выделенных групп ФЕ. С одной стороны, это порождает своего рода количественную избыточность, с другой – позволяет носителю диалекта выбрать из целого ряда доступных единиц ту, которая наиболее точно выражает его мысль.

Литература

Калиушко Г.В. Тематическая группа «Говорение» в говоре д. Акчим Красновишерского района Пермской области: Дипломная работа. Пермь, 2006.

Потапова Н.П. Структура предложения с глаголами говорения // Языкознание. Уч. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1966. № 162. С. 236-257.

Скитова Ф.Л. Из наблюдений над лексикой говорения в народной речи (опыт определения границ и структуры лексико-семантической группы) // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964.

С. 77-84.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

Черенкова А.Д. Глаголы речи в говорах Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001-2004 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2004. С. 146-154.

Названия глиняных изделий домашней утвари (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)

Ю.С. Бушмелева

Домашняя утварь – это совокупность предметов домашнего обихода, включающая кухонную и столовую посуду, приспособления для хранения и переноски различных вещей и продуктов питания.

В многочисленных предметах домашней утвари нашло свое отражение многообразие и богатство материальной культуры русского народа.

При всей общности черт, характерных для традиционной материальной культуры русских в целом, в разных регионах предметы домашней утвари существенно различались по материалу и технике изготовления. Каждый из них имел свое название, которое, в зависимости от места проживания той или иной этнографической группы русских, сохраняло особенности бытовой лексики. Большую смысловую нагрузку несла оригинальная художественная отделка готового изделия. Она позволяла отличать произведение одного мастера от другого, а также служила определителем места бытования утвари.

В зависимости от того, как и где готовили какое-либо блюдо русской кухни – варили, кипятили, жарили, солили, квасили, – утварь делали из дерева, глины, металла или стекла.

Археологические данные свидетельствуют, что предметы, которыми поначалу пользовались наши предки, были довольно простыми в изготовлении. С распространением пашенного земледелия как на севере, так и на юге Древней Руси, с развитием производительных сил и разделением труда в составе населения первых восточнославянских княжеств имелись свои ремесленники, занятые изготовлением различной бытовой утвари, предназначавшейся как для удовлетворения собственных нужд, так и для продажи. Среди них были гончары, изготавливавшие на ручном гончарном круге изделия из глины; кузнецы, ковавшие металлическую утварь; бондари, делавшие деревянную посуду, и многие другие умельцы.

При появлении первых русских городов в X-XIII вв. постепенно стали создаваться центры ремесла и торговли, где происходило изготовление и продажа различных предметов утвари, причем наиболее массовой посудой Древней Руси были глиняные изделия. Переход от лепной керамики к гончарной, то есть круговой,

произошел в конце IX – начале X вв. Глиняная посуда была не только у русских, но и у всех славянских народов и употреблялась для приготовления почти всех блюд. Так, неизменной принадлежностью каждой хозяйки был глиняный **горшок** для приготовления щей. Оставленные в печи, они становились вкуснее и наваристее. Этому способствовала своеобразная форма горшка, благодаря чему тепло, идущее от печи, равномерно охватывало сосуд, в нем никогда ничего не пригорало. В хозяйстве имелись и более мелкие горшки, в них кушанья разогревали. Готовую пищу подавали на стол в большом глиняном или деревянном **блюде**.

Для тушения мяса, жарения рыбы и овощей пользовались **латками** – плоскими глиняными сковородами с невысокими краями и двумя ручками.

Большим разнообразием отличались глиняные формы для холодца и заливной рыбы. Они были округлой, треугольной, квадратной формы, украшенные по краю и по дну рисунком; внутри их покрывали цветной глазурью.

Растительные масла хранили в небольших глиняных **кувшинах** черного лощения шаровидной или яйцевидной формы с ручкой и носиком для слива (рыльцем). Носик и невысокое горлышко закрывали деревянными пробками.

Специальная утварь использовалась для хранения молока и молочных продуктов. Наряду с деревянными, в употреблении также были глиняные **дойники**, с маленькой горизонтальной ручкой и высоким втульчатым коротким рыльцем. Молоко доили также в глиняное **ведёрко** цилиндрической формы с крышкой.

Молоко обязательно процеживали через деревянную воронку с куском холста в глиняные **кринки** с высоким горлом. Сливки подавали в глиняном **сливочнике** округлой формы, с ручкой и изогнутой горловиной. Все молочные продукты хранили в глиняных кринках или **банках**. На Севере были распространены низкие кринки, в средних областях и на юге – высокие. Масло топили в невысокой глиняной плошке с маленьким носиком-сливом (рыльцем). Топленое коровье масло подогревали в небольшом глиняном горшке с расширяющимися кверху стенками, с плоской прямой ручкой и небольшим сливом – **масленке**. Иногда такая масленка имела крышку. Готовое масло раскладывали в большие **бочки** для продажи на ярмарках или держали в небольших глиняных **корчагах**.

Для приготовления кваса пользовались глиняными **корчагами** с небольшим отверстием внизу для слива сусла. На стол квас или брагу подавали в изящных шаровидных кувшинах – **кумганах**.

Готовое пиво обычно помещали в большие глиняные сосуды: *горлач* – красноглиняный округлый сосуд с суживающимися кверху стенками, с рыльцем и узким горлом; *корчагу* – чернолощеную глиняную посуду яйцевидной формы, раздутую в верхней части с высокой горловиной

Большая часть глиняной посуды изготавливалась на гончарном круге. По форме она разделяется на три основных типа. Она может иметь форму овала, цилиндра или усеченного конуса, повернутого основанием кверху. Овальные горшки делали главным образом для варки пищи. В отличие от соседей, южных и северных славян, готовивших пищу в котлах, обогреваемых снизу, «русский» горшок обогревался сбоку.

Единообразие типов домашней утвари свидетельствовало об общности культуры народа на всей его территории. Контакты с иноязычным населением приводили к известному единству, например, в гончарном производстве, на что указывают форма и орнамент сосудов.

Основу переселенцев Урала составляли жители Русского Севера. Мастеровые люди из Новгорода, Великого Устюга, Чердыни, Вятки приносили с собой все, что было необходимо и удобно в быту, и прежде всего утварь. Многие из них продолжали заниматься своими промыслами и на вновь освоенных территориях. Так, например, названия некоторых изделий домашней утвари (сосудов): *горлач* – ‘кувшин для молока’ (южнорус.), *макитра*, *тыква* (укр.) – подтверждают, что на территорию Верхнего Прикамья гончарное производство было принесено белорусскими и украинскими мастерами.

С течением времени традиционный уклад русской деревни претерпел многочисленные изменения, однако среди элементов материальной культуры пища и утварь оказались наиболее устойчивыми, что диктовалось прежде всего образом жизни трудового народа, имевшим практический и рациональный характер ведения домашнего хозяйства [Русские, 1997, 397-415].

Данная работа посвящена исследованию особенностей номинации и этимологии лексических единиц, обозначающих глиняные предметы домашней утвари (емкости, сосуды) в картотеке «Словаря чердынских говоров». При этом семантическому и историко-этимологическому анализу подвергается как общерусская, так и собственно диалектная лексика, зафиксированная в северных районах Пермского края: Соликамском, Красновишерском, Чердынском.

Номинация – это процесс образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычисления фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений [Блинова, 1984, 57].

Явление лексической мотивированности – одно из интересных явлений русского языка. Исследования, проводимые в области лексикологии, показали, что в диалектной языковой среде тенденция к мотивированности слова проявляется более широко, нежели в среде литературного языка: носители диалектов хорошо знают свой говор не только с точки зрения практического владения им, но и с точки зрения осмысления его структуры.

В «языковом сознании» носителей говора происходит осмысление связей между словами, осмысление внутренней формы слова и его значения, мотивировочного признака, легшего в основу названия. В мотивированной лексике закреплены своего рода итоги, этапы познавательной деятельности человека в системе его взаимоотношений с окружающим миром, с другими людьми, и внутренняя форма слова отражает опыт этой деятельности. Поэтому говоры являются богатым лексическим материалом для изучения явлений мотивации [Блинова, 1973, 25].

Анализ мотивированных лексических единиц, входящих в тематическую группу «Наименования глиняных предметов домашней утвари», позволил выделить следующие признаки, лежащие в основе номинации предметов:

1. Материал, из которого сделан предмет:

Гли́ночка – ‘глиняная посуда для молока’ (*Молоко в печку в глиночках ставили, они глиняные, красивые такие*). Слово является производным от русск. *глина* (**glina*), родственного греч. *γλίη* ‘клей, клейкое вещество’, которое восходит к и.-е. **glei-nā* [ЭССЯ, 1979, VI, 125-126].

Черепёня, черепушка – ‘глиняная посуда для кормления домашних животных’ (*А собаку-то мы из черепени кормим; Наложил кильки-то котяткам в черепушку глиняную*). Данные слова являются производными от о.-с. **čerpъ* в значении ‘черепок’, ‘обломок глиняной посуды’, которое восходит к и.-е. базе **kerp-* [от корня *(s)*ker-* ‘резать, отделять’] [ЭССЯ, 1977, IV, 73-74].

2. Функции, выполняемые предметом:

Дойник – ‘глиняный сосуд, предназначенный для доения скота’ (*В дойник мы коз давали, вон он стоит, глиняный*). Слово является производным с суф. *-ikъ* от прил. *дойный* (**dojъnъ*), которое в свою

очередь образовано от гл. *доить* (**dojiti*), восходящего к и.-е. **dhē(i)-* ‘сосать’, ‘кормить грудью’ [ЭССЯ, 1978, V, 54].

Жарница – ‘глиняная посуда с крышкой для жарения’ (*Жарницы мастера делали, глиняные они; мясо в них жарили*). Слово является производным от гл. *жарить*, который образован от сущ. *жар*, восходящего к праслав. **gěrъ* ‘жар, пламя, теплый’ [ЭСРЯ, 1996, II, 35].

Квашёнка – ‘глиняная посуда для приготовления теста’ (*Тесто раньше всё в квашёнке ставил. У нас она глиняная была, большая, глубокая*). Слово является производным от сущ. *квашня* (**kvasъna*) ‘кислое тесто’, ‘посуда для заквашивания теста’, которое образовано от сущ. *квас* (**kvasъ*) ‘закваска, дрожжи, квас’ (праслав. **kvasъ*), восходящего к и.-е. **kuōt-s-* / **kūt-s-*. Родственно лат. *cāseus* ‘сыр’ (из **kuasseio-* или **kuatseio-*), далее др.-инд. *kvāthati*, *kāthate* ‘кипеть, варить’ (В основе лежит представление о бушевании, закипании, связанных с окислением ряда веществ) [ЭССЯ, 1987, XIII, 154].

Тушилка – ‘глиняная посуда на ножках с крышкой, предназначенная для хранения углей’ (*Тушилка глиняная в сенях стоит, угли я в ней тушу, когда из печки достану*). Слово является производным от гл. *тушить* (**tušiti*), первоначальным значением которого было ‘успокаивать’. Слав. слова родственны др.-прусск. *tusnap* ‘тихий’, *tussīse* ‘пусть он молчит’, др.-инд. *tōśyati* ‘успокаивает’, *tūśnīm* ‘тихо’, на основе которых развились значения ‘потушить, потухнуть, угаснуть’ [ЭСРЯ, 1996, IV, 128-129].

Топлёнка – ‘небольшой глиняный сосуд с рожком, предназначенный для растапливания масла’ (*Топлёнка – это кринка с рожком, у неё рог посередине; для масла она*). Слово является производным от гл. *топить* (**topiti*) ‘нагревать, сжигая топливо; плавить, растоплять’, родственного др.-инд. *tāpāti*, *tāpyati* ‘нагревает, мучит, нагревается, горит’, *tāpāyati* ‘раскаляет, сжигает’ [ЭСРЯ, 1996, IV, 78].

3. Продукт, находящийся в емкости:

Коровайница – ‘глиняная посуда для приготовления хлебобулочных изделий’ (*Коровайницы были глиняные, у кого большие, у кого поменьше, в них хлеб пекли, оладьи*). Слово является производным от сущ. *каравай* (**korvajъ*) ‘свадебный каравай’, ‘ритуальный круглый хлеб с отверстием посередине’, образованного от сущ. *корова* (**korva*), которое в русск. диал. имеет также значение ‘невеста’; этот дар (каравай) должен был быть волшебным средством, чтобы вызвать плодовитость, подобно тому, как бык символизировал жениха [ЭСРЯ, 1996, II, 332]. При этом слово *корова*, этимологически

обозначающее ‘рогатое животное’, собственно – ‘рогатая’, восходит к и.-е. *ker(ə)-, *keru-, *kern- ‘рог’ с выразительным наличием *k* палатального [ЭССЯ, 1984, XI, 106-112].

Масленка – ‘небольшой глиняный горшок с расширяющимися кверху стенками, с плоской прямой ручкой и небольшим сливом, предназначенный для масла’ (*Руковатка у неё есть, у масленки-то глиняной. У меня масло там*). Слово является производным с суфф. -ька от прил. *масляный, масленый* (*maslěnyjъ, *maslŋnyjъ) ‘масляный; то, что из масла’, образованных от сущ. *масло* (*maslo). В славянских языках не сохранилось и.-е. наименований масла, поэтому слово *maslo является славянской инновацией, не имеющей и.-е. соответствий. По мысли О.Н. Трубачева, наиболее вероятным является предположение о наличии в данном слове после зубного суфф. -slo; *maslo < *maz-slo в результате ассимиляции согласных. Мотивационные отношения ‘мазать’ → ‘масло’ отражают тот факт, что масло использовалось для умащивания тела и смазывания волос [ЭССЯ, 1990, XVII, 232].

Молѡбник, молѡчник – ‘глиняный сосуд для хранения молока’ (*Молосник у меня глиняный, высокий, как кувшин, молоко в нём; Глиняные молочники были, с ручкой-то*). Слова являются производными от сущ. *молоко* (*melko). Праслав. *melkŏ имеет окончное ударение, что наряду с некоторыми другими особенностями, свидетельствует о производном характере славянского слова и о его исконном, незаимствованном происхождении. И.-е. *melk- – потенциальная производная форма, и этот ее статус сохраняется на стадии слав. *melkŏ с его окончным, мотивированным ударением. При этом -k- выступает здесь в роли суффиксального элемента, оформляющего глагольный корень. Однако первоначальным было не и.-е. *mel, а *med-k-; последовательность согл. -dk- (-tk-) неустойчива в и.-е. и подвержена изменениям. На характер изменений повлияли семантические и формальные особенности самого корня. По-видимому, это было и.-е. *med- / *mad- с более поздним вариантом *mel- и значениями ‘вытекать, разливаться; набухать’. По мнению О.Н. Трубачева, слово *молоко* не связано с терминами доения [ЭССЯ, 1992, XVIII, 84-88].

Сливочник – ‘глиняный сосуд округлой формы, с ручкой и изогнутой горловиной, предназначенный для хранения сливок’ (*Кака хорошенька посудка была, сливочник назывался. Он круглый такой, с ручкой и горлышком выгнутым. Я в нём сливки на стол ставила*). Слово является производным от сущ. *сливки* (pluralia tantum) букв. ‘то,

что сливается', образованного с помощью префикса *c-* (**съ-*) от гл. *литъ* (**liti*) [ЭСРЯ, 1996, III, 671].

4. Форма изделия:

Горлѣч – 'небольшой глиняный сосуд с узким горлышком, предназначенный для кипячения, варки' (*Горлач, он как кринка, глиняный, горлышко у него узенькое. Кипячу в нём воду да молоко, когда чѣ*). Слово образовано от сущ. *горло* (**gʷrdlo*), которое продолжает и.-е. **gʷr-tlo-*, суффиксальное производное от ступени редукции **gʷr-* / **gʷer-* 'пожирать, поглощать' [ЭССЯ, 1980, VII, 204-205].

Ды́нница – 'глиняная посуда для приготовления теста' (*В дынницах у нас в семье тесто квасили, глиняные они были*). М. Фасмер указывает на сходство формы изделия с продольным разрезом яблочной айвы и дыни [ЭСРЯ, 1996, I, 211]. Таким образом, данное слово является производным от сущ. дыня 'надутый, раздувшийся плод', согласно Кнутссону, образованного из **kʷdynja* от лат. *cydōnea* (*māla*), греч. *κιδώνια μάλα* 'айва, дуля', которое в свое очередь происходит от гл. *дуть* [ЭСРЯ, 1996, I, 559]. Праслав. *dQi* 'дуть, надувать' сближают прежде всего с др.-инд. *dhāmati* 'дуть', лит. *dumtiù, dùmti* 'дуть' [ЭССЯ, 1978, V, 100].

Дыровѣтка – 'большой глиняный сосуд с отверстиями и втулкой на боку, предназначенный для хранения пива, браги' (*Пиво в дыроватках держали; Дыроватка у нас большая была, глиняная, с отверстиями на боку, их затыкали спицами деревянными с тряпкой*). Слово является производным от сущ. *дыра* (**dʷra*), при этом существование с достаточно раннего времени формы **dʷra* (наряду с формами **dʷra* и **dera*) можно объяснить, отмечает О.Н. Трубачев, как результат влияния апофонического ряда на *-u-* (ср. **udʷriti*, **udyriti*, а также лит. *dùrti, duriù* 'колоть') [ЭССЯ, 1978, V, 205].

5. Другие лексические единицы, входящие в ТГ «Домашняя утварь»:

Ведѣренка – 'глиняная посуда для хранения пива, браги' (*Ведеренка была литров на восемь, всё брагу в ней мешали, тоненька, лёгонька она, глиняна*). Слово является производным от сущ. *ведро*, родственного лексеме *вода*: нем. *wasser*, греч. 'ιδωρ, др.-инд. *udakām* 'вода', герм. **wēta* 'влажный', греч. 'υδρία 'ведро для воды' [ЭСРЯ, 1996, I, 283].

Горшѣчник – 'округлый глиняный сосуд для приготовления и хранения пищи' (*Горшочник – посуда такая раньше была, ну да, из глины она была, варить в ней*). Слово является производным от сущ. *горшок* (**gʷrščькъ*), старейшая форма которого восходит к **gʷrstjькъ*

от о.-с. **gъrstъ* в значении ‘пригоршня’, ‘ладони, сложенные наподобие сосуда’ [ИЭССРЯ, 1993, I, 208]. Трубачев возводит форму **gъrstъ* к и.-е. **g(e)r-* [ЭССЯ, 1980, VII, 213]. Кроме того, можно предположить, что данное слово является производным от **gъrпъ* / **gъrпo* ‘жар, угли’, ‘котел, горшок, чаша’, продолжающего и.-е. **g^u hrno-*, образованного с суфф. *-no-* от нулевой ступени **g^u hr-* : **g^u her-* ‘гореть’ [ЭССЯ, 1980, VII, 210].

Меденник – ‘большой глиняный сосуд, предназначенный для изготовления пива, браги’ (*Меденник, он из глины сделан, большой такой; Квасок, бражку процедим в его, так оно всё там и находится; Корчагу, так её в печь ставят, а вот меденник нет*). Возможно, данный глиняный сосуд получил свое название в результате внешнего сходства с сосудом, сделанным из меди и выполняющим ту же хозяйственную функцию. Таким образом, исследуемое слово является производным от сущ. *медь*, существующие этимологии которого гадательны. Предполагают родство с др.-исл. *smidr* ‘ремесленник; кузнец’, гот. *aiza-smiþa ǵalkēiς*, д.-в.-н. *smid* ‘кузнец’, *smida* ‘металл’, греч. *σμίλη* ‘нож для вырезания’, ирл. *mēin(n)* ‘руда, металл’. Оригинальная этимология Абаева – от названия страны Мидии: **МБДЬ* из ир. *māda* через греч. *μῆδία*. Чоп сравнивает слав. слово с хетт. *miti-, mita-* ‘красный’ [ЭСРЯ, 1996, II, 591].

Посудѡк – ‘глиняная посуда для кормления домашних животных’ (*Посудок – это черепок, у людей – посуда, а у кошки – посудок*). Слово является производным от сущ. *посуда*, связанного с лексемой *сосуд*, в свою очередь образованной с помощью префикса *с-* (**съ-*) из сущ. *суд* (**sQdъ*) ‘сосуд, посуда’ и восходящей к сочетанию префикса **som-* и и.-е. корня **dhē-* ‘сосуд’ [ЭСРЯ, 1996, III, 794].

Чѣшка – ‘глиняная посуда для приема пищи’ (*Чашка опеть глиняна, из глины сделана; Из горшка-то не хлебашь, а из чашки*). Слово является производным от сущ. *чаша*. О.Н. Трубачев предлагает два варианта объяснения слова *чаша* как исконнославянского:

1) Слав. **čaša* исконнородственно др.-прусск. *kiosi* ‘кубок’ (Фасмер).

2) Слав. **čaša* объясняется на слав. почве как производное от гл. **česati* с семантическим развитием ‘скорлупа, кора, чешуя’ < ‘чесать, отделять, разделять’ или с исходным значением ‘вырезанное, выдолбленное’ (Якобсон) [ЭССЯ, 1977, IV, 30-31].

К немотивированной лексике относятся наименования, внутреннюю форму и мотивированность которых можно установить только при обращении к историческим, этимологическим и диалектным словарям.

Приведем некоторые примеры, опираясь на данные «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачева, «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, а также «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных:

Блю́до – ‘большая неглубокая глиняная тарелка для подачи кушанья на стол’ (*Блюды были глиняные, пельмени можно доставать на них и стряпню ещё*). Данное слово является древним заимствованием из гот. *biups*, род. п. *biudis* ‘блюдо, миска, стол’ [ЭСРЯ, 1996, I, 178]. Причем, герм. корень *biud-* ‘стол, миска’, как отмечает Трубачев, происходит от герм. гл. **biudan* ‘предлагать, подавать, ставить на стол’. Очевидно, здесь сказалось слабое различие между столом и блюдом (относительно неглубокой, плоской посудой) в древности [ЭССЯ, 1975, II, 132-135].

Корча́га – ‘большой глиняный сосуд, обвитый берестой, предназначенный для изготовления пива, браги’ (*Корчаги – это горшки такие круглые, берёстой обвитые; Корчаги есть на пиво, а когда чугушка нет, так и брагу в ей замешаешь*). Вероятнее всего, слово *корчага* образовано от слав. **kъrkъ* ‘шея’ (ср. значение укр. *корчага* ‘сосуд с узким горлом’) с помощью суффикса *-jaga-* [ЭСРЯ, 1996, II, 341].

Круга́н – ‘глиняный сосуд округлой формы, с ручкой, предназначенный для молока’ (*Круган на столе стоит глиняной, молоко в нём держу*). Возможно, данное слово является производным от слав. сущ. *круг* (**krQgъ*), в основе которого лежит корень **kren(h)-* [ЭССЯ, 1987, XIII, 26]. Однако, вероятнее всего, данное слово является фонетическим вариантом слов *курга́н*, *корга́н* ‘металлический кувшин’, которые в свою очередь являются вариантами слов *кумга́н*, *кунга́н* ‘кувшин, азиатский сосуд для умывания’, заимствованных из крым.-тат., чагат., азерб., караим. *кутуан* ‘кружка для воды’, монг. *qutaḡan*, калм. *xutān* [ЭСРЯ, 1996, II, 415].

С точки зрения современного русского языка к немотивированным также относятся лексемы **банка**, **кринка**, **крынка** и **миска**, с течением времени утратившие связь с мотивирующими их словами и переставшие осознаваться носителями говора как слова с прозрачной внутренней формой:

Ба́нка – ‘глиняная посуда для цветов’ (*Вон банка глиняна стоит для цветов*). Слово является уменьшительным производным от сущ. *баня* (**ban’a*), которое объясняется как праслав. заимствование: **ban’a* < **banja* < народнолат. **bānea*, *balnia*, собственно – мн. ч. от лат. *balneum*, *balineum* ‘баня, купальня’, которое в свою очередь

заимствовано из греч. *βαλανεῖον* в том же значении [ЭССЯ, 1974, I, 151-152].

Кринка, крынка – ‘удлиненный глиняный сосуд для молока, расширяющийся книзу’ (*Молоко квасили в кринках, они из глины были; Горшками называлась кринка широкая, а у кринки верх уже, горлышко такое. Молоко нацедят в кринки, тожно в погреб несут, кринки, они глиняные, не протекают*). Данные слова являются уменьшительными производными с суффиксом *-ька* от **krina* ‘сосуд’, восходящего к формам **ker-n* (**černъ*, **čerenъ*), **ker-p-* (**čerpъ*), имеющим керамические значения [ЭССЯ, 1977, IV, 70-71].

Миска – ‘глиняная посуда’ (*В мисках глиняных мы рыбу замачивали, они разные были: у кого – большие, у кого – маленькие. Данное слово является производным с суффиксом -ька от *misa ‘стол’* [ЭССЯ, 1992, XIX, 58-59].

Таким образом, исследование особенностей номинации лексики, называющей глиняные предметы домашней утвари в картотеке «Словаря чердынских говоров», показало, что большая часть наименований являются мотивированными с точки зрения внутренней формы, а немотивированные составляют меньшую часть.

Семантический анализ мотивированных лексических единиц позволил выделить следующие признаки, лежащие в основе номинации предметов: материал, из которого сделан предмет; функции, выполняемые предметом; продукт, находящийся в емкости; форма изделия.

Выявление признаков, лежащих в основе номинации немотивированных лексических единиц, требует более глубокого исследования и обращения к специальной литературе.

Этимологический анализ исследуемых единиц лексики позволил выявить индоевропейскую основу многих слов, а также показал, что большая часть лексем имеет собственно славянские, незаимствованные корни.

Литература (с использованными сокращениями)

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию // О.И. Блинова. – Томск, 1973.

Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект) // О.И. Блинова. – Томск, 1984.

ИЭССРЯ – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка // П.Я. Черных. – М., 1993.

Русские (народы и культуры). – М., 1997.

ЭСРЯ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка // М. Фасмер. – М., 1996.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Ред. О.Н. Трубачев. – М., 1975-1992.

Языковая номинация: общие вопросы. – М., 1977.

Топоним *Москва* в русском фольклоре Пермского края*

О.В. Гордеева

В фольклорных текстах Пермского края употребляется более 2000 географических названий. Одни топонимы встречаются в небольшом количестве текстов, в записях, сделанных в каком-либо одном районе края, другие функционируют в текстах, записанных в самых разных районах Прикамья. На частотность употребления названий оказывают влияние следующие факторы: навыки собирателя, количество экспедиций в район, особенности сбора фольклора в разные годы и т.п.

Изучение записей фольклорных текстов 2-й половины XX в. (в фольклорном архиве ПГУ более 900 тетрадей) показало, что чаще всего в фольклоре Прикамья встречался топоним *Москва*. На втором месте – топонимы *Волга* и *Кама*. Отметим, что на территории Пермского края из трех названных объектов находится только река *Кама*. Актуальность *Москвы* и *Волги* в русском фольклоре объясняется важнейшей ролью самих объектов в отечественной истории. Название *Пермь* в фольклоре Прикамья фиксируется реже, чем топонимы *Казань*, *Сибирь*, *Урал*, *Дунай* и др. [Гордеева, 2007, 120-121].

Необходимо подчеркнуть, что не каждый фольклорный текст содержит топонимы. Собиратели фольклора работали по разным программам, но специальным сбором текстов с упоминанием различных (местных и неместных) географических названий никто не занимался.

В 2007 г. была составлена специальная программа для сбора фольклорных текстов, в которых встречаются топонимы. При составлении списка географических названий для опроса информантов использовались результаты, полученные в ходе исследования фольклорного архива 2-й половины XX в. Главное условие сбора – в каждом тексте должен быть топоним. По этой программе с жителями разных районов края работали студенты дневного и заочного отделений филологического факультета

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 08-04-82408 а/У «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края».

Пермского государственного педагогического университета. Было собрано около 900 текстов.

Изучение материалов, собранных по новой программе в другой период истории страны, показало, что названия **Москва**, **Волга**, **Кама** по-прежнему являются самыми употребительными топонимами в фольклоре Прикамья, к ним добавились названия **Урал** и **Россия**. Название **Пермь** до сих пор фиксируется реже, чем, например, топоним **Сибирь**.

На первом месте (по результатам изучения материалов 2007 года) оказался топоним **Кама** (почти половина записей сделана в Соликамском районе, по которому протекает Кама), второе место делят **Москва** и **Урал**, незначительно уступают им **Волга** и **Россия**.

Сбор фольклора по новой программе только начался, поэтому выводы обязательно будут уточняться.

В каких фольклорных текстах встречается топоним **Москва**?

Чаще всего данный топоним упоминается в свадебных песнях.

В разных районах края записана песня жениху «Как у нас было во нынешнем году»:

Как у нас было во нынешнем году / Да уродился виноград во саду,

Да он с калиною, со малиною, / Да с чёрной ягодой смородиною.

Да во саду гулял удалой молодец, / Да разудалый добрый молодец (имя).

Да он доходуци до розового куста / Со кустика цветочек сорывал,

Сам над цветиком любится, / Да красоте своей дивуется,

Да цветочек нежный, хороший, / Да я же молодец холостой, неженатый,

*Да был я в городе **Казани** и **Москве**, / Да не нашёл я там невесты по себе.*

*Да лучше я в городе в **Перми** снаряжуся, / Да в соборе богу помолюся.*

Да на все четыре стороны помолюся, / Да создай, господи, невесту хорошу,

Да мне-ка уму-разуму, / Да мне-ка чистую, речистую...
[Кунгурский р-н, тетр. 212, № 71]. В вариантах: ... уродилась славна роза во саду [Усольский р-н]; Голубочек мой сизенькой, / Лебедочек мой беленькой, / Где ты, голубь, где ты был-побывал? / Был я, молодец, в **Казани** и в **Москве** ...[Осинский р-н и др.].

Отметим, что название **Москва** употребляется в ряду других топонимов – общеизвестных и пермских. В вариантах: молодец был в

Ленинграде и в *Москве* и возвратился в *Пыскор* (населенный пункт Усольского района) [Усольский р-н, тетр. 171, № 144], после *Петрограда* и *Москвы* молодец едет молиться в *Казань-город...* [Еловский р-н, тетр. 248, №75]; после *Питера* и *Москвы* – в *Ильинск* [Ильинский р-н, тетр. 285, № 117]; после *Петербурга* и *Москвы* – «*во собор схожу, Богу помолюсь*» [Кишертский р-н, тетр. 330, № 105]; *Казань* и *Москва* противопоставлены *Осе* [Осинский р-н, тетр. 139, № 21] и т.д. Хорошую невесту, судя по содержанию песни, не найти в больших далеких городах, искать ее надо в родных местах.

В песне «Не летай-ко, сокол, высоко», которую, по словам информантов, исполняют шаферу (записи сделаны в Кунгурском районе в разные годы), молодец хорош уже потому, что он свой, местный, а не из далеких земель:

*Не летай-ка, сокол, высоко, / Не маши-ка крылом далеко.
Еще много гусей на Русе, / Того больше князей во Москве.
Еще нет такого молодца, / Ни в Казани, ни в Астрахани,
Ни в Усолье, ни в Новгороде. / Уродился такой молодец
Во заводе Юг-Осокине. / У купца корабельщикика
Есть родимое дитяtko (имя, отчество)... [тетр. 35, № 27; тетр. 39, с. 21-22; тетр. 223, № 46 и др.].*

Топонимы в этих песнях используются для противопоставления «свое – чужое», «близкое – далекое».

В других свадебных песнях *Москва* и далекие города – символ богатства, достатка: женатому мужчине, например, поют:

Ты богата, богатыня, / У тебя, у богатыни, / Во Москве есть 3 лавочки.

*Что же первая лавочка / Со посудой серебряной.
А вторая же лавочка / Со сукнами немецкими.
Что же третья-то лавочка / Со шальями пуховыми.
Что же в первую-ту лавочку / Посажу милу доченьку (имя).
Во вторую-ту лавочку / Посажу милу жёнушку (имя).
А в третью-то лавочку / Я сам сяду барином (имя)*
[Кишертский р-н, 1984, тетр. 337а, № 81]. В вариантах: ... *во Перме-то три лавочки.*

В песне «Дрявчик-кудрявчик мой» поется о таком желании – *Чтобы бог меня помиловал, / Государствами пожаловал, / Тремя городами даровал, / Казанью и Астраханью, и Сибирью богатою... / В каменной Москве сенатором* [Кунгурский р-н, тетр. 218, № 13]; песня свахе – *Чья эта гостюшка / Долга да бывала? / ... Ты откуда приехала, / Из которого городу? / Из Москвы ли, из Астрахани, / Из Сибири богатые?* [Кунгурский р-н, 1975, тетр. 215, № 29]; песня

гостям – *Да как во горенке... / да ждут гостей да из **Москвы**...* (Чердынский р-н, тетр.402, №52), в песне «В огороде трава зеленая» – *Отдадим мы его (сына) в **Москву**-город учить, / Мы не ради нужды, / Ради чести-хвалы...* [Кунгурский р-н, тетр. 223, № 98] и т.д.

Важность свадебного действия подчеркивается созданием особого мира с помощью слов: жених и невеста в песнях – это князь и княгиня, гости – бояре, место действия в некоторых песнях – **Москва** (каменная Москва, Москва-матушка):

*Что не винная река протекала, /...Да она все эти города
изошла, / Во матушку-Москву каменну зашла, / Среди **Москвы**
становилася. / По той речушке судёнышко плывёт, / На судёнышке
немножечко людей, / По моему счету 7 человек...* [Кунгурский р-н,
тетр. 221, № 9];

*Как над **Вишерою**, над рекою, / Над рекою, свет, над рекою,
Как над матушкой над **Москвою**, / Над **Москвою**, свет, над
Москвою,*

Тут стоит дерево кипарис, / Кипарис-то, свет, кипарис.

*Что на том-то дереве кипаристе... / Тут сидят пташечки
веселые...*

Они песни поют заунывно, / Словеса говорят хитро-мудро.

*Да кому это быть во боярах / (имя) быть во
боярах...*[Кочевский р-н, тетр. 21, № 1; Юрлинский р-н, тетр. 200,
№47] (отметим, что река Вишера в Пермском крае по территории этих
районов не протекает).

В песне родителям невесты:

Призадумала красна девица / Да во гульбу идти,

*Во гульбу идти, / Во каменну **Москву**.*

*В каменной **Москве** бояра / Да сдивовалися, да ой да
сдивовалися.*

*– Вот чия же это красна девица? / Кто же эту красну девицу
родил?*

– Да родила маменька / (имя, отчество)

– А кто же эту красну девицу вспоил-воскормил?

Да кормил-вспоил родный тятенька (имя, отчество)
[Чердынский р-н, тетр. 374, № 155].

Топоним **Москва** упоминается не только в свадебных, но и в других песнях, которые исполнялись в различных ситуациях, чем можно объяснить разный комментарий информантов к одинаковым текстам.

Например, песня, которую информанты в одних местах называют плясовой, в других – солдатской, походной:

*Ай да течёт речка по песку, / Да по песку да.
Эй же течёт речка по песку / Через матушку **Москву** к нам.
Ох да там девчонка платье мыла, / Эй, да с солдатом говорила
/ Раз, два, три.*

*Эй,эй,эй – вы солдаты молодые / У вас кудри завитые / У вас
всех молодцов.*

*Ой, де для чего кудри кудрили. Эй, эй! / Чтобы девушки любили
нас, молодцов.*

*Ох да кудри виться перестали / Любить девушки не стали /
Нас молодцов [Ильинский р-н, тетр. 80, № 43; тетр. 289, № 80].*

Варианты:

*Через матушку **Москву** бежит речка по песку – к нам.*

Мы фабричные ребята, люди мудрены – мы.

Люди мудрены, кудри кудряные – у нас.

Мы на то кудри кудрили, чтобы девки полюбили – нас.

*Мы подходим ко **Баку**, лежит баба на боку – спит... [Осинский
р-н, тетр. 140, № 94];*

*Ой-да, течет речка, течет речка по песку, / Ой-да из **Казани**
на **Москву**, / Ой-да, что фабричные ребята, / Удалые молодцы...
[Осинский р-н, тетр. 143, № 27, по словам информанта, песня
бытовала как солдатская, походная, хотя в тексте – фабричные
ребята];*

*Ой, да течёт речка по песку / Через матушку **Москву**. / Как на
фабрике живут ребята мудрёные, / Да кудри пудрёные... [Чердынский
р-н, тетр. 402, № 82] и др.*

Эту песню информанты называют любовной и плясовой:

Красно солнышко низёхонько, / Мой-от миленький близёхонько,

Подле стенки мил шатается, / Черноброву дожидается.

*В **Питер**, в **Москву** отправляется. / Ещё что в Москве деется.*

*Жена мужа не возлюбила, / Вострым ножичкомarezала ...
[Ильинский р-н, тетр. 15, № 63, с. 48-49].*

В вариантах: *Милый в **Москву** собирается* [Ильинский р-н, тетр. 289, №47, с. 37-38]; *В **Москву** милый собирается* [Ильинский р-н, тетр. 289, №47], *Петя в **Москву** отправляется* [Добрянский р-н, тетр. 126а, № 33; Ильинский р-н, тетр. 289, № 97; Пермь, тетр.46, № 47]; *Мой-от Петенька в **Москву** собирается...* [Карагайский р-н, тетр. 301, № 132, № 159]; *Ветер в **Москву** собирается* [Сивинский р-н, тетр. 183, № 8; тетр. 188, № 101].

В Юрлинском районе записан такой вариант текста:

Ты ли ночка, ночка тёмная, / Скажем, ночка тёмная,

Ты заря ли, заря, заря вечерняя,

*Ты **Москва** ли **Москва** каменна / **Москва** каменна, полукаменна.
И на чѣ **Москва** деется, / На что удивляется.
Там не мамка ли сына породила, / 18 лет его породила.
19 лет спожонила, / С молодой женой спать положила. /
Молодая-то жена мужа не любила, / Со кровати мужа-то
содвинула,*

*Вострым ножом грудь зарезала, / На востром ножке душу
выняла,*

*На востром конце сердце встрепеталось, / Молода жена
испугалась [тетр. 196, № 6; тетр. 197, № 114; в вариантах первые 2
строки могут отсутствовать].*

Есть круговые песни:

*Верен, верен наш колодец, / Верен, верен наш глубокий.
Зачем стоял без воды? / Конь воду выпивал, / Копытчком
выбивал.*

*Нашего хозяина, / Нашего богатого / Дома не случилось.
Вот уехал наш хозяин, / Вот уехал наш богатый / В **Осу**-город
погуляти.*

*Вывезет наш хозяин, / Вывезет наш богатый / Осинскую
умницу...*

*Вот уехал наш хозяин.../ В **Пермь**-город погуляти...*

*Вот уехал наш хозяин.../ В **Москву**-город погуляти ...*

[Соликамский р-н, запись 2007 г, № 52].

В вариантах: богатый хозяин едет за умницами в **Казань**-город,
в **Питер**-город, в **Москву**-город [Куединский р-н, тетр. 77, с. 39-42].

Круговыми, хороводными информанты называли и эти песни:
*Выростал зелёный сад, / Да ничего сад не родил, / Ни калину, ни
малину, ни чёрну смородину. / Уродил зелёный сад / Одну старую
кровать. / Кровать писаную да разрисованную. / Как на этой на
кроватьшке / Девонюша лежит. / Хороша да пригожа. Да взял бы
замуж за себя.../ Заведу тебе, Дуняша, 12 гребцов. / Хорошо гребцы
гребут, / Весело песён поют... / Да сыздалёка везены / Да из **Казани**, из
Москвы, / Да из пяти городов. / Города вы города, / Ззаболела голова /
Со зелёного вина [Карагайский р-н, тетр. 293, № 5]; Выйду за ворота, /
Да выйду за новые... (Мил) По городу прокатит, / Город не деревня, /
Москва не губерня. / Поцелуй любезно [Куединский р-н, тетр. 231, №
49].*

В различных песнях создается образ Москвы – важнейшего
города для всех россиян.

Так, например, в Москве живет царь (реально в то время столицей был Санкт-Петербург). Упоминание о царе Александре II есть в старинной, по словам информантов, песне:

*Кули куликали, / По полю летали, / К земле припадали, /
Думушку думали, / Годушку гадали, / Как в **Москву** ехать, / В
каменну пробраться. /*

*Лесом ехать грязно, / Степью ехать пыльно, / В **Москву** ехать
стыдно, /*

*Улицы метёны, / Камешком кладёны, / Солдатушки клали, /
Ой клали, устилали / Белыми руками / С донскими казаками. /
Донские казаки / Ехали горами / Прямо косогором / Мимо
царских окон. /*

*Царя увидали, / Шапки снимали: / «Здравствуй, Романов
Александра Николаев»* [Еловский р-н, тетр. 240, № 101].

В вариантах: *Кулик куличет, / По полю летает...* [Осинский р-н, тетр. 119, № 71]; *...Томские казака ехали верхами, / Ехали верхами / Мимо царских окон, / Царя увидали, / Здравствоваться стали. / «Здравствуй, царь Романов Александр Николаевич»* [Осинский р-н, тетр. 230, № 50]; *Томские казаки ехали горою, / Ехали горою, прямо косогором* [Осинский р-н, тетр. 146, № 129]; *Ехали мы прямо, / Прямо косогором, / Мимо царских окон. / Царя увидали, шапки снимали: «Здравствуй, царь Романов Саша Николаев»* [Еловский р-н, тетр. 257, № 58]; *Сизенький голубочек / Сидел на дубочке, / На тоненьком пруточке. / Стал он ворковати, / Думушку думати, / Как в **Москву** проехать, / В каменну пробраться. / Ехали мы прямо, / Прямо косогором. / Мимо царских окон. / Царя увидали, / Шапки все снимали. / «Здравствуй, царь Романов Саша Николаев»* [Еловский р-н, тетр. 240, № 76]; *Сизенький голубчик / Сидел на дубочке, / Сидел на дубочке, / В поле на кусточке. / Тут летела пав, / Среди леса пала, / Ой, пала, сворковала: / «Как мне в **Москву** ехать, / В каменну пробраться. / Лесом ехать темно, / Степью ехать пыльно»* (конец исполнитель забыл) [Осинский р-н, тетр. 138, № 97]; *Птичка-невеличка, маленька-большая... Как в **Москву** проехать, в каменну пробраться* [Пермь, тетр. 3406, № 189]; *Кули-кули-кули-кули... / Да девки думали-гадали, / Думали-гадали, думали-гадали, / Да в **Москву** жить-то попадали... / Как в **Москву** проехать, / В каменную пробраться / Да с милым дружкой повидаться...* [Юрлинский р-н, тетр. 192, № 22] и др.

В Москву уходят солдаты:

*Повезут дружка во солдатушки... / Провожу дружка
далекошенько, / Далеким-далеко, да вплоть до **Питера**, / Вплоть до
матушки до каменной **Москвы**...* [Еловский р-н, тетр. 243, № 57];

Ой, пиво, пьяное, / Изопьём мы пиво пьяное / И вспомняем
дружка милого / Дружка милого Иванушку, / Иванушку Ивановича /
Провожали близ до города, / До города **Киева**, / Из **Киева** – в каменну
Москву. / Каменна **Москва** разгоралася, / Все солдаты собиралися /
Собиралися, во поход пошли, / Во поход пошли, в зелен сад зашли. / В
зелёном саду нет ни тятеньки, ни мамоньки, / Нет ни брáтики, ни
сéстрицы, / нет ни сéстрицки, ни брáтицки. / Все потерялися
[Сивинский р-н, тетр. 174, № 31];

Ой, заря ты моя, зариночка, / Ой, загораешься раненько, / Ой,
куда, милый друг, собираешься, / Ой, да в **Москву**-град ты на войну...
[Сивинский р-н, тетр. 176а, № 61, по словам информанта, песня
«появилась перед первой войной», в других вариантах вместо Москвы
– Казань];

Ой, да ты, калинушка, / Ой, да ты, малинушка. / Ой, да ты не
стой да на горе крутой. / Не спуцай листьа во сыру землю. / Корабль
плывёт, ой да корабль плывёт, / Тут волна плывёт. / Ой, да на том
корабле / Два полка солдат, / Ой, да ты, калина, / ой, да ты, малина, /
Два полка солдат. / Ой, да молодых солдат, молодых ребят. / Ой, до
Москвы дойдёмся, / Ой, да до **Москвы**, / Ой, да переженимся
[Еловский р-н, тетр. 257, № 70].

В Москву со всех мест ездят за товаром:

Жил я в деревне / Метёлки вязал // Метёлки, метёлки, метёлки
вязал.

Да в **Москву** отправлял, / В **Москву**, **Москву**, **Москву** отправлял.

Приехал в **Москву** – И ну торговать / И ну, и ну, и ну
торговать.

И вижу вдали красotka сидит... [Пермь, тетр. 159, № 39].

В 2007 г. записан вариант с комментарием собирателя, что под
эту песню шла заготовка веников:

Я в лесе был, берёзку рубил,

Метёлки вязал, на возик складал,

На возик складал, рублём утягал,

Рублём утягал, коня запрягал,

Коня запрягал, в **Москву** отправлял,

В **Москву** отправлял, да там девку видал,

Там девку видал, чернявку встречал,

Стоит под окном, играет цветком [Соликамский р-н, 2007г.,
№ 75];

Сидела Катюшенька день до вечера одна ... / богатого шурина в
Москву город отправлял, богатую своячину взамуж отдавал
[Осинский р-н, тетр. 127, № 6];

Отворяйтесь, широки ворота, ворота... / Я поеду, я поеду во Казань-город... / Я куплю своей жене подарок... / Что жена-то меня молодца не любит... / Я поеду, я поеду во Москву-город, / ... куплю плётку... / Что жена-то меня молодца возлюбила... [Чайковский р-н, тетр. 261, № 68], в вариантах: Сяду, сяду на лошадку вороную, / Запрягу я карету золотую... / Я поеду, молодец, в Казань-город, / Я куплю своей жене подарок, / Дорогой такой подарок – плетть шелковую... (в Питер-город – за шалью пуховой, в Москву-город – за лисьей шубой...) [Куединский р-н, тетр. 231, № 8];

Народное мнение о том, что в Москве жить лучше, веселей, что в Москве можно показать свою удаль, представлено в плясовой:

*Не буду я жить во Переме, / Уеду я в Москву.
А в Москве веселёшенька / Забуду всю тоску.
Зарастай, моя дороженька, / Травой-муравой,
Травушкой-муравушкой, / Листом-лопушком,
Травонькой-муравонькой, / Листом-лопушком [Пермь, тетр. 47, № 37].*

В вариантах: *Не буду жить в деревне, поеду во Москву* [Нытвенский р-н, тетр. 265, № 26; Оханский р-н, тетр. 10; Осинский р-н, тетр. 237, № 90; Пермь, тетр. 382, № 23]; *Заброшу здешнюю деревню, поеду я жить в Москву-то веселее, забуду всё горе-тоску* [Кунгурский р-н, тетр. 218, № 7]; *Брошу, брошу я деревеньку мою, / Я уеду в Москву* [Соликамский р-н, тетр. 206, № 72] и др.

В Москве можно и людей посмотреть, и себя показать: *Снаряжался добрый молодец / Во гульбу гулять / В каменну Москву ...* [Чердынский р-н, тетр. 372 а, № 497].

Люди едут в Москву сами в поисках лучшей доли:

Ваня в Питере родился, / В Москву жить переселился, / Цыганочку Ваня жёнку взял... [Осинский р-н, тетр. 118, № 41] (песня записывалась в разных районах края);

Московский был красильщик, / Петербургский фабрикант... / Лет 17 мальчишка / Вздумал в Питере пожить... [Соликамский р-н, тетр. 169б, № 12; по словам собирателей, в деревне песня называется «Московской», а информанта за частое исполнение этой песни прозвали «Московским»].

*Я слышал, в Москве пространной / Много золота и серебра,
Град престольный, град избранный, / Много всякого добра!
На клячонке я собрался / На Москву хоть посмотреть,
И Катюше обещался / Там на девок не глядеть.
Ах, мой ангел, успокойся! / С кем могу тебя сравнить?*

Будь уверена, не бойся: / Буду век тебя любить [Кунгурский р-н, 2007 г., №54].

Разлука с близкими, с любимыми – тяжелое испытание:

*У молоденькой у девчоночки, / Ой, все заранее сердце слышало... / Провожу его я далехошенько, / Далеко-далеко да посреди-то **Москвы** / Да есть расстанюшка...* [Сивинский р-н, № 1; Куединский р-н, тетр. 236, № 19];

*Что сидишь одна горюешь... / «Мой-от миленький далёко, / Он под самой под **Москвой**»...* [Чердынский р-н, тетр. 363, № 64];

*Я нигде дружка не вижу, ни в деревне, ой, ни в **Москве**...* [Карагайский р-н, тетр. 295, № 13, тетр. 304, № 63; Сивинский р-н, тетр. 350, № 38, тетр. 351, № 101]. В вариантах: *Я нигде дружка не вижу, ни в **Самаре**, ни в **Москве**...* / *«Я женился на другой»* [Куединский р-н, тетр. 77, с. 96-97, тетр. 232, № 18а, тетр. 239, № 107]; *Я нигде дружка не вижу – ни в **Самаре**, ни в **Москве**. / Тёмной ночью в крепком сне / Спит малютка на руке. / Я отдам сестре малютку, Сама выйду на крыльцо... / Посажу малютку в лодку... / Поплывет моя малютка / Вдоль по матушке реке...* [Куединский р-н, тетр. 235, № 3].

Москва испытывает приезжих, не каждому из них удастся найти в Москве свое счастье:

*Прощай, **Москва**, / Золотые маковки!*

Не хочу твоих гостинцев, / Во деревню жить пойду,

*Не купаться мне в меду, / На **Печору** побреду* [Чусовской р-н, 2007 г., № 36].

Название **Москва** упоминается в песнях: *Во **Москве** мы долго стояли / Ой да ко вдовушке заезжали* (вдова узнает в солдатах сыновей) (записи в Кунгурском и Чердынском районах); *Гуляла девонюшка по бережку... / Наколола ноженьку на шипичку... / На 4-й годочек мил уехал ... / Из **Москвы** я города не обернусь...* [Куединский р-н, тетр. 234, № 12]; *На берегу сидит красotka, она шелками шьет платок... А нас ведь было три сестрицы... Одна живёт в **Москве** за графом, вторая – рыцарю жена, а я моложе, всех красивей, морской полячкой суждена...* [Куединский р-н, тетр. 231, № 91; обычно песня о простой морячке поется без упоминания топонима Москва]; *На серебряной реке / Да на златом песочке... / Ох, вижу в тишиной **Москве** / Да речка взволновалась... / Вижу: милую мою / Да водят круг налюю...* [Усольский р-н, тетр. 166, № 85].

Большой популярностью пользовались песни о событиях 1812 года: *«Был я-де на горе.../ Тут стояла же каменная **Москва**»* и *«Шумел-горел пожар **московский**»* (авторская песня, ставшая народной; слова Николая Соколова) [Слова для музыки: Русская

песенная поэзия, 1991, 247-248]. Записана песня «Есть на Волге утес» о Степане Разине, в которой есть такие слова: *«Не владыкою был он в Москау привезён, не почётным пожалован гостем, и не ратным вождём, на коне и с мечом, а в постыдном бою с мужиком-палачом он сложил свои буйные кости»* [Кунгурский р-н, 2007 г., № 23] (слова Александра Навроцкого) [Слова для музыки: Русская песенная поэзия, 1991, 291-293].

В 2007 г. сделаны записи исторических песен:

Что у нас было на святой Руси, на святой Руси, в каменной Москве,

Среди-то торгу, братцы, среди площади,

Тут бьют доброго молодца на правеже,

Нагого, босого и разутого (информант дальше слов не помнит)

[Чусовской р-н, 2007г., № 54];

У нас было на святой Руси, в каменной Москве,

В каменной Москве, в золотом Кремле,

У Ивана было у Великого, у Михайлы у Архангела,

У собора у Успенского ударили в большой колокол... (в песне дано подробное описание центра старинной Москвы) [Чусовской р-н, 2007 г., № 55].

Собиратели, записывая тексты песен, фиксируют особенности произношения слов. В некоторых песнях слово *Москва* дано с ударением на первом слоге – *Мóсква*. Отметим, что в Прикамье распространены названия рек с формантом *-ва* (*Вильва, Иньва, Косьва, Лысьва, Обва, Сы́лва* и др.) с ударением на первом слоге. Формант *-ва* по происхождению является словом из пермских языков *-ва* – ‘вода’ (у жителей Коми-Пермяцкого округа популярна версия о коми-пермяцком происхождении слова Москва, хотя известно, что коми-пермяки никогда не жили в древности на московских землях; вывод сделан на основании простого совпадения). Возможно, произношение местных названий повлияло на произношение слова Москва в отдельных песнях.

Топоним *Москва* встречается и в частушках: о разлуке – *Милый мой живет в Казани, / А я на Москве-реке. / Не любовь, а наказание / Друг от другу вдалеке* [Добрянский р-н, тетр. 110, № 48]; *Ты когда в Москву поедешь, / Не целуйся там в пути. / Телевизор я купила. / Там всё видно, всё, смотри* [Сивинский р-н, тетр. 180, № 70]; о войне – *Гитлер рано спать ложится / И хороший видит сон, / Будто он в Москве гуляет. / А проснётся – дома он* [Кунгурский р-н, тетр. 311, № 63]; *У Москвы и Сталинграда, / Возле Курска и Орла / Баня русская как надо / Кипяточком обдала* [Чайковский р-н, тетр. 485,

№ 148]; об особенностях столичной жизни – *Раньше польку танцевали / В Петербурге и в Москве, / А сейчас её узнали / Все старухи на пече* [Ильинский р-н, тетр. 608, № 251]; *При моей красоте, / При моей ухватке / Мне бы жить в Москве / И ходить в ишляке* [Куединский р-н, 2007 г., № 17]; о том, как жили раньше и как живется теперь – *Раньше пели мы частушки, / Слышно было до Москвы, / Ели сало и картошку, / Не просили колбасы* [Соликамский р-н, 2007 г.]; *Муж в Москве, жена в Париже, / А рождает каждый год. / Значит, дело по антенне / Через радио плывет* [Куединский р-н, 2007 г., № 19]; *Из Абхазии в Москву / Вез Резо настурции, / Но бандиты развернули / Самолет на Турцию* [Куединский р-н, 2007 г., № 45]; *Как-то раз в Москве на съезде / Депутаты подрались, / А наутро в магазинах / Цены втрое поднялись* [Куединский р-н, 2007 г., № 46] и др.

Топоним **Москва** достаточно активно функционирует и в детском фольклоре, например, в небылицах, прибаутках:

Трень-брень, брень, брень, / Выше городу плетень.

На полице трубица – гороховина, / На пече звезда, колачи пекла.

Не про нас колачи, / Про бояр печены.

Бояра-те не съели, / Попа угостили.

Чокнули в доску – / Поехали в Москву.

Ребят крестить, / Жеребят пешнить [Чердынский р-н, тетр. 151, № 49];

Кот на пече сухари толкёт, / Кикимора за печью горшки продаёт.

Не про вас горшки / Про бояр горшки.

Бояре-то наехали, / Собак навезли.

Стукнули в доску, / Поехали в Москву

Мост мостить, / Поросят крестить.

Маленьким робяткам / Молитву давать.

У нас на Русе / Свинья в дубасе,

У нас на базаре / Свинья в сарафане [Кишертский р-н, тетр. 337а, № 123];

– Кисанька-кунявонька, где была? / – У бабушки.

– Что ела? / – Кашку.

– Что пила? / – Бражку.

– Оставила ли мне? / – Оставила.

– Куда поставила? / – На порожечек.

– Нет на порожечке! / – На завалинке.

– Нет на завалинке. / – Собачки съели.

– Где собачки? / – В лес убежали.

– Где лес? / – Огнём выгорел.

– Где огонь? / – Водой залили.
– Где вода? / – Коровы выпили.
– Где коровы? / – Ушли на гору.
– Где гора? / – Черви выточили.
– Где черви? / – Гуси выклевали.
– Где гуси? / – Улетели в **Москву**... [Соликамский р-н, 2007 г., № 113];

В вариантах: – Где вода? – Быки выпили. – Где быки? – На гору ушли. – ... Где вересник? – Девки выломали. – Где девки? – Уехали в **Москву**... [Сивинский р-н, тетр. 184, № 105] (варианты без употребления топонимов представлены в сборниках [Слова для музыки: Русская песенная поэзия, 1991, 397-398]).

Топоним **Москва** встречается в колыбельных (...*Уж и где твой дом? – Среди **Москвы**, ворота новы...* [Ильинский р-н, тетр. 278, №38]), в загадках о радио или курантах (*В **Москве** говорят, в деревне (у нас) слышно* [Усольский р-н, тетр. 161, № 48; Пермь, тетр. 524, № 120]), в игре-«ловушке» (– *Я поехал в **Москву**. / – Мы тоже. // – Я приехал в **Москву**. / – Мы тоже. // – Я еду в автобусе. / – Мы тоже. // – Я приехал в зоопарк. / – Мы тоже. // – Там тигры рычат. / – Мы тоже* [Соликамский р-н, 2007 г., № 11]), в песнях-колядках (*Коляда ты, коляда, / Заходила коляда, / Записала коляда / Государева двора, / Государев двор / Среди **Москвы**, / Средь каменные. / Кумушка-голубушка, / Пожертвуйте лучинки / На святые вечера, / На игрища, на сборища* [Чусовской р-н, 2007. № 86]) и др.

От детей и взрослых записаны тексты, в которых высмеивается попытка приезжего говорить по-московски, с «аканьем»: *Жила в **Ма-аскве**, / Шла по да-аске. / Да-аска – тресь, / Упала в гресь* [Пермь, тетр. 342, № 121]; *Была в **Маскве**, / Шла на даске, / Доска – хресь, / Я прямо в гресь* [Березовский р-н, 2007 г., № 5].

Шутки-прибаутки, скороговорки, небылицы с упоминанием топонимов и оттопонимических производных фиксируются не очень часто: *Он говорит: здорово, **московской**. Я говорю: здорово, **ростовский**. Он говорит: где ты побывал? Я говорю: в **Ниже**нем, на ярмарке...* [Ильинский р-н, тетр. 280, № 23, с. 10-12, информант отмечает, что это байка, присказка, говорится скороговоркой]; *...Был поп с **Москвы**, упал с доски...* (из небылицы) [Куединский р-н, тетр. 444, № 174]; *Староста – Татьяна, / Выборной – Варвара, / Скоро писать – Акулина, / В **Москву** гонять – Катерина, / Синьки-синюшки – Васюшка, / Кислый квас – Василиса, / Жидкие волосы – Арина, / Косые зубы – Макарина. / Долгие подолы – Федора, / Кушайте, гости-бояра, / Тут вам и вся забава, / Скрипка и гудок, / И балалайка подле бок*

[Кунгурский р-н, тетр. 217, № 53]. В Прикамье записаны анекдоты с упоминанием названия **Москва**: – *Ты куда с бараном в самолёт? Грузин: – Это не баран, это калым. Баран в Москве учится* [Пермь, тетр. 594, № 4].

В разных районах края записываются поговорки: *Говорят, в Москве кур доят, коровы яйца несут* [Осинский р-н, тетр. 118, с. 95, № 49; Кунгурский р-н, 2007 г., № 41; Березовский р-н, 2007 г., № 6; Оханский р-н, 2007 г., № 93 и др.]; *Не вдруг Москва строилась* [Пермь, тетр. 593, № 42]; *Москва слезам не верит* [Кунгурский р-н, 2007 г., № 43; Березовский р-н, 2007 г., № 40]; *В Москве калачи – как огонь горячи* [Осинский р-н, тетр. 186, № 17; Кунгурский р-н, 2007 г., № 47]; *Москва – Воронеж, никогда не догонишь* [Оханский р-н, 2007 г., № 68].

Некоторые выражения встречаются только в отдельных районах: *Когда на вечерке, с работы едем – поём, на работу – поём. Когда горе – так плачем, сидим за зыбкой – и тоже поём. Тянем да тянем – от Москвы до Урала – и конца нет* [Сивинский р-н, тетр. 180, с. 40]; *Позденча (жителя д. Поздынка) и в Москве узнаешь по загнутым голенищам* [Березовский р-н, 2007 г., № 33].

Интересны поговорки, в которых сопоставляются различные города: *Новгород Нижний – сосед Москве ближний; Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова* [Чусовской р-н, 2007 г., № 96, 103]; *Соликамск-городок – Москвы уголок* [Бардымский р-н, 2007 г., № 45; поговорка, как отмечает информант, появилась тогда, когда пермские земли, на которых был город Соль Камская, вошли в состав русского государства].

Есть записи различных преданий, устных рассказов с упоминанием **Москвы**: *Сюда Романова из Москвы Борис Годунов сослал. Он в яме жил. Женщины его кормили, поили. Он умер. Отсюда нарочного послали, что он умер, из Москвы – нарочный освободить его. А он уже мёртв* [Чердынский р-н, тетр. 400, № 209]; *Предание о купце Алине. Был крупный купец в Чердыни. Торговал с Москвой и на Ирбитской ярмарке. Жители возили туда товар, но это было тяжело. Отсюда в народе пословица «Довела меня Ирбитка до последнего понитка». Знаю это от возчиков, которые возили товар. Застал их ещё в живых* [Чердынский р-н, тетр. 400, № 98]; *Женился, говорят, он на простолюдинке. Скорее, она была просто бесприданница, княгиня тоже, но бедная. А ведь жениться тогда на бедной было не почётно. Но он женился по любви. Говорят, пришлось ему очень много заплатить из-за того, что женился он на ней и чтоб её признали и ему князем остаться. Она у него учительницей была.*

*Преподавала в местной школе, бабушка моя у неё училась. Умерли они с князем в **Москве**, там у них дом был, а здесь, видимо, просто дача [Юсьвинский р-н, тетр. 504, № 86] и др.*

Таким образом, топоним **Москва** очень активно функционирует в Прикамье в самых разных фольклорных текстах (1-2 место по частоте употребления). Это название знакомо каждому русскому человеку. В текстах отражено двойственное отношение к Москве. С одной стороны, Москва – это «свой» город, в котором каждому хочется побывать, «людей посмотреть, себя показать», научиться чему-либо, это город больших возможностей, город-мечта. Москва – особенный город, очень богатый город, столица. С Москвой связаны важные для всей страны исторические события. С другой стороны, Москва для всех немосквичей – «чужой» город. По мнению немосквичей, жизнь в Москве другая, не такая, как в остальных российских городах и селах, в Москве хорошо живется. Не каждому удастся побывать в Москве. Для некоторых Москва становится разлучницей. Но, как показывают фольклорные тексты, найти счастье можно и у себя на родине, а не только в Москве. Особенностью функционирования названия **Москва** в фольклорных текстах можно считать упоминание данного топонима в ряду с другими названиями: общероссийскими (**Астрахань**, **Нижний Новгород**, **Казань**, **Питер** и т.п.) и местными (**Пермь**, **Оса**, **Юг-Осокино**, **Пыскор** и т. п.).

Литература

Гордеева О.В. Топонимы Кама и Волга в русском фольклоре Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Пермь, 2007. Часть 1. С.120-127.

Слова для музыки: Русская песенная поэзия. Пермь, 1991.

Народная афористика как источник формирования / обогащения концепта*

Л.А. Грузберг

Целостное рассмотрение афористических единиц, свойственных народно-разговорной речи, в плане лингвокультурологии и в свете современных философских воззрений показало, что народная афористика сыграла огромную роль в формировании таких основополагающих для духовной культуры концептов, как *слово, жизнь, смерть, бог, судьба, хлеб, земля* и мн. др. [см., в частности, Степанов, 2001; Грузберг, Суслова 2004, 95-111; Грузберг, 2007, 9-18; Никитина, 1991, 117-123].

В данной статье концепт мыслится как «культурно-ментально-языковая единица» [Степанов, 2001], представляющая собой совокупность особым образом организованных смыслов и реализующаяся в звуковом / буквенном облике соответствующего слова. Единодушно признавая концепт (*и*) языковой единицей, исследователи, тем не менее, сосредоточивают внимание не на обнаружении единства слова и концепта, а на их различиях – ср. несколько свидетельств:

– Будучи своего рода посредником между словами и экстралингвистической реальностью, «концепты по-разному вербализуются в разных языках в зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, и, следовательно, фиксируются в разных значениях» [Кубрякова и др., 1996, 90].

– «Концепт предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [Колесов, 1995, 132].

– Концепт как достояние личности – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [Залевская, 2001, 90];

– «Внутреннее содержание концепта – это своего рода совокупность смыслов, организация которых существенно отличается

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ № 08.04.82407 а/У, АВЦП РНП № 2.1.3/483.

от структуризации сем и лексико-семантических вариантов слова» [Грузберг, 2003, 183].

Однако, при всей справедливости приведенных суждений, концепт – единица «и языковая», и дело даже не столько в том, что концепт может реализоваться лишь в языковых формах и языковыми средствами, а – подчеркнем – в том, что базой, основой смыслового содержания концепта является семантика слова, его экспрессивно-коннотативный потенциал, его способность к символизации явления / понятия. И лишь в/на эту основу встраиваются, надстраиваются смыслы, пришедшие из сферы культуры. Исключительно большую роль в формировании и обогащении содержания концептов играет художественная литература. Благодаря роману Г. Гессе «Игра в бисер» концепт *игра* приобрел смысл ‘аналог высокоинтеллектуальной деятельности’; роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» не только обогатил содержание концепта *судьба*, но и изменил соотношение этого концепта с концептом *жизнь*; в поэме-мистерии И. Бродского «Шествие» две главнейшие смысловые составляющие концепта *жизнь* – ‘движение’ и ‘игра’ – гениально совмещены: жизнь в этом произведении не что иное как *карнавальное* (‘игра’) *шествие* (‘движение’). Примеры можно продолжать и продолжать.

Несмотря на существенную, значительную роль «субъектного начала» (Ю.С. Степанов) в формировании концепта, приоритетную роль в этом процессе играют прецедентные тексты, важнейшее место среди которых занимают народные пословицы, поговорки, приговорки, присказки, шуточные советы и наказания, устойчивые сочетания слов и т.п., для наименования которых мы использовали рабочий термин *народная афористика*.

Как показывают наши материалы, народное видение мира отличается поэтичностью, особым одухотворением природных явлений, светлой благодарностью земле, растениям, солнцу, воде, хлебу, домашним животным и т. д. Несколько примеров-аргументов:

Земля-матушка; земля-кормилица; земля-родильница (чаще – *родильница*); *землюшка-матушка; землюшка родная*; *Зёрнышко в землюшку лягёт – хлебушко вырастёт*; *Где хлебушка край, там и на печке рай*; *Как коровушку покормишь, так её и подобишь*; *Коровушка на дворе, дак и харчи на столе*; *Водичка – бегученькая, доченька – растученькая, водичка – холодненькая, доченька – ядрёненькая* (приговаривают, купая ребенка в бане); *Водичка, водичка, умой моё личико!*; *Солнышко, солнышко, выгляни в окошечко, посвети немножечко!* – и т. п.

Выражения, подобные приведенным, несомненно приносят в концепты *вода*, *земля*, *хлеб* и др. особые содержательные и эмотивные грани, обогащая их содержание и усложняя структуру. Более того, свидетельства диалектной речи позволяют предполагать, что в народной культуре *солнце* и *солнышко* – два концепта, а не один; но об этом мы лишь упоминаем в данной статье – в надежде на будущие исследования.

Настоящая же статья посвящена рассмотрению роли народной афористики в обогащении смыслового содержания концептов *жизнь* и *смерть* в народной культуре, точнее – субкультуре², под которой мы имеем в виду пласт культуры, создаваемый анонимными творцами-непрофессионалами и включающий в себя мифы, легенды, сказки, пословицы, поговорки и другие фольклорные жанры; произведения, которые веками бытовали в устной форме, передаваясь от поколения к поколению [Грузберг, Сулова 2004, 95-11; Грузберг, 2007, 9-18].

Обратимся к контекстам: *Жизнь прожить – не поле перейти*; *Жизнь (век) прожить – не река брести*; *Жизнь прожить – не реку перейти*; *пойдёшь – утонёшь*; *Жизнь прожить, что море переплыть*; *Жизнь изжить – не лапоть сплесть*. Приведенные примеры дополняют углубляют, обогащают многие смысловые составляющие концепта *жизнь*. Жизнь не просто трудна, это трудное дело (*не лапоть сплесть!*), это преодоление, средоточие всех сил (*что море переплыть: пойдёшь – утонёшь*). Образность народного мировидения ассоциирует жизнь с пространством (*поле, море*) и прежде всего – с водным пространством, а вода – это стихия, которая всегда непредсказуема и потому опасна. Получается диалектичная замкнутая цепочка смыслов: ‘трудно’ – ‘работа, дело’ – ‘сложно, тяжело’ – ‘преодоление’ – ‘пространство’ – ‘стихия’ – ‘опасно’.

В живой народной речи весьма активно используются афористичные выражения, представляющие собой устойчивые сравнения, построенные по модели *не жизнь, а...: не жизнь, а царство; не житье, а рай; не жизнь, а масленка (масленица); не жизнь, а малина; не жизнь, а каторга; не жизнь, а бардак; не жизнь а (сплошной) цирк* и т. п. Обратим внимание, что, с одной стороны, жизнь не предполагает роскоши, удовольствия, праздного времяпрепровождения (она – не царство, не рай, не малина, не масленка), а с другой стороны, она мыслится достаточно упорядоченной и стабильной, без экстравагантностей (не бардак, не цирк).

Для концепта *жизнь* в народной субкультуре очень существен смысл ‘здоровье, силы’ – ср.: *Жись положил в колхозе, а какую пенсию*

дали?!; Робила, робила, всю жизнь уходила, а толку?!; – Как он? – Ничё, жив-здоров; Такой робёнок непослушной, совсем отнял жизнь у родителей; Если здоровья нету, то и жизни нету – и т. п.

В народном сознании жизнь мыслится как ‘дар, данный свыше’: Жизнь даёт только один Бог, а отнимает всякая гадина; Жизнь дана на добрые дела; Всем жись дана, да не у всех она одинакова.

Наш материал свидетельствует о том, что необходимо различать суждения о жизни вообще и о чьей-либо конкретной жизни, чаще всего – жизни самого говорящего – ср.: *Житьё хорошее: семерых в один кафтан согнали; Нашо житьё – вставши да за вытьё; Зимогорска наша жись – хоть без ужны спать ложись; Мое житьё – хуже поповой собаки; Житьё – ровно в аду: стою, как на угольях* – и т. п. Осмысление феномена жизни и смерти обычно включает процесс сопоставления и / или противопоставления этих категорий. В сознании представителей народной культуры это осмысление являет собой не оперирование абстрактными понятиями, а размышления о собственной жизни и жизни людей, окружающих тебя. Реальная жизнь уральского крестьянина во все исторические периоды была столь тяжела и сурова, что в сознании не сложилось четкого противопоставления жизни и смерти как чего-то прекрасного и ужасающего, более того, иногда смерть предпочтительнее. Ср.: *Жизнь надокучила, а и к смерти не привыкнешь; Эта жизнь хуже смерти; Эта жизнь и смерти не стоит; Лучшие смерть, нежели зол живот.*

Однако жизнь содержательна, плодотворна, а смерть не содержит в себе ничего: *Живот животы даёт, а смерть всё отберёт.* И в конечном итоге – *Кому жизнь не мила!; Жизнь не надокучит; Жизнь дана на добрые дела* и т. д.

Обобщим сказанное в виде двух схем:

Время от рождения до смерти

Дар ----- Нечто вещественное

Стихия ((вода))

Труд

Здоровье ----- Полнота проявления сил

Упорядоченность	-----	Бытие
Образ жизни	-----	Условия существования

Рис. 1. Основные смыслы концепта *жизнь* в народной субкультуре

Рис. 2. Связи между оценочными характеристиками концепта *жизнь* в народной субкультуре

Смысловое содержание концепта *смерть* в народной субкультуре также своеобразно сравнительно с соответствующим концептом в элитарной субкультуре, и своеобразие это – как и в случае концепта *жизнь* – во многом обусловлено народной афористикой.

Во многих исследованиях отмечается мудро-спокойное отношение русского крестьянина к смерти. Так, И.А. Подюков в монографии «Народная фразеология в зеркале народной культуры» пишет: «Смерть (если она не неестественная, не преждевременная) и современному крестьянину не страшна; чаще всего это – избавление от страданий, вызванных сознанием своей беспомощности, своего одиночества, болезней. Спокойное отношение к смерти в немалой степени формируется существованием в народном сознании целого рода «утешительных» концепций смерти, основные сюжеты которых наглядно выражены во фразеологизмах народной речи. И умирая, человек стремится превозмочь, победить смерть, высмеять ее в одном случае, сняв смехом стресс, уподобить ее житейско-будничному явлению в другом» [Подюков, 1990, 61]. Диалектная речь Пермского края содержит ярчайшие свидетельства и земного, народно-грубоватого юмора по отношению к смерти, и разнообразных способов «уподобить ее житейски-будничному явлению». Ср.: *Живы*

будем – не умрём; Когда помру – тогда отдохну; Не спеши на тот свет: там кабаков нет; Проходите вперёд – не так смерть берёт (приглашение пришедшим в гости); Пить будем, пировать будем. А смерть придёт – помирать будем! А смерть пришла – меня дома не нашла. Нашла в кабаке с полбутылочкой в руке!

В народе со спокойным достоинством готовятся к смерти, осознавая ее неизбежность: *У Бога дней не с решето; Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Пора костям на место; Смерть-то не за горами, а за плечами.* Более того, смерть порой оказывается избавительницей: *Боль больна, да смерть легка.* Однако повседневные дела, заботы о хлебе насущном могут оказаться сильнее мыслей о смерти, победить боязнь смерти: *Умирать-то собирайся, а хлеб-то сей; Раньше смерти не умирай! Вперёд (раньше) смерти не умрёшь! –* и т.п.

Обращает на себя внимание обилие ласкательных суффиксов в производных от слова смерть: *Я смертушку, как гостыюшку, ждуду; Всё уж к смерёдушке приготовлено – нельзя иначе; Чё-то смертынька моя долго не идёт, я уж цюжой век живу.*

Приведенные и подобные им высказывания позволяют говорить об антиномичности концепта **смерть** в русской национальной культуре: с одной стороны, это «ужас естества и страх» (Державин), с другой стороны, это естественный конец жизни, принимать который надо достойно. В элитарной культуре, как свидетельствуют данные дипломной работы К. Суловой, вторая часть этой антиномии формируется в основном благодаря философско-этическим постулатам типа следующих: если жизнь прожита достойно, человек спокойно относится к завершающему этапу жизни. Если человек жил во имя добра, радел о благе других людей, он надолго остается жить в памяти потомков, т. е. его физическая смерть окажется началом бессмертия. В субкультуре народной вторая часть антиномии обеспечивается в конечном итоге всем укладом жизни крестьянина, его особым отношением к земле, труду, природе, обусловившим его особое мировидение. Плюс к тому, укоренившееся в народном сознании в течение веков понятие «вечная жизнь» соотносено с периодом после смерти, т. е. смерть воспринимается как граница между жизнью и бессмертием.

Таким образом, своеобразие концептов **жизнь** и **смерть** в элитарной и народной субкультурах коррелирует со своеобразием в осмыслении содержания общечеловеческих, вечных, наиболее мировоззренчески важных категорий: **жизнь – смерть – бессмертие.**

Литература

Грузберг Л.А. Жизнь как антиномия, или Еще раз о концепте. // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2007. Вып. 9. С. 9-18.

Грузберг Л.А. Концепт. // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 181-184.

Грузберг Л.А., Суслова К.С. Жизнь – смерть – бессмертие в аспекте теории концепта. // Филологические заметки. Пермь – Любляна, 2004. Вып. 3. Ч. 2. С. 95-111.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.

Колесов В.В. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В.Виноградова. // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995, № 3. С. 130-139.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре. // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 117-123.

Овчинникова И.Г. Реклама в российском городе: лингвосоциокультурный анализ. // Филологические заметки. Пермь – Любляна, 2004. Вып. 3. Ч. 2. С. 163-174.

Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1990.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

¹ Пользуясь случаем, сердечно благодарю своих дипломниц Марию Калинину и Ксению Суслову, чьи работы по концептам *смерть* и *жизнь* содержат, в частности, ценные данные о роли малых фольклорных жанров в формировании названных концептов.

² Подробнее о понятии *субкультура* см.: Овчинникова, 2004, 163-174.

Смысловые отношения между названиями народных гаданий (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)*

С.В. Десяткова

Гадания представляют собой особую часть традиционной народной культуры. С одной стороны, это интереснейшее обрядовое действие, с другой стороны, это своеобразный фольклорный жанр. Нас интересует в большей степени вербальная форма, но для проведения семантического анализа необходимо привлекать и обрядовое значение гадания.

Как известно, язык фольклора обладает такими отличительными чертами, как формульный характер и вариативность. Эти особенности тесно связаны между собой и обусловлены устным бытованием фольклора, что отмечается исследователями [Артеменко, 1985, 4]. Под вариативностью мы понимаем возможность синонимической замены той или иной части фольклорного текста. Под формульностью мы понимаем возможность функционирования подобных вариантов в том же самом жанре с сохранением смысла текста. Таким образом, формула — это совокупность вариантов языковых единиц, обозначающих одно действие, выражающих один актуальный смысл. Признаками формулы, по Г.И. Мальцеву, «являются стереотипность, устойчивость, повторяемость» [Мальцев, 1989, 5]. И в то же время формулы, представляющие разные актуальные смыслы, могут быть объединены на основании общности традиционного, так называемого виртуального, смысла.

Материалом для исследования послужили названия гаданий, представленные в картотеке «Словаря чердынских говоров» в контексте рассказа информанта о проведении данного обряда. Единицы исследования представляют собой сочетания, имеющие следующую структуру: **глагол + предложно-падежная форма имени существительного**, в этих сочетаниях синтаксически независимое слово — глагол, тип отношений между компонентами связанного словосочетания — управление.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность», РГНФ № 08-04-82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья».

Всего в картотеке «Словаря чердынских говоров» нами обнаружено 181 сочетание, называющее гадание. Однако мы рассматриваем не все имеющиеся в картотеке единицы. В сферу нашего интереса входят только те, в которых имеется название народного гадания, а не только описание его процедуры. Иногда сочетание может иметь с названием гадания сходную структуру и семантику, но обозначать действие, являющееся лишь этапом процесса гадания и не несущее традиционного смысла. Например, в следующем контексте сочетание **наводить зеркало** не является названием гадания: *Берут свечку, зеркало. Стол ставят, зеркало на него и наводят его на дверь, а свечку так ставят, чтобы было видно, который человек будет заходить. Это в 12 часов ночи.* Подобный материал был отсеян, в результате чего анализу были подвергнуты 123 единицы.

В результате проведенного семантического анализа выяснилось, что рассматриваемые единицы могут быть объединены в 48 групп, включающих в себя синонимы (варианты), то есть в данном семантическом объединении достаточно широко представлена вариативность исследуемых сочетаний. Синонимичными являются, например, следующие сочетания: **считать тын, считать забор, обнимать тын (Тын считали.** *Ну захватишь вот так вот тын руками, потом считаешь тынины: вдовец, молодец, вдовец, молодец. Какая последняя будет, вдовец или молодец; Забор считали.* *А забор вот так обхватывали и: вдовец, молодец, вдовец, молодец – вот так считаем. Конеч какой придётся: если вдовец – за вдовца выйдешь; Тын обнимали.* *Вот забор возьмёшь и обнимешь, сколько сможешь обнять. И вот и считаешь эти стакетины: вдовой да холостой да. Там и какой тебе выйдет, за такого и уйдёшь. За вдовца ли ты выйдешь, или ты за холостого парня выйдешь).* Если отойти от лингвистического анализа, то можно сказать, что для гадающего важно не конкретное лексическое значение отдельных единиц, а общий актуальный смысл. Это дает нам возможность говорить о формуле со значением: ‘гадание, цель которого – узнать о семейном статусе будущего мужа, используя для счета элементы конструкции забора’.

Рассмотрим структуру традиционного смысла ‘определение характеристик будущего мужа’, так как этот традиционный смысл имеет самую сложную организацию, то есть представлен наибольшим количеством актуальных смыслов:

‘считая элементы конструкции забора, предугадывать семейный статус и уровень достатка будущего мужа’ (*считать тын, считать забор, обнимать тын, обхватывать тын*);

‘наблюдая за поведением кошки, предугадывать уровень достатка будущего мужа’ (*садить кошку в решето*);

‘увидев что-то на гумне, предугадывать уровень достатка будущего мужа’ (*выходить на гумно*);

‘ощутив прикосновение к оголенному телу, предугадывать уровень достатка будущего мужа’ (*гадать в овине*);

‘рассматривая кору на полене, предугадывать уровень достатка будущего мужа и его внешность’ (*считать поленицу, доставать полено, выдергивать поленья*);

‘оставляя гребень на ночь на улице, предугадывать цвет волос будущего мужа’ (*класть гребёнку*);

‘тряся снег и прислушиваясь, предугадывать характер будущего мужа’ (*полоть снег*);

‘наблюдая за поведением петуха, предугадывать различные характеристики будущего мужа’ (*кормить петуха, выпускать петуха, выпускать куру*);

‘оставляя на ночь ложки с водой на улице, предугадывать, будет ли муж пьяницей’ (*наливать в ложки воду*).

Как и в случае с вариантами формулы, традиционный смысл может быть воплощен посредством разных действий, разных актуальных смыслов, следовательно, выражен и в разных сочетаниях. Как пишет П.П. Червинский, «так же как слово, традиционный смысл имеет парадигму и реализуется в тексте в одной из ее форм» [Червинский, 1989, 25]. Необходимый выбор одного из смыслов и соответствующего ему сочетания обусловлен, как нам кажется, конкретной ситуацией, в которой находятся гадающие, наличием того или иного орудия гадания.

Все актуальные смыслы объединяются в небольшой перечень традиционных смыслов, так как гадающих интересует неширокий круг вопросов: выйдут ли они вскоре замуж, каким будет муж, где он живет, как его зовут, какова будет жизнь в замужестве, сколько человек будет в семье мужа (гадающего), что ждет в этом году, скоро ли умрет гадающий. Кроме того, желают увидеть жениха или будущее.

Обобщая все сказанное, можно представить смыслы, имеющиеся в обряде гадания, как иерархически организованную систему. Актуальные смыслы выражаются в языковых формулах и составляют самые крупные единицы – традиционные смыслы. Отдельные сочетания как единицы лингвистического анализа, иногда

составляющие синонимические ряды, не входят в систему смыслов, но включены в схему в качестве языкового материала, воплощающего эти смыслы (см. схему в приложении).

В схеме представлена синонимия названий народных гаданий на примере традиционного смысла 'определение характеристик будущего мужа'. Синонимия проявляется на двух уровнях: синонимичные лексические сочетания в совокупности выражают актуальный смысл (например, актуальный смысл 'считая элементы конструкции забора, предугадывать семейный статус и уровень достатка будущего мужа' воплощается в следующих языковых единицах: *считать тын*, *считать забор*, *обнимать тын*), а синонимичные актуальные смыслы образуют традиционный смысл.

Однако в нашем материале помимо модели **слово 1 – смысл – слово 2**, суть которой была изложена выше, реализуется и модель **смысл 1 – слово – смысл 2**. Иными словами, иногда одно и то же название, представленное в контексте, несет в себе разные смыслы. Так, сочетание *ловить овец* может иметь ряд значений: 'ловя овец, предугадывать, выйдет ли гадающая замуж' (*Овец ловили. А вот барана поймаешь, дак замуж выйдешь*), 'ловя овец, предугадывать, какого цвета волосы у будущей жены' (*Овец ловили. Это парни. Если попадёт чёрная, значит [жена] чёрная будет*). В таком случае мы наблюдаем отношения омонимии между названиями народных гаданий.

Как нам кажется, можно говорить об омонимии не только при полном совпадении плана выражения, но и при незначительном его варьировании, так как для гадающего важно не конкретное лексическое значение отдельных единиц, а общий актуальный смысл, о чем говорилось выше. Примером такого рода омонимии являются сочетания *бросать валенок* (со значением 'перебрасывая обувь через забор, предугадывать, выйдешь ли замуж') и *бросать лапоть* (со значением 'перебрасывая обувь через забор, предугадать, где живет будущий муж'). *А одинова валенок через ворота бросали. Ворота у нас высокие были. Ежли перебросишь – жди сватов; Потом, значит, ещё гадали. Щас расскажу как. Лапоть бросали за ворота. В деревне ограда. И вот лапоть бросят. В какую сторону упадёт лапоть, в ту [сторону замуж выйдешь]*. Доказательством того, что для гадающего не важен конкретный вид обуви, могут служить примеры, когда перебрасываемым предметом являются сапог или башмак.

Сложность исследования состоит в том, что иногда нельзя четко разграничить омонимичные сочетания и сочетания с разными оттенками значения. Так, в рамках уже рассмотренного нами

традиционного смысла ‘определение характеристик будущего мужа’ выделяется актуальный смысл ‘считая элементы конструкции забора, предугадывать семейный статус и уровень достатка будущего мужа’, представленный следующими языковыми единицами: *считать тын*, *считать забор*, *обнимать тын*, *обхватывать тын*. Значения сочетаний не полностью синонимичны, что становится понятно уже из формулировки актуального смысла, структуру которого можно представить в виде схемы:

Кроме этого, близко по плану выражении приведенным сочетаниям еще одно: *хватать тын*. Физическое действие, выполняемое участниками гадания, то же самое, но в него вкладывается другой актуальный смысл: ‘считая элементы конструкции забора, предугадывать, скоро ли выйдешь замуж’: «Бегали по улице на Святках, тын хватали. Если замуж выйти, то парами сходится. А если один останется, то не выйдешь вскорости замуж». Следовательно, и традиционный смысл, воплощенный в языковой единице, здесь другой: ‘определение, выйдет ли гадающая вскоре замуж’. Мы склонны рассматривать сочетания *считать тын*, *считать забор*, *обнимать тын* и сочетания *обнимать тын*, *обхватывать тын* как имеющие разные оттенки значения, а сочетание *хватать тын* — омонимичным по отношению к вышеперечисленным.

Омонимия представлена не так широко, как синонимия, причем во многих случаях основная часть контекстов представляет один традиционный смысл, который можно считать ведущим, а незначительная часть материала (одна или две карточки) — другой смысл, второстепенный. Можно предположить, что второстепенный смысл в гадание был привнесен носителями традиционной культуры в отдельном случае и не содержится в сознании большинства. Так, по нашему предположению, дело обстоит с сочетанием *полоть снег* в

значениях: 'тряся снег и прислушиваясь, предугадывать, выйдет ли гадающая замуж' (*Вот на Рождество так-ту ворожили, етто снег пололи да чё да. Вот выйдешь на дорогу, на ростани, де дорога с дорогой пересекается, и: «Полю, полю снежочек, где мой женишочек, тут собачка взает».* Эсли как замуж выти, дак они и взают) и 'тряся снег и прислушиваясь, предугадывать характер будущего мужа' («Снег полоть ходила. За ограду выйдешь, в подол снег наберёшь, да и тряску подол-то, говорю: «А я полю, полю снежок, ищю, где мой женишок, там собачка злай, колокольчик созвени». У меня вот колокольчик созвенел, то и мужик добрый, не бивал ни разу. А ежли б собачка залаяла, то муж бы был злой, как собака»). Ведущее значение – 'тряся снег и прислушиваясь, предугадывать, где живет будущий муж' (*А вот ишо бегали снег пололи. «Полю, полю снежок, где мой мил дружок, там собачка злай».* Собака где залает, туды пойдёшь). В пользу нашего предположения свидетельствует текст, произносимый гадающими, в котором в той или иной форме говорится, что жених живет там, откуда доносится лай собаки. В первом случае значение 'тряся снег и прислушиваясь, предугадывать, выйдет ли гадающая замуж' появляется вследствие истолкования местоимения места «тут» в качестве местоимения времени. Во втором случае повлияла схожесть звуковых оболочек слов «злай» (т. е. «залай») и «злой», а также фразеологизм «злой, как собака», из-за чего и возникло значение 'тряся снег и прислушиваясь, предугадывать характер будущего мужа'.

Итак, мы выяснили, что ни за актуальными, ни за традиционными смыслами не закреплено прочно то или иное сочетание, и в то же время за одним сочетанием может стоять несколько традиционных и, следовательно, актуальных смыслов. Исходя из этого, можно сделать вывод, что язык гадания, как и язык других фольклорных жанров, обладает особой семантикой. «Слово в фольклоре воспринимается как лишенное семантической определенности. Фольклорному значению приписываются обобщенность и размытость, неодноплановость и многозначность, обуславливаемые факторами художественного порядка» [Червинский, 1989, 25]. В этом языке значение слова не сводится к его словарному значению, а позволяет объединить разнообразные словосочетания на основании общности традиционного смысла, вкладываемого в эти сочетания носителями традиционной культуры, а также увидеть разные традиционные смыслы в одном сочетании, опираясь на контекст.

Литература

Артеменко Е.Б. Фольклорная формульность и вариативность в аспекте текстообразования. // *Язык русского фольклора: межвузовский сборник.* – Петрозаводск, 1985 С. 4-8.

Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Ленинград: Наука, 1989.

Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции. Ростов: Издательство Ростовского университета, 1989.

Названия напитков в пермских говорах*

Ю.В. Зверева

Пермские говоры – говоры вторичного заселения, распространенные на территории Пермского края. Исследователи истории Пермского края отмечают, что территория Верхнего Прикамья русскими осваивается в XV веке, изначально на этих землях проживали финно-угорские народы (коми, удмурты, манси). Заселение Пермского края происходило в основном с Русского Севера, поэтому в основе пермских лежат севернорусские говоры (архангельские, сольвычегодские, вологодские, вятские и другие). Соседство русских с коми-пермяками обусловило появление в лексике пермских говоров большого количества коми-пермяцких по происхождению слов. Юг Пермского края начал осваиваться русскими позже, в XVII веке, выходцами из разных территорий, в том числе из Средней России, поэтому говоры южного Прикамья имеют отличия от говоров севера Пермского края. Кроме того, русские на этой территории находились в другом иноязычном окружении, их соседями были татары, башкиры, ханты, марийцы [Полякова, 2006, 33], поэтому наибольшее количество заимствований в этих говорах связано с тюркскими языками.

В пермских говорах представлено большое количество наименований различных напитков. Эти лексемы входят в обширную лексико-семантическую группу «Питание». Лексика, связанная с процессом принятия пищи, относится к числу древнейших слоев словарного состава русского языка, поэтому ее изучение представляет большой интерес.

Чаще всего лексемы, называющие напитки, имеют прозрачную внутреннюю форму, в основе номинации могут лежать различные признаки: такие, как вкус: *кислѹха*, *кислѹшка*, *преснѹшка*; способ изготовления: *забрѹдина*, *заварѹха*, *квашинѹна*, *морѹнка*, *перевѹра*, *томлѹнка*, *томлѹха*; основной ингредиент: *дрожжевѹха*, *овсянка*, *сморѹдинник*, *травник*, *яблонѹха*; действие, которое вызывает напиток: *косорылка*, *косомѹриха*, *спотыкѹч*; время употребления: *утрянка*.

В пермских говорах встречается значительное число названий алкогольных напитков, большинство из них имеет значение 'слабоалкогольный напиток, брага': *бардѹ*, *бардѹль*, *бардѹляга*, *брѹга*,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП (№ 2.1.3/483, № 2.1.3/2175), РГНФ (проекты № 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82402 а/У, 09-04-82403 а/У).

брагулька, бра́женька, бра́жка, бражёнка, забрóдина, кислу́ха, кислу́шка, косоры́лка, косомáриха, пресну́шка, томлénка, томлю́ха, утря́нка. Само наименование *бра́га* исследователи либо относят к кельтским заимствованиям (ирл. *braich* «сусло», «солод»), либо связывают с индоевропейским корнем *b(e)u «раздуваться, набухать» [Черных, 1, 106-107].

Названия *барда́* имеет в пермских говорах два значения: 1) 'осадок в браге, пиве, квасе' (*Барда – это ужсо негодное остаётся после хорошей-то самогонки. Его корове выливают.* Покча, Черд.); 2) 'брага' (*Барду сделают из муки с хмелём. Сутки, трои, четвёрты она мориця. Заглушат её совсем, чтоб воздух-от не шёл.* Турчанка, Черд.). Исследователи считают, что лексема *барда́* связана со словом *бурда́* из татарского *burda* 'мутное питье, смесь разных жидкостей' [Фасмер, 1, 244]. Производные от *барда́* лексемы *бардeль* и *барделя́га* также имеют значение 'брага' (*Я принесла свою бардель. Некрепкая брага – бардель, барделяга.* Редикор, Черд. [КСЧГ]).

Отдельные слова существуют в пермских говорах для именования крепкой и слабоалкогольной браги. Крепкий (в говорах «пьяный») напиток получался путем долгого брожения, поэтому лексемы *заморéнка* (*Заморёнка – шибко крепкая, в голову ударят... Она как брага же, в её кладут дрожжи и сахар и долго мoryт.* В. Мошево, Сол. [СПГ, 1, 297]) и *заморóчка* (*Я ему два стакана заморочки подала.* Палево, Краснов. [СПГ, 1, 297]), *морéнка* (*Сахар, солод тоже надо. Морёнку ещё делали, ещё лучше было. Заморят целую неделю, дак о, не хуже пива, не хуже вина.* Черд. [КСЧГ]) связаны с глаголом *морíть* 'выдерживать в соответствующих условиях для придания крепости'. Похожее значение есть у глагола *томíть* 'долго парить на медленном огне в закрытой посуде', от него образуются лексемы *томлénка* (*Напился томлёнкой и сразу уснул.* [СРГКПО, 238]) и *томлю́ха* (*Пили бы томлюху, а то все спирт пьют, травятся им.* Юм, Юрл. [СРГКПО, 238]), также обозначающие крепкую брагу.

Слово *приго́ловок* имеет значение 'напиток домашнего приготовления, не дошедший до готовности' (*Дрожжи подобьёшь, хмелю отваришь, сахару подобьёшь, сутки покиснёт и пить можно этот приголовок.* Лызиб, Сол. [СПГ, 2, 204]). Скорее всего, лексема связана со словом *голова*, одно из значений которого в русских говорах 'то, что предшествует чему-либо, является началом чего-либо' [СРНГ, 6, 301] и с глаголом *приго́ловить* 'прибавить к старому пиву свежую закваску', зафиксированным в псковских и тверских говорах [СРНГ, 31, 167].

В значении ‘крепкий алкогольный напиток’ в пермских говорах зафиксировано более 10 диалектных названий. Наибольшее число этих лексем обозначает самогон: *гульда́* (*Уехал из дома, гульду в деревне стал пить*. Мостовая, Окт. [СПГ, 1, 193]), *зелене́ц* (*Раньше самогон варили, горько, так и зеленеч*. Мартино, Краснов. [КСЧГ]), *кумы́шка* (*Кумышка – это самогонка; через трубу как-то гонят дак, а мне кумышку не надо*. Толстик, Солик. [СПГ, 1, 451]; *Кумышку гонят аппаратом, она крепче браги-то, как водка*. Покча, Черд. [КСЧГ]), *перега́рчик* (*Перегарчику приготовят, он всё сожгёт*. Острожка, Ох. [СПГ, 2, 85]), *перва́к, первачо́к* (*Я ещё совсем мал был, а хозяин гнал самогон и мне кружку первака налил; первак, он же крепкий, дак я сразу опьянел и давай робят пугать на улице. Первачок пьёт каждый мужичок*. Брехово, Сукс. [СПГ, 2, 83]), *пе́рвые концы́* (*Самогон в начале гонки называется первые концы. Он даже горит*. Акчим, Краснов. [АС, 2, 58]), *послед́ние концы́* (*Самогон... последнее побезит – это последни концы. Его в другое место сливаш Акчим, Краснов. [АС, 2, 58]), *перего́н* (*Перегон меньше пьют, спирт дешёвый дак*. Тиуново, Гайн. [СРГКПО, 180]), *спотыка́ч* (*Всёгда говорил: ну спотыкач, губки слипаются, ноги подгибаются*. Вильгорт, Черд. [КСЧГ]).*

Слово *гульда́* имеет неясное происхождение. Возможно, оно связано с глаголом *гульдить* ‘мешать кому-либо, отвлекать от дела’, зафиксированным в архангельских говорах [СРНГ, 7, 218]. Лексема *кумы́шка* встречается во многих русских говорах, где также обозначает самогон [СРНГ, 16, 88]. Скорее всего, слово происходит от *кубы́шка*, имеющего в диалектах значения ‘глиняный с узким горлом кувшин для хранения чего-либо’, ‘бутылка’ [СРНГ, 15, 387].

Слова *пи́во* и *кула́га* имеют значение ‘солодовый хмельной напиток типа пива’ (*Не пивное пиво, дак кислоё, сахару коли мало*. Мысагорт, Черд. [КСЧГ]; *Не буду я пить осиновою-то жижу, лучше своё пиво сделаю, густое да сладкое*. Кольчуг, Черд. [КСЧГ]; *Кулага – она вроде пива бражка, раньше из солода варили, теперь уж мало кто варит*. Березовка, Ус. [СПГ, 1, 448]; *Кулагу-ту раньше делали в корчагах. Кулага – брага это, из бражного делают*. Илаб, Сол. [КСЧГ]). В пермских говорах лексема *кула́га* может обозначать также ‘тестообразное кушанье из ржаной муки и солода, иногда с ягодами’ (*Ишо кулагой-ту звали у нас сладко кушанье, на джем чичас похожа*. Илаб, Сол.; *Кулага из солоду была; замешашь, поставишь в печь, попаришь; кипятком разваришь, клюкву положишь*. Осокино, Сол. [СПГ, 1, 448]). Происхождение слова неясно, этимологи считают его

заимствованием восточного происхождения и связывают с лексемой *кулёш* [Фасмер, 2, 408].

Слово *квас* в пермских говорах отмечено не только с литературным значением, лексема может обозначать пиво (*Сами-то квас делали, дак маленький такой, маломальский, ну градусов на петнадцать, на двадцать квасок*. Вильгорт, Черд.; *Квас ядрёный сделаешь*. Камгорт, Черд. [КСЧГ]). Наличие у слова *квас* последнего значения подтверждает устойчивое сочетание *истб́чной (истб́шный) квас* ‘сделанный из некрепкого, разбавленного водой сусла (о квасе)’: *После сусла бежит истб́чной-от квас, когда густо сусло-то гонят, а остатки воды налевают, тёпленькой, ну и бежит жиденькой квасок, истб́чной*. Свалова, Сол. [СПГ, 1, 367]; *Перво бежит густо, а потом второй раз на гуцу воду наливают – истб́шный квас получатся*. Ефремы, Сол. [СПГ, 1. 385]. Значение ‘некрепкий, разбавленный квас’ имеет и слово *шёрва (Пейте, пейте, у меня шорвы-то много*. Бондюг, Черд.; *Пиво сольёшь, а в гушцу-то воды нальёшь, дак шорва получатся*. Очго-Жикина, Черд. [СПГ, 2, 558]). Скорее всего лексема носит заимствованный характер, в коми-пермяцком языке существуют слова *шёр* ‘середина, средний’ [КПРС, 567] и *ва* ‘вода’ [КПРС, 52], таким образом, лексема *шёрва* обозначает ‘средняя вода’, в переносном значении ‘разбавленная жидкость’.

Значение ‘неудавшийся квас’ имеют слова *чй́квас (Чй́квас жиже квасу, не больно же он пьётся*. Тюлькино, Сол.; *А теперь чё: кинешь туды сахар да дрожжи – конечно, чй́квасы*. Заугор, Сол. [СПГ, 2, 531]); *булы́ч (Не стал пить квас – он как вода, булы́ч*. Юм, Юрл.; *Видно, овёс плохой был, квас как, булы́ч стоит*. Пож, Юрл. [СРГКПО, 55]). Лексема *чй́квас* отмечена не только в русских говорах Пермского края, но и в коми-пермяцком языке со значением ‘самый жидкий квас’ как заимствование из русского [Рогов, 2006, 182]. Но в других русских говорах это слово не встречается, это дает основание для предположения, что лексема представляет собой контаминацию коми-пермяцкого *чй́зыр* ‘очень кислый, перекишный’ [КПРС, 535] и русского *квас*, в дальнейшем упростившегося до *чй́квас*. Слово *булы́ч* в значении ‘жидкий квас’ фиксируется также во владимирских и вятских говорах, но происхождение лексемы неясно.

Основные продукты питания, а также напитки производились в крестьянском хозяйстве, поэтому лексемы, имеющие значения ‘водка’ и ‘вино’ редко отмечаются в пермских говорах. Так, со значением ‘водка’ зафиксированы только литературное слово (*Он бражку-то не пьёт, а пьёт водку*. Акчим, Краснов. [АС, 1, 140]) и устойчивое сочетание *вино́ каба́цкое (Это кабак был. Каба́цкое вино продавали...*

Сейчас водкой называют. Акчим, Краснов. [АС, 2, 29]). Значение ‘вино’ имеют лексемы **винко́** (*Раньше винко пили рюмочкой махонькой.* Грудная, Караг. [СПГ, 1, 103]), **красиво́** (*Я только хлеб купила да два красива, водки-то нет.* Б. Долды, Черд. [СПГ, 1, 434]).

Слова **ба́лта**, **пьяное**, **по́йло**, **няргу́ша** обозначают любой спиртной напиток (*Делали три бутылки балты, дрова пилить, всё мужики выпили.* Юм, Юрл. [СРГКПО, 45]; *Робяты, робяты, не пейте это пьяно-то, не берите, не садитесь вы за машины-те.* Шаврята, Ильинск. [СПГ, 2, 252]; *Нынче без пойла и работать никто не будет.* Юго-Камский, Перм. *Пойдём ко мне, у меня пойла немного.* Обвинск, Караг. [СПГ, 2, 142]; *Вот теперь нергушу-ту пьют, напьются, дак няргают.* Илаб, Сол. [КСЧГ]). Слово **ба́лта**, скорее всего, образовано от глагола **болтать** ‘приводить в движение жидкость, мутить’. Лексемы **пьяное** и **по́йло** семантически связаны с глаголом **пить**, слово **няргу́ша** является производным от **няргать** ‘издавать жалобные звуки’ и связано с коми-пермяцким глаголом **няргыны́** ‘хныкать, ныть’ [КПРС, 285].

В говорах Пермского края также отмечены лексемы, обозначающие безалкогольные напитки: **деревёнский чай**, **завару́ха**, **сморо́динник**, **су́сло**, **травник**, **травя́ник**, **травяно́е**, устойчивое сочетание **кержа́цкое питьё**. Часть этих названий обозначает отвары различных растений: **деревенский чай** ‘травяной чай’ (*У нас большинство деревенский чай, квас мало стали делать.* Сёйва, Гайн. [СРГКПО, 256.]); **сморо́динник** (*Сорвут пруточек смородины и вместе с листьями заварят горячей водой, да и пьют смородинник при простуде.* Шульгино, Бер. [СПГ, 2, 359]).

Значение ‘изготовленный из сусла сладковатый безалкогольный напиток’ имеют лексемы: **перевáра** (*Сусло второй раз в печь на ночь поставишь – перевара будет; пьют её, сладкая очень.* Вильва, Сол. [СПГ, 2, 84]), **су́сло** (*Толды (в прошлом) не пили спирту. (Пили) сусло, густое, не хмельное, за брылами тенётся.* Акчим, Краснов. [АС, 5, 163]), **травник** (*Хто не пьёт хмельного, дак про того травник ладят. Из того же сусла, меду положишь, смородинника – да и травник.* Толстик, Сол. [СПГ, 2, 445]), **травя́ник** (*Травяник делали из смородины, из сусла, густенькой; сахару положат, горести чтоб не было.* Вильва, Сол. [СПГ, 2, 446]), **травяно́е** (*Травяноё тоже ладили из сусла: по руслу гонишь сусло-то, его сгонишь, процедишь, а травяноё – пожисе сусло-то ладили; накладёшь меду, раньше мел был, дрожжей-то не было, смородинник клали.* Осокино, Сол. [СПГ, 2, 446]). Устойчивое сочетание **кержа́цкое питьё** также имеет это значение ‘безалкогольный напиток из сусла’ (*Раньше не пили хмельно-*

то. Положат в сусло хлеб, закиснет, вот это и пили, это кержаское питье. Тимина, Юрл. [СРГКПО, 184]). Фразеологизм обозначает безалкогольный напиток, так как *кержаки*, то есть старообрядцы, не употребляли спиртных напитков.

К напиткам, которые варят, относится кисель. В пермских говорах зафиксированы наименования различных видов киселя: гороховый, картофельный, ржаной, сулойный, но они обозначают не напиток, а студенистое кушанье. Только одна лексема **завару́ха** обозначает напиток кисель (*Отведайте заварухи-то, по-вашему-то киселём называется*. Платошино, Пермск.; *Устали, девки, попейте хоть заваруху с хлебом, всё веселя ходить*. Фоки, Чайк. [СПГ, 1, 272]).

Для называния некачественных, плохо приготовленных напитков используются лексемы **бурдомáга** (*Пил где-ко чё-ко каку-ко бурдомагу, скороспелку-брагу пил. Из овса, из кого ле она мешатся*. Акчим, Краснов. [АС, 1, 100]; *Бурдомага, квас не упрел, бродит как бурдомага, не отстаивается*. Покча, Черд. [КСЧГ]); **бутормáга**, **бутырма́га** (*Гуща останется, нальёшь воды и опять квас, только уж нехороший – бутормага*. Покча, Черд. [КСЧГ]; *Как бутырмага брага-то, не издалась; и квашонка не укиснет, дак така же бутырмага быват*. В. Мошево, Сол. [СПГ, 1, 69], **телепня́** (*Как телепня, одна вода у их вышла; это неиздача пиво, оно не устаивается; или брага сделатся неугодница, вот и телепня*. Толстик, Сол. [СПГ, 2, 435]).

Таким образом, в названиях напитков отражаются культурно-бытовые особенности русских, проживающих на территории Пермского края, а также контакты носителей диалекта с представителями других национальностей. Множественность наименований одних и тех же реалий отражает стремление человека дать возможно более детальное обозначение актуальным предметам действительности.

Литература (с условными сокращениями)

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2003. Вып.1-5.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М., 1985.

КСЧГ – Картотека «Словаря чердынских говоров».

Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика. – Пермь, 2006.

Рогов – Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Н. Роговым. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2006.

СПГ – Словарь пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000-2002.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь. 2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1984-2006. Вып. 1-40.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964-1973.

Черных – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.

Прочие сокращения

Бер. – Березовский район Пермского края

Гайн. – Гайнский район Пермского края

Караг. – Карагайский район Пермского края

Краснов. – Красновишерский район Пермского края

Окт. – Октябрьский район Пермского края

Оч. – Очерский район Пермского края

Пермск. – Пермский район Пермского края

Сол. – Соликамский район Пермского края

Суксун. – Суксунский район Пермского края

Ус. – Усольский район Пермского края

Чайк. – Чайковский район Пермского края

Черд. – Чердынский район Пермского края

Юрл. – Юрлинский район Пермского края

Лексика лесозаготовок и лесосплава на материале говора д. Акчим. К вопросу о народной терминологии

Н.Г. Лейсле

К проблеме изучения народной терминологии обращаются многие современные диалектологи. Среди них, например, Г.А. Дегтярев, М.А. Большакова, Л.В. Васильев. Но каждый из этих ученых по-своему понимает объем и содержание этого понятия. Наиболее широко народная терминология представлена в монографии Г.А. Дегтярева «Чувашская народная агроботаническая терминология»: «Агроботаническая терминология – это не только отраслевой подъязык специалистов в области сельского хозяйства, состоящий в основном из русских заимствований и интернационализмов, но и многочисленная тематическая группа выражений народно-разговорной речи, отражающая традиционно основное занятие чувашей». Автор называет народную терминологию «полисистемой взаимосвязанных терминологических подгрупп», каждая из которых включает три типа народных терминов: общенародные, собственно диалектные и узколокальные [Дегтярев, 2002, 14].

В исследовании М.А. Большаковой «Народные подвижные детские игры: к проблеме изучения народной терминологии» народная терминология понимается как совокупность лексем, непосредственно употребляемых в определенной отрасли, сфере, например, в детских играх. Автором дается следующее определение: «Народная игровая терминология – это закрепившиеся в игровой традиции названия игр, отдельных элементов игрового действия (ролей, предметов, движений и т. п.), в которых выражаются представления самих игроков об устройстве, содержании и символике игры. Таким образом, к области народной игровой терминологии относится вся формульная лексика, звучащая как в самой игре, так и в разговоре о ней (например, при описании, объяснении игры)». Кроме того, отмечается принцип динамики в народной терминологии: «Игровая терминология представляется как система, обусловленная культурным контекстом и отражающая ценности, ментальные доминанты традиции, сохраняет архаичные мифологические значения, реагирует на процессы культурно-исторических изменений, представляя «модные» явления и понятия» [Большакова, 2004].

Самое «лингвистическое» определение народной терминологии, на наш взгляд, дает Л.В. Васильев в работе

«Специфика народной географической терминологии (семасиологический аспект)»: «Народная географическая терминология представляет собой значительный пласт территориально ограниченной лексики, обозначающей различные объекты ландшафта. Она является частью лексической системы, одной из терминологических систем языка или диалекта, поэтому ей в полной мере присущи любого рода ономасиологические и семасиологические процессы, протекающие в сфере конкретной, денотативной лексики». Кроме того, автор говорит о том, что народный термин «обладает всеми необходимыми признаками научного термина, за исключением одного: выражает понятие, выработанное не в результате целенаправленного изучения явления, а в результате повседневного опыта» [Васильев, 1998, 1].

Мы же попытаемся представить народную терминологическую систему на примере лексики лесозаготовок и лесосплава.

Лесозаготовки и лесосплав – основное занятие жителей деревни Акчим Красновишерского района Пермского края, начиная с конца XVIII века. Поэтому в данном говоре существует большое количество лексических единиц интересующей нас темы.

Наше исследование предполагает выявление лексики говора, относящейся к теме «лесозаготовки и лесосплав», определение состава анализируемой лексики по сферам ее бытования, тематическая классификация лексических единиц, описание внутренней структуры группы. Для этого нами были изучены 6 томов и картотека «Словаря д. Акчим Красновишерского района Пермской области» и выявлены 170 собственно диалектных лексических единиц по теме. Анализ этой лексико-семантической группы позволил составить тематическую классификацию входящих в нее единиц, которую мы и представляем в данной работе.

Весь собранный материал мы распределили на две больших группы (лесозаготовки – 96 единиц, лесосплав – 74), в которых выделили более конкретные подгруппы.

1. Лесозаготовки

1) Участки леса

А) места, где ведутся лесные разработки (*лесоучасток, курень, па́сека, по́стать, вы́вал, вы́рубка, де́лянка*).

Де́лянка – ‘участок леса, предназначенный для вырубки’ (*Есть де́лянки, пройдут грани тут, лес рубят – это называется де́лянка*).

По́стать – ‘полоса, участок леса, выделенный бригаде, семье и т. п. для рубки’ (*Которая для рубки, мастер или десятник разбивают на по́статы – каждая бригада на своей по́стате*).

Б) дороги в лесу (**визи́ра, отве́д, воло́к**)

Визи́ра (визи́р) – ‘прямая узкая просека в лесу’ (*Визи́ра в лесу для отве́да леса; Делянки нарезают, прорежают визи́ры*).

Отве́д – ‘ответвление от лесосеки в виде просеки’ (*Отводы делаем. Это делянки, где лес берут, а от лесосеки уже идут усы – отводы*).

2) Древесные породы (**осина, ке́дер (ке́дор), со́сна, ли́ственъ** и др.)

Кедр, ке́дер, ке́дор – ‘порода хвойных деревьев, дающих съедобные плоды-орешки; отдельный экземпляр дерева этой породы’ (*Вон ке́дер стоит. На ём шишки; Ке́дор тот был дупленатой*).

Ли́ственъ, ли́ствина – ‘то же, что лиственница’ (*Ли́ственъ, она большие на камнях, на таких твердых местах. Ли́ствина, она как ёлка, хвоя зеленая, мелкая*).

3) Технологические названия леса

А) общие названия леса по техническим характеристикам (**сортимéнт, това́рник, бала́нец, тонкоме́р, лесёц** и др.).

Това́рник – ‘лесоматериалы очень высокого качества’ (*Раньше това́рник работали, лес. Нынче-то работают всякий*).

Бала́нец, бала́нс, собир. спец. – ‘строительный и поделочный лес’ (*Хороший лес выбирают, чистой. Бала́нец. Он шишо не самой лутшой – ешь шио пиловочник. Бала́нец – это самый отборный тонкомер. От двенадцати до десяти*).

Б) технологические названия ассортимента (**дво́йка, шестё́рка, восьме́рка, двухме́тровка**).

Дво́йка – ‘часть спиленного и очищенного от сучьев древесного ствола длиной 2 метра’ (*Ёлки рубят и выпиливают баланы: большие – шестё́рки, четве́рки и двойки – ну, два метра*).

Шестё́рка – ‘часть спиленного и очищенного от сучьев древесного ствола, длиной 6,5 метров’ (*Балан длиной четыре метра называют четве́рка. Шесть с половиной метров – шестё́рка. Нет, там делается припуск по длине. Шестё́рка – шесть метров пятьдесят сантиметров. Припуск сем сантиметров делается*).

4) Природные названия леса

А) названия леса (**охропо́тник, сузе́мье, мянда́ч, ветрова́л** и др.)

Мянда́ч, менда́ч – ‘лес, состоящий из сосновых молодых стройных малосучковатых деревьев’ (*Высокое дерево не закомлистое называется мендач. Есть старый лес, рубят, а мендач – молодой лес; Мяндач – молодьяжной лес, недоросток*).

Сузѣмье – ‘дремучий хвойный лес’ (Суземье – старинный лес, кондовый, крепкий. Лес густой, тѣмный, чѣрный. Его называют суземьями).

Б) характеристики дерева по качеству (*охранѣтина, несбѣжистый, кляной, сырняк, сушійна, слѣмок, суковѣтка, коржѣ, кремлістый, фѣутный, красик* и др.).

Коржѣ – ‘толстоствольное невысокое дерево, непригодное для получения деловой древесины’ (Там одна коржа растѣт; Коржа – это короткий толстый неуклюжий лес).

Кляпїна, клепїна – ‘наклонно растущее дерево, дерево с изогнутым стволом’ (Клепина – когда дерво клепое, когда оно наклонилось. Загнутое дерево попадат – это клепина).

5) Процессы лесозаготовки (*комлевѣть, откѣтывать, обчищѣть, облышѣть, лесорубить, кряжевѣть, точковѣть, пилять, подцѣпливать* и др.)

Комлевѣть – ‘обтесывать комлеву часть бревна’ (И эти тожо надо комлевѣть. Эти баланы кода готовят в лесу, комлевѣя часть – нижний отруб, а кверху – верхний отруб).

Кряжевѣть, кряжевѣть – ‘распиливать поваленное дерево на отрезки определенной длины’ (Сучки обрубят и кряжуют; Баланы валят там, а потом их кряжуют; Лес опять кряжуют, меряют на четвѣрки, на шестѣрки).

Укатѣть – ‘в несколько приемов перекатить бревна и т.п. в другое место’ (Давай четвѣрки укатаем).

6) Профессии (*толкѣч, топѣрник, укатчик, вѣльщик, дровосѣк* и др.)

Толкѣч – ‘лесоруб, обязанность которого – толкать в нужном направлении подрубленное, подпиленное дерево с помощью раздвоенной жерди’ (Сечас вѣльные вилки применяют. Теперь двое валят. Один с пилой «Дружба» подпиливѣт, другой толкат, толкѣч называется. Двое мужиков. Женьшын не допушїшают толкачами).

Топѣрник, уничижит. – ‘работник, деятельность которого предполагает использование топора’ (Если нет никакой специальности – баланичик-топорник. Ничѣ не может баланичик-топорник; Лѣтчиком-то не будет, а рабочим, топорником. Ну, с топором).

7) Инструменты, приспособления (*пехлѣ, пеш, лѣжка, лучѣк*)

Лѣжка – ‘бревна, доски, по которым катают (поднимают, спускают) лес’ (Втягивают, например, дерево на сруб с земли. Руками не поднимешь – верѣвками с обоих концов по лѣжкам втягивают).

Пехло́ – ‘тонкое срубленное дерево с раздвоенным концом, которым, толкая, направляют падение дерева при валке леса’ (*Пехло опять срубишь и стихиваешь дерево; Пёхла были. Когда куда надо не валится – пехло наладишь*).

8) Названия частей дерева (**лыси́на**, **мулёк**, **рубёж**, **отруб**, **kozyрёк**, **на́ростель**, **кожура́**, **коло́да**, **комель**, **су́чьё**, **рып**, **па́сынок** и др.)

Козырёк – ‘обломок древесины, отщепившийся при пилке от одной части бревна и выступающий на торце другой части’ (*Когда дерево стоячее отрубают, остаётся козырёк; раньше пилишь – остаётся козырёк. Козырёк отпиливали обязательно, с козырьками в штабель не положишь – десятник это дерево не принимает, отпили сначала козырёк*).

Мулёк – ‘какая-либо неровность, выступ, бугорок на поверхности бревна’ (*Кряж круглый, сверху ровняешь, чтобы мульков не было. Неровны места – это мулёк, выстрожешь её*).

Па́сынок – ‘крупный отросток дерева’ (*Дерево растёт – вдруг от него пасынок. Вот и развилка получилась*).

Комельник – ‘часть спиленного дерева, бревна, прилежавшая к комлю’ (*От комлю называется комельник, когда отрубят. Его пилой отрезали*).

2. Лесосплав

1) Плавающие ограждения (*отбо́йник*, *бо́н*, *рука́в*)

Бон, обычно мн. **бо́ны** – ‘плавающие ограждения из ряда скрепленных между собой бревен, сооружаемых для лесосплава’ (*На реке-то есть острова бывает, а лес нужно по одной стороне чтоб плыл. Бон метров на 200, на 300 делают, из баланов тоже. Скрепляют их на шпонки. Раньше рукава назывались, а теперь боны*).

2) Участки лесосплава, реки (*на́воло*к, *плóтбище*, *га́вань*, *пикéт*, *за́понь*).

Га́вань – ‘заграждение на реке для задержки сплаваемого леса и сам огражденный участок’ (*Делают плотки, притягивают канат, вкапываются такие крепления – их называют мертвяками, – и задерживается лес. Гавань всё вместе называется*).

Плóтбище – ‘чистое, ровное место на берегу реки, куда свозят и укладывают лес, приготавливая его для дальнейшей транспортировки или обработки’ (*Лес пилой напилишь двуручной, свалишь на плотбище, на поляне около воды, речки; Трактор хлысты привёз на плотбище*).

3) Названия плотов и их частей (*ма́тка, глуха́рь, плавь, на́весь, шалма́н, гребе́ь, челено́* и др.).

Глуха́рь – ‘плот без управления, сплавляемый во время половодья’ (*Плавили плоты и без управления, глухари; По Колве были глухари. Конечно, только во время весны, когда вода большая*).

Ма́тка – ‘большой плот, составляемый из нескольких малых’ (*В матки сбивают, набьют не по одной тыще; большие плоты, в несколько рядов лес грузился, matka называется*).

Челено́ – ‘звено плота’ (*По двенадцати челенов чалили*).

4) Процессы лесосплава (*нача́лить, зачи́стка, навя́зывать, напла́вить, ссоба́чивать, плоти́ть, отбива́ть, спеха́ть, изыма́ть* и др.)

Нача́лить – ‘соединить, скрепить бревна при связывании плота, его частей’ (*Если 150 де́рёв началят, дак это уж большая плавь; по сту де́рёв началят, дак длинный плот*).

Ссоба́чивать – ‘соединять звенья плота при помощи «собачин»’ (*Началят челе́на, а потом ссобачивают в плот; когда уже началят эти плави, их тожно ссобачивают, по два, по трое сразу*).

5) Профессии (*гре́бщик, сплавно́й, ска́тищик, корбо́щик, ухва́тчик, пике́тчик* и др.).

Ска́тищик – ‘рабочий лесхоза, занимающийся скаткой бревен на воду’ (*Лес катают, с берегов спихивают. Скатщик и есть*).

Ухва́тчик – ‘специальный рабочий на лесосплаве, который в составе команды, бригады причаливает к берегу или ловит бревна при молевом сплаве’ (*Ухватчики, лес ловят*).

6) Инструменты, приспособления (*мертве́ц, ре́я, лото́к, лот, ле́жень, кы́чка, па́лец, подгре́бок, багро́* и др.).

Кы́чка – ‘один из двух отрезков тонкого бревнышка, между которыми крепилось рулевое весло на плоту’ (*Кычки – это короткие бревёшки. Их под гребе́ь делают. Так-то бех кычек гребе́ь положиши, она будет ерыкать*).

Лот – ‘род грузила, привязываемый к плоту, речному судну, барже, чтобы придать ей (ему) определенное направление’ (*Раньше баржи плавили. Плавили лотами большие баржи. Лоты бросают, чтобы не кидало ее (матку), чтобы по борозде она шла*).

Ле́жень – ‘канат, трос для счаливания бревен’ (*Гавань когда строят, с берега на берег сплотки чалятся и протягивается трос такой. Он называется ле́жень*).

7) Движение леса по воде (*насе́сть, нанесе́и, налеза́ть, отпуща́ть, осежа́ть, несть* и др.)

Налезать – ‘надвигаться, наваливаться на что-либо, поверх чего-либо’ (*Лес относит в залив – вот чтоб этого не было, сваи ставят, боны ставят, это стыком пять-шесть брёвен делают, чтоб на поверхи лес не налезал*).

8) Названия затонувших бревен (*мертвяк, тóпник, топяк, топляк*)

Топляк – ‘затонувшее при сплаве бревно’ (*Дерево намокнет, утонет – вот и топляк*).

Так выглядит структура лексико-семантической группы «Лесозаготовки и лесосплав». Она вполне логично распадается на два больших раздела – «Лесозаготовки» и «Лесосплав». Причем, первая более обширна – 96 единиц, вторая – 74 единицы. Это объясняется тем, что в Акчиге непосредственно не было сплава, но были лесозаготовки. Жители деревни лишь привлекались, вербовались для работ на лесосплаве.

Состав первой группы «Лесозаготовки» представляет собой весь технологический процесс рубки, валки и пилки леса. Именно сам технологический процесс определяет структуру этой лексико-семантической группы. Описание лесозаготовок невозможно без названий процессов, инструментов, профессий, без наименований участков леса и самого леса, без названия деревьев (их пород) и различных частей, кряжей.

Что касается второй группы «Лесосплав», здесь та же картина. Вполне закономерно она представлена такими подгруппами, как названия процессов, участков сплава, профессий, инструментов и приспособлений, названия плотов и плавучих ограждений.

В диалектной лексической системе, с точки зрения ее структуры, узко территориальные и внетерриториальные общенародные слова выступают как звенья одной системы. Одинаковы они и для носителей диалекта, которым, по существу, все равно, какой (общенародный или диалектный) характер имеет слово, важно лишь, чтобы оно выполняло свою роль в системе других единиц при коммуникации. Так, семантически в общерусской лексике выделяются группы слов, обозначающих названия лесных участков, древесных пород и частей дерева; названия инструментов и приспособлений, которые применяются в лесном хозяйстве. Например, *эльник, берёза, пóросль, сухостой, вётка, верёвка, кол, пила́, топо́р* и др. Но наряду с ними в тех же тематических группах функционируют такие собственно диалектные слова, как *ли́ствень, по́стать, ке́дер, рып, пехло́* и др. Но как только в диалектную систему попадают (притом не в виде единичных форм, а широким

поток) элементы другой диалектной системы или литературного языка, в самом диалекте происходят различные процессы, являющиеся откликом на проникновение чужеродных элементов. Слова могут менять свой фонетический облик (*кормицик* (лит.) – *кóромцик* (диал.), *кедр* (лит.) – *кédор* (диал.) и т. п.), семантический объем (*лѣжка* (лит.) – ‘процесс лежания’ и *лѣжка* (диал.) – ‘бревна, доски, по которым катают (лежа) лес’) и т. п.

Но все же диалект – это не только «преемник чужеродных элементов». В определенных случаях диалектная лексическая система сама дает материал для формирования системы литературного языка и, в частности, терминосферы. Иначе говоря, процесс обмена не односторонен: так же, как общезыковые элементы вливаются в диалект, диалектные единицы формируют литературный язык. Т.С. Коготкова в своей книге «Русская диалектная лексикология» писала: «Движение областной лексики в терминосферы – явление общеизвестное. Многие терминосферы, восходящие к разным отраслям сельского хозяйства, промыслам, ремеслам, в значительной мере укомплектованы лексическими единицами народно-разговорной речи» [Коготкова, 1979, 280]. Но в то же время надо отметить, что взаимосвязь диалектной и ремесленно-промысловой терминологии пока изучена недостаточно.

С течением времени изменяется окружающая нас действительность. Диалект развивается динамично и не может не реагировать на появление новых реалий. Но принятие новых номинаций должно быть подчинено нормам диалектной системы. Выделение терминологических единиц различных отраслей во многих отношениях соотносено с членением тематических групп лексики, принятом в диалектах. Каждая группа признаков впоследствии заполняется словами-терминами, которые здесь, как и во всякой терминосфере, «придумываются», «творяются по мере осознания их необходимости» [Коготкова, 1979, 281]. Однако подвижность этих норм определена самой спецификой диалекта.

Решающим фактором в современных изменениях лексических диалектных систем является внеязыковая действительность. Различные изменения внеязыковой действительности по-разному влияют на изменение разных пластов диалектной лексической системы. Изменения в сельскохозяйственной и общественно-политической терминологии непосредственно связаны с изменениями внеязыковой действительности. Изменения в бытовой терминологии связаны не только с изменениями внеязыковой действительности (изменение самих реалий), но и с изменением речевого сознания

носителей говора, с появлением сознательного стремления к замене привычных диалектных слов новыми, прежде всего литературными [Баранникова, 1967, 83].

Первые акчимцы знали слова, обозначающие древесные породы, названия лесных массивов, основные названия частей дерева, некоторых инструментов и приспособлений. Языковые контакты с народами финно-угорской группы привели к появлению таких слов, как *пáрма*, *арéма*, *коржé*. С началом промысловых лесоразработок на Вишере появляются *защéп*, *востря́к*, *рубéж*. Влиянием лесопромышленников объясняется и наличие, например, такого слова, как *фа́утный* ('пораженный гнилью'), от голландского *фаут* – 'бракованное дерево'. С появлением сплава леса по малым рекам в говоре деревни Акчим возникают слова *моль*, *гáвань*, *бон*, *ухвѣ́тный столб*, *сплѣ́ток* и др.

Изменения в народной терминологии лесозаготовок и лесосплава связаны с бурным развитием промышленности, появлением новых технологий в лесозаготовительных работах, механизацией труда. Появляется целый комплекс новых реалий, соответственно и со своими недиалектными названиями. Например, *трелёвка*, *пикет*, *рейд* и т. п.

Народная терминология, таким образом, представляет собой развивающуюся систему, остро реагирующую на изменения внеязыковой действительности. С одной стороны, появление новых слов связано с появлением новых реалий, а следственно, и с необходимостью их номинации; а с другой стороны – со стремлением к замене диалектных слов новыми промышленными или научными терминами. Так, исчезают из говора «рукава», «кычки», «шалманы», «кляпины» и «мульки».

Литература

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1967.

Большакова М.А. Народные подвижные детские игры: к проблеме изучения народной терминологии // Летняя школа по формальным методам в фольклористике – 2004, <http://www.ruthenia.ru/folklore>.

Васильев Л.В. Специфика народной географической терминологии (семасиологический аспект) // Вестник Новгородского государственного университета. № 9. Саратов, 1998.

Дегтярев Г.А. Чувашская народная агроботаническая терминология. Чебоксары, 2002.

Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.

Способы модификации названий праздников православного календаря в северных говорах Пермского края

В.О. Николаева

Целью настоящей работы является рассмотрение названий христианских праздников, существующих в северных говорах Пермского края, по отношению к мотивирующим их названиям церковного календаря; определение на этой основе способов преобразования официальных названий в языке говоров Пермского края и распределение их по группам. Критерий оценки – семантическая мотивированность производного названия. Рассмотрению на данном этапе нашей работы подвергнутся однословные и семантически слитные наименования.

Семантическая мотивированность народного названия обнаруживается при анализе производящего церковного названия и определяется тем, какой компонент смысла последнего кладется в основу диалектного варианта. Несомненно, большинство наименований народного календаря вполне точно выражают смысловую нагрузку принятого православной Церковью названия. В связи с различным подтекстом празднуемых Церковью дней (празднования в честь Святых, обрядовые праздники), разные компоненты полного названия берутся за основу сокращенного, народного варианта. Такой преобразованный вариант должен быть семантически более емким.

Итак, в народном календаре севера Пермского края заметна тенденция к значительному упрощению принятого православной Церковью названия. Наиболее частотными являются однословные варианты, выражающие смысловую нагрузку официального наименования. В результате внимательного изучения материалов картотеки «Словаря чердынских говоров» и дополнительной литературы о народном календаре Пермского края (в частности, 2-х пособий А.В. Черных «Народный календарь Прикамья»), определились 5 больших групп названий, бытующих на территории распространения северных пермских говоров:

- 1) самостоятельные наименования праздников народного календаря;
- 2) наименования народного календаря, в основе которых лежит имя, заимствованное из полного варианта Церковного календаря;
- 3) наименования, в основе которых лежит признак;

4) семантически слитные наименования, совмещающие обозначение признака, приписываемого имени, и самого имени;

5) варианты народного календаря, где превалирующим является обозначение действия, процесса, состояния (либо эпизоды из жизни Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы, либо традиции, обряды и эмоциональный настрой населения в почитаемый день).

Рассмотрим поочередно каждую из этих групп.

1) Первая из них представлена небольшим набором наименований. В материалах нашей картотеки встречаются только пять самостоятельных вариантов названий православных праздников. Здесь и далее первым вариантом мы будем приводить официальное, принятое Церковью наименование праздника, вторым же – название, бытующее в диалектном языке.

В названии первого из приведенных нами праздников подчеркивается приоритет кулинарного кода. Так, праздник Масленицы имеет в говорах ряд вариантов наименования, а именно: **Масленица**, **Масленка**, **Маслена** и застывшую форму множественного числа – **Маслены**.

Переходящий праздник Церковного календаря – Святая Пасха Господня (Светлое Христово Воскресение) – имеет в говорах два фонетических варианта: **Пасха**, **Паска**.

Праздник Святой Троицы в народе имеет также сокращенное однословное название – **Троица**.

Период от Вознесения Господня до праздника Святой Троицы, или неделя перед праздником Святой Троицы, именуется словом **Семики**.

Две недели зимних праздников, начинающиеся в Рождественский Сочельник (6 января) и продолжающиеся до Крещения (19 января), называются повсеместно **Святками**, однако на территории говоров северного Прикамья мы находим различные словообразовательные и фонетические однословные варианты, такие как **Цветье**, **Светье**, **Святье**.

Исследованная нами лексика позволяет судить о наличии крайне небольшого количества самостоятельных вариантов названий. Возможно, это обусловлено тем, что большинство наименований несут в себе дополнительный оттенок значения, дополнительную коннотацию, выражающую либо эмоциональный настрой населения, либо производимые в данный день обрядовые действия.

2) Однако достаточно частотны в изучаемых говорах названия народного календаря, в основе которых лежит имя, заимствованное из официального, принятого Русской православной Церковью

наименования. Данные варианты составляют выделенную нами вторую группу названий праздничных дней.

День Мученицы Прасковьи Пятницы, приходящийся на 10 ноября, представлен в двух вариантах: **Прасковья**, **Параскева**.

День Бессребреников Космы и Дамиана, празднуемый 14 июля, называется на территории Пермского края **Кузьма**, **Косъм-Демьяны**.

День Святой Мученицы Екатерины, отмечаемый 7 декабря, именуется **Екатериной**, **Катюшей**, **Катюшкой**.

Приходящийся на 19 июня День Святого Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, имеет фонетические и словообразовательные варианты: **Никола**, **Микола**, **Никольщина**, **Микольщина**.

День Мученицы Татианы (дата празднования – 25 января) также сокращается до однословного наименования: **Таньки**, **Татьяна**.

Обрезание Господне, день Мученика Василия Анкирского, Святой Емилии, Святого Василия Великого, архиепископа Кесари Каппадокийской, день Малании Римляныни сокращается в своем народном названии в пользу одного святого и называется **Василий**.

Третьего июня православной Церковью празднуется день Равноапостольных царя Константина и матери его, царицы Елены; в северных говорах представлено наименование **Олена** и его фонетические варианты **Алёна**, **Алена**.

День Мученика Фалалея, отмечаемый 2 июня, имеет две именные формы названия: **Фалилей** и **Фали**; день Первоверховных апостолов Петра и Павла в говорах бытует в виде единой именной формы **Петры**. Обратным данному процессу объединения имен в единое название является процесс разделения двойного именного наименования. Так, название дня Мучеников Флора и Лавра, существующий в церковном календаре в слитой именной форме, в исследуемых говорах распадается на составляющие, что ведет к появлению одинаково значимых и одинаково частотных названий, а именно **Фрол**, **Фролы** и **Лавр**, **Лавры**.

Достаточно распространенное наименование праздника Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в материалах картотеки «Словаря чердынских говоров» встречается в однословной форме **Иван**.

3) Ранее упомянутые названия православных праздников могут подвергаться и модификациям иного типа, а значит, иметь другие, параллельно существующие варианты. Это происходит, во-первых, в том случае, если за основу производного названия берется какой-либо иной компонент смысла производящего (официального, церковного)

названия; во-вторых, причина может иметь сугубо словообразовательный характер, в связи с чем самостоятельное слово имеет возможность перейти в разряд приписываемого признака, и тогда наименование будет принадлежать к выделенной нами третьей группе.

Так, День почитания иконы Казанской Божьей Матери, отмечаемый 4 ноября, в народном календаре имеет название-признак: **Казанска, Казанская, Казанка**. Стоит заметить, что производное название народного календаря может нести в себе либо непосредственный признак (**Весёлое, Великий, Чёрная**), либо признак, опосредованный церковным названием праздника (**Казанская, Пречистая, Богородицкая**), то есть производное название может быть либо семантически мотивированным, либо мотивированным формально. Рассмотрим подобные модификации на примерах.

Четверг Страстной недели Великого поста имеет в говорах вариант названия, сведенный лишь до обозначения признака, – **Великий, Чистый; Пятница и Суббота** Страстной недели Великого поста имеют соответственные наименования: **Чёрная, Красная** и в отношении обоих дней – **Великая**.

Святая Пасха Господня, или Светлое Христово Воскресение, наряду с самостоятельным наименованием, отмеченным нами в составе первой группы, имеет и название-признак: **Большая, Красная, Пречистая**.

Суббота накануне Пасхи Господней (Светлого Христова Воскресения) именуется в диалектном языке **Вербной, Вербенской**.

Петровское Заговенье, любой праздник до Троицы или после, а также некоторые престольные праздники в северных говорах Пермского края встречаются под единым названием **Весёлое**. Троицкое Заговенье (воскресенье после Троицы) имеет большой круг одинаково частотных вариантов названия, например: **Троицкое, Гульное, Вешное, Весёлое, Великое, Дикое, Дурное, Крапивное, Купальное**.

Наименования этой группы достаточно экспрессивно и точно выражают эмоциональный настрой населения, однако не в полной мере его идею.

Названия православных праздников следующего порядка, выделенные нами особо, отражают не только эмоциональный настрой – отношение населения к почитаемому дню, но и суть праздника, а также его связь с производимыми в данный период времени или настоящий день хозяйственными работами, обрядами и обычаями.

4) Итак, мы переходим к рассмотрению группы именных названий, осложненных предписанием признака. Заметим, что двойное по составу наименование мы считаем вправе рассматривать как однословное, в связи с семантической слитностью его компонентов.

День Первомученицы Евдокии, отмечаемый ежегодно 14 марта, в говорах Пермского края осложнен предписанием признака: ***Авдотья-Плющиха, Евдокия-Плющиха***.

День Первомученицы Дарьи, отмечаемый 14 апреля, в народе имеет название ***Дарьи-Пролубки***. День Пророка Иеремии, приходящийся на 14 мая, имеет вариант названия ***Еремей-Запргальник***, а празднуемый в начале лета (13 июня) День Апостолов от 70-и Ерма, Мученика Ермия именуется ***Ерем-распргальник***.

Летний период народного календаря особенно богат подобными составными названиями, в которых, как уже замечалось, один из компонентов несет определенную смысловую нагрузку, связанную с проведением различных сельскохозяйственных работ. Приведем примеры почитаемых и празднуемых летом дней.

День Первомученика Исидора носит в народе название ***Сидор-Огуречник***; День Мученика Фалалея – ***Фалалей-огуречник***; День Святого Тихона, епископа Амафунтского, – ***Тихон-Репосев***; Первоапостольных Петра и Павла – ***Петр Репной***. Широким кругом различных наименований обладает Праздник Рождества Честного и Славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна: ***Иван Росный, Иван-Росник, Иван-Купальник, Иван-Купала, Иван-Купал, Иван-Утопленник, Иван Летний, Иван-Капустник, Иван-Травник, Иван-Ягодобор, Иван-Цветник***.

Более подробно остановимся на характеристике представленных в говорах названий Спасовых дней. Празднество Всемиловитовому Спасу и Пресвятой Богородице, приходящееся на 14 августа, имеет в народе 2 варианта названия, связанных с временной соотнесенностью и посредством этого с кулинарным кодом (***Первый Спас, Медовый Спас***). Следующий Спас в церковном календаре имеет название Преображение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа и празднуется повсеместно 19 августа. В диалектной речи севера Пермского края обнаружены 4 варианта наименования: ***Второй Спас, Средний Спас, Яблочный Спас*** и ***Преображение Господне***. В данном случае первые три названия имеют соотнесенность с временем, название ***Яблочный Спас*** осложнено также связью с кулинарными традициями этого дня, а название ***Преображение Господне*** является

сокращенной формой официального наименования без предписания признака. Наконец последний Спас, отмечаемый 29 августа, в церковном календаре зафиксирован под названием Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа (Убруса) Господа Иисуса Христа. Материалы картотеки «Словаря чердынских говоров» дают нам 4 варианта наименования: *Третий Спас*, *Последний Спас*, *Холодный Спас*, *Хлебный Спас*. Здесь мы наблюдаем ту же тенденцию к закреплению в названии временной характеристики и кулинарного кода. Однако в названиях Спасовых дней, несмотря на их осложненность внесением признака, отсутствует связь с действием этого дня, обозначенном в Библии. Наиболее полно данную связь выражают названия, представленные в следующей, последней из выделенных нами групп.

5. Данную группу наименований составляют варианты официальных, представленных в Церковном календаре названий, которые в системе говора существуют в однословной форме, выражающей категории действия, процесса или состояния.

Так, праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, традиционно отмечаемый 27 сентября, в народе именуется *Воздвиженье*, *Здвиженье*, *Здвижнев*, *Здвиженик*, то есть существует в ряде своих фонетических и морфологических вариантов. Название дня Введения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии сокращается до однословной формы *Введение*. Сретение Господа нашего Иисуса Христа, приходящееся на 15 февраля, в чердынских говорах имеет ряд словообразовательных однословных вариантов: *Сретенье*, *Сретение*, *Устритенье*, *Встретенье*. Возвешение архангелом Гавриилом Деве Марии о будущем рождении по плоти от нее Иисуса Христа, именуемое в официальном календаре Благовещением Пресвятой Богородицы, в материалах нашей картотеки встречается в единственном варианте наименования – *Благовещенье*. На сороковой день после Пасхи в народе отмечают *Вознесение*, зафиксированное в церковном календаре под названием Вознесение Господне. Седьмого июля православная Церковь празднует Рождество Честного и Славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, диалектным вариантом наименования которого является *Крещение*. Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа присутствует в материалах картотеки «Словаря чердынских говоров» под однословным названием *Преображение*.

То есть основной состав проанализированной диалектной лексики является набором сокращенных наименований, образованных

от распространенных официальных названий праздников Церковного календаря.

Праздники этой группы могут быть связаны не только с действиями, обозначенными в Библии (эпизодами жизни Иисуса Христа), но и с действиями, производимыми в различные периоды сельскохозяйственных работ. Так, время после окончания жатвы (Успенский пост, длящийся с 1-го Спаса до Успения) на территории севера Пермского края бытует в таких вариантах, как **Воспожинки**, **Оспожинки**, **Госпожинки**, **Воспожинноговиные**. Первый понедельник после Масленичной недели (Чистый понедельник) имеет в народе название **Копотильник**, что связано с традицией толкания в снег (**копотилися** – ‘толкали в снег’). Традиционные действия, обряды, а также эмоциональное состояние населения в определенный день, отражены в таких вариантах названия, как **Целовник**, **Человник** (в церковном календаре – это последний день Масленичной недели, или прощенное воскресенье) и группе названий первого вторника после Пасхальной недели: **Радольница**, **Радовальница**, **Радульница**, **Радунца**, **Радонца**.

Определить объективные причины выбора того или иного параметра за основу бытующего в народе односложного наименования, крайне сложно. Можно предположить, что основой для создания упрощенного названия праздника является семантическое ядро церковного наименования, то есть самая его значимая, смыслообразующая часть. Такое объяснение вполне оправдывает существование названий христианских праздников, в основе которых лежит процесс или действие. Однако в отношении именных названий наша трактовка не всегда является объективной. Скорее всего, выбор в пользу имени является более естественным в своем формировании и более простым для запоминания. Но и здесь встречаются трудности разного рода: во-первых, такие названия могут повторяться (тому причиной ограниченность имен Церковного календаря и сосуществование различных праздников, названных в честь одного святого); во-вторых, такие наименования семантически неполны, не выражают содержания праздника. Группа, представленная единицами, совмещающими имя и приписываемый ему признак, характеризуется утратой содержания церковного, обозначенного в Библии, и заменой его коннотативной информацией. В целом, мы можем говорить о спонтанном формировании упрощенных названий христианских праздников.

Таким образом, в нашей работе были проанализированы единицы народного календаря, функционирующие в северных говорах

Пермского края. Данные лексемы мы сопоставили с официальными наименованиями православных праздников, закрепленными в Церковном календаре. Взятые нами как наиболее частотные, однословные варианты наименований христианских праздников мы разделили на 5 групп; критерием для данного разграничения нам послужила семантическая мотивированность производного названия. Наиболее узкой по количеству входящих наименований мы можем назвать группу самостоятельных названий праздников, обозначенную первым номером. Остальные четыре группы достаточно богаты по своему содержанию, включают обширное количество наименований, отражающих действия и события, зафиксированные в Библии, а также культурную и духовную жизнь народа, что, несомненно, имеет огромное значение для изучения традиций и настоящей жизни населения Прикамья.

Литература (с использованными сокращениями)

КСЧГ – Материалы картотеки «Словаря чердынских говоров».

Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. Санкт-Петербург, 2007.

Православные праздники. – Минск: изд-во Белорусского Экзархата – Белорусской Православной Церкви, 2006.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Часть I. Пермь: изд-во «Пушка», 2006.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – сер. XX в. Часть II. Зима. – Пермь: изд-во «Пушка», 2008.

Русский язык в медиа-дискурсе Прикамья^{*}

И.Г. Овчинникова, Л.Л. Черепанова

В статье обсуждаются результаты исследования русской речи в региональном медиа-дискурсе. Коммуникация в СМИ рассматривается как способ социального взаимодействия, при котором использование языка отражает представление авторов публикаций и передач о ментальности и языковой компетенции аудитории. Благодаря использованию психолингвистических методик установлена асимметрия медиа-дискурса. В региональном медиа-дискурсе образ адресата сообщения в сознании его автора не совпадает с ожиданиями реципиентов, что существенно снижает эффективность коммуникации. Обнаружено смешение регистров общения и сокращение социальной дистанции между реципиентом и автором речевого сообщения, что не соответствует ожиданиям адресатов. Публицистический дискурс в региональных СМИ как «один из возможных миров» (по Ю.С. Степанову) моделирует образы коммуникантов, не владеющих литературным языком.

Актуальность изучения дискурса в региональных средствах массовой информации обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, СМИ играют все более заметную роль в формировании культурного пространства современного города [Валгина, 2003]. Во-вторых, дискурс СМИ отражает апробацию и становление новых норм публичного общения, является своеобразным полигоном языковых инноваций. Под воздействием внешнего социального фактора приходят в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые прежде не были востребованы [там же]. Наконец, в-третьих, региональные СМИ дают возможность определить степень вариативности современного русского языка как в письменной, так и в устной формах его существования. Особый интерес представляет изучение дискурса СМИ в условиях сложной языковой ситуации сосуществования русского языка с другими распространенными в России национальными языками. Языковая ситуация Прикамья дает возможность установить меру влияния сформировавшихся под воздействием тюркских и финно-угорских языков диалектов русского

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ (№ 07-04-02006 а)

языка на дискурс СМИ [Овчинникова, Поломских, 2003]. В результате нашего исследования дискурса региональных СМИ мы рассчитываем:

- 1) выявить особенности языка современных СМИ;
- 2) определить идиом русского языка, функционирующий в письменных и устных СМИ;
- 3) охарактеризовать социальное взаимодействие автор – читатель / слушатель / телезритель в сфере массовых коммуникаций.

В исследовании мы использовали различные методы: дискурсный анализ, психолингвистические экспериментальные методы, социоллингвистические методы (анкетирование).

1. Особенности современной языковой ситуации в Прикамье

Обсудим теоретические посылки нашего исследования. Оговорим основные особенности языковой ситуации в Прикамье.

Языковая ситуация отражает этническую неоднородность населения. На территории Прикамья проживают представители различных этносов, носители языков трех языковых семей. Однако в настоящее время основным фактором, определяющим этнический состав жителей Перми и Прикамья в целом, становится миграция населения бывшего Советского Союза. К традиционно проживающим в Перми и крае русским, татарам, коми-пермякам, башкирам, удмуртам в последние десятилетия прибавились таджики, азербайджанцы, армяне и другие представители стран Средней Азии и Кавказа. В подобной языковой ситуации в качестве средства межэтнического общения формируется городское койне. Между тем в настоящее время вряд ли правомерно рассматривать функциональный тип языка, существующий в регионе в устной форме, как койне. По крайней мере, записи разговорной речи горожан не дают для этого оснований [Ерофеева и др., 2002]. В речи горожан не встречаются регулярно формы, отражающие языковую интерференцию, не проявляется тенденция к анализируемости.

В устной речи образованных горожан Прикамья диалектные особенности отражаются, прежде всего, на фонетическом и лексическом уровнях. Такого рода особенности составляют локальную окраску устной речи, локализмы встречаются и в литературной разговорной речи горожан [там же]. Заметим, что и по всей России в литературной речи варьируют фонетические и акцентологические нормы, отражая некоторые черты региолектов (оканье прежде всего): «Даже в официальной речи лекторов, профессоров, учителей, писателей, художников встречается множество фонетических и акцентологических отклонений. В пределах единой литературной речи

возможны разные варианты и допустимые отклонения от нормы» [Герд, 2001, 27]. В Прикамье локальные черты присущи речи во всех ситуациях официального общения, включая процесс обучения [Ерофеева и др., 2002]. Естественно, локальная окраска проявляется и в речи, звучащей в региональном теле- и радиоэфире.

Нам представляется наиболее адекватным термином, определяющим вариант национального языка в Прикамье, термин региолект, предложенный А.С. Гердом. Исследователь спонтанной городской речи определяет региолект как особую форму устной речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности» [Герд, 2001, 23]. По мнению А.С. Герда, региолект – «это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующих черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием» [там же]. В отличие от койне, региолект не является средством межэтнического общения, представляя собой новую форму бытования диалекта.

В отличие от региолекта, просторечие – это «язык улицы», обслуживающий массовую культуру [Толстой, 1991]. Иногда говорят о «третьей культуре», проникающей с улицы на страницы печатных изданий, на радио и ТВ, а оттуда – в литературу. Просторечие считают языком старшего поколения, молодое поколение предпочитает молодежный жаргон.

В переломные моменты истории народа идиомы национального языка интенсивно взаимодействуют, литературный язык подвергается массивному воздействию просторечия, социальных и территориальных диалектов, экспансии иноязычной лексики; изменяется национальный язык и трансформируются каноны речевого поведения [Костомаров, 1999]. В современном российском обществе произошла смена стереотипов поведения, сформированных при социализме и связанных с закрытостью общества, приоритетом интересов коллектива, нивелировкой индивидуальности, на иные социальные стереотипы. Одни из новых моделей поведения и социально одобряемых ролей соответствуют свободному обществу, другие – эпохе перемен с ее неопределенными этическими нормами. Эта смена социальных стереотипов отражается и в речевом поведении носителей языка [Китайгородская, Розанова, 1999], преобразая языковую ситуацию в регионе. Сглаживается вариативность речевого поведения в различных ситуациях общения: на выбор речевого регистра оказывают влияние не нормы, а социальные предпочтения; языковая ситуация в регионе осложняется как размыванием норм

публичной речи, так и интерференцией разных вариантов русского языка и других языков (в том числе языков иммигрантов). Таким образом, публичное общение в средствах массовой коммуникации – и не только региональных – определяется не столько характеристиками публицистического стиля литературного языка, сколько мерой проникновения иных идиомов и языковых элементов в официальную сферу общения.

2. Специфика дискурса СМИ

Определим нашу интерпретацию понятия *дискурс СМИ*. Дискурс СМИ объединен сферой коммуникации, включающей письменное и устное общение, характеризующейся тематическим разнообразием и широкой вариативностью интерпретации действительности. Вариативность интерпретации действительности посредством языка – неотъемлемое свойство любой коммуникации: «Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности определяются самой сущностью функционирования языка, преобразующего недискретное в дискретное» [Баранов, 2003, 214]. Однако, насколько позволяют судить научные публикации, именно в сфере массовой коммуникации вариативность составляет сущность общения: различные СМИ отличаются друг от друга прежде всего различной интерпретацией происходящих событий в зависимости от того, на какую целевую аудиторию они рассчитывают (например [Баранов, 1990]). Интерпретация определяется господствующими в целевой аудитории идеологемами и стереотипами. Как нам кажется, для каждой целевой аудитории формируется специфический «возможный мир», в котором язык играет роль «дома бытия», т.е. вместилища средств для отражения и формирования идеологии определенного образа жизни [Степанов, 1995, 44-45]. На этом основании разводятся «дискурс в СМИ» и «политический дискурс». Политический дискурс, равно как и спортивный дискурс, научный дискурс и т.п., ограничивает семантическую (тематическую) область, т.е. включает сравнительно узкий по тематике корпус текстов, и тем самым вряд ли может претендовать на языковой коррелят исторически обусловленной ментальности. Между тем дискурс в средствах массовой информации политематичен и полиситуативен, на его основе возможна реконструкция «духа времени».

К дискурсным исследованиям СМИ мы склоны относить и работы, выполненные в рамках социолингвистического подхода к анализу прессы. В полной мере социолингвистический подход реализован И.П. Лысаковой [Лысакова, 2005]. Исследователь доказывает обусловленность выбора «слова» типом издания

(политической задачей в конкретных исторических условиях, особенностями целевой аудитории и т.п.) и анализирует специфику приспособления «слова» к типу газеты [там же, 3]. Однако в последнюю четверть минувшего столетия оказались размыты языковые модели изданий, что привело к ослаблению или утрате связи с конкретной аудиторией, а следовательно, и к сложности типологизации прессы, к разнородности дискурса [там же, 239-240].

Принципиальным положением дискурсивного подхода к изучению СМИ является внимание к целенаправленности дискурса, апелляции к целевой аудитории, поскольку дискурс реализует определенную ментальность, характерную для всех вовлеченных в дискурс субъектов. Мы склонны интерпретировать целенаправленность как интенцию создания речевого сообщения на основе представлений автора о ментальности, вкусах и предпочтениях потенциального читателя или слушателя. Апелляция к целевой аудитории реализуется в диалогичности. В свою очередь, диалогичность трактуют по-разному, однако, на наш взгляд, любая трактовка исходит из положения М.М. Бахтина о диалогичности сознания, о том, что любое высказывание рождается для «другого», любое высказывание социально, поскольку ориентировано на собеседника. Характеристике диалогичности текстов и коммуникации СМИ посвящены многие работы [Язык СМИ..., 2003].

Одним из проявлений диалогичности является интертекстуальность дискурса СМИ. При дискурсивном подходе интертекст предстает, прежде всего, как способ организации диалогических связей с аудиторией [Богуславская, 2003]. Общение в публицистическом дискурсе – это полилог, в диалог с читателем автор вовлекает «третьи» лица [Майданова, 2000; Язык СМИ..., 2003].

Трактовка дискурса СМИ с позиций постмодернизма позволяет обнаружить различные проявления межтекстовых связей. В частности, С.И. Сметанина, реализуя постмодернистский подход, описывает два типа проявлений межтекстовых связей [Сметанина, 2002]. Первый тип представляют текстовые связи, к которым относятся цитирования, аллюзии, реминисценции, ссылки, парафразы, пародии, направленные на формирование у читателя ассоциаций, обогащающих содержание. Ко второму типу относятся межтекстовые связи на основе общности языковых приемов (присутствие элементов других стилей). Автор подчеркивает, что при внедрении в медиа-тексты прецедентных текстов происходит «сцепление и наполнение «чужого» слова своим содержанием. В диалогические отношения втягиваются не только

тексты, но и создатели, и читатели, тексты и их потребители» [Сметанина, 2002, 27].

Важнейшим из специфических для массовой коммуникации параметров является ориентация сообщения на определенный сегмент социума. Целенаправленность сообщения СМИ на определенную социальную группу создается во многом благодаря интертекстуальности: включении в сообщение ссылок на другие, актуальные и значимые для данной аудитории тексты. В качестве приема реализации целенаправленности мы склонны рассматривать использование лексических заимствований, как внутренних, так и внешних.

Рассмотрим письменную и устную речь в региональных СМИ с целью выявления особенности дискурса в средствах массовой информации современного российского города. Дискурс в данном случае мы понимаем в соответствии с британско-американской лингвистической традицией [Ван Дейк, 1989]. Нас интересует прежде всего взаимодействие «отправитель сообщения – реципиент (читатель или слушатель)». Мы рассчитываем восстановить тот образ адресата сообщения региональных СМИ, который моделируют журналисты – авторы публикаций. На наш взгляд, такого рода анализ дискурса в СМИ позволяет выявить стереотипы представления о жителе региона, его социокультурных характеристиках, оценить вариативность целевых аудиторий региональных изданий.

3. Исследование «лексической политики» печатных СМИ

3.1. Начнем с характеристики текстов печатных изданий региональных СМИ по сравнению с общероссийскими. В качестве нейтрального фона для региональной печати фигурировала общероссийская газета «Известия». Газета адресована широкому кругу читателей, ее целевая аудитория не ограничивается определенной профессиональной или возрастной группой. С «Известиями» сравнивались три региональных печатных издания: «Звезда», «Вечерняя Пермь» и «Пермские новости». Выбор региональной периодики обусловлен сравнительно большими тиражами, разнообразием тематики, штатом профессиональных журналистов и особенностями целевых аудиторий. Поскольку наиболее чувствительны к региональным особенностям лексика и фонетика [Ерофеева и др., 2002], мы сочли возможным ограничиться анализом лексики (прежде всего новой лексики) на газетной полосе.

«Звезда», «Местное время» и «Пермские новости» обследованы в течение полугода методом сплошной выборки. Создана картотека новообразований и окказионализмов, встретившихся в региональной

печати, включающая около 2500 единиц. За новообразования принимались как лексемы, отмеченные в специальных словарях [Толковый..., 2002], так и пока не отмеченные ни одним словарем, в том числе окказионализмы. Помимо этого из региональной периодики выписывались так называемые локализмы (в конечном счете – заимствования из диалектов). Внутренние заимствования из жаргона мы определяли на основе сопоставления единиц картотеки с материалами словаря [Мокиенко, Никитина, 2001]. Для выявления региональной специфики мы сравнивали материалы нашей картотеки с новообразованиями и окказионализмами, обнаруженными за тот же период в газете «Известия».

В ходе качественного анализа все новообразования были распределены по группам в зависимости от способа появления: внешние заимствования (*брендинг*); внутренние заимствования (*депутата подставили*); сдвиги в семантике общеупотребительной лексемы (*ангажированный депутат*); актуализированные устаревшие лексемы (*попечительский совет*). Эта классификация отражает реально представленный в картотеке материал и позволяет установить наиболее популярный в региональной прессе способ расширения словаря газеты.

3.1.1. Неологизмов на страницах «Известий» почти на треть больше, чем в региональной периодике. Большую часть неологизмов (67%), встретившихся в «Известиях», составляют внешние заимствования (прежде всего американизмы), сохранившие приметы исходного языка: *интернет-трейдинг*, *консалтинг*, *брендинг*, *супервайзер*, *драйвер* и т. п. Не единичны случаи сохранения исконного (*digital*) и креолизованного (*vip-клиенты*) написания слова. Чаще всего это термины, отражающие актуальность отрасли знаний или социального явления для общественной жизни. Особую группу среди заимствований представляют аббревиатуры: *CD*, *DVD* и т. п. Как правило, именно аббревиатуры сохраняют исходный графический облик (*CD-ROM*). У заимствованного слова обычно развивается система грамматических форм, частичная или даже полная парадигма, присущая данному лексико-грамматическому классу¹; также довольно

¹ Отмечаются случаи застывших форм, лишенных словоизменительной парадигмы, например, *промоушн*. Очевидно, давно и регулярно появляющиеся англицизмы с формантами *-инг*, *-ер* вполне адаптированы (формант в русском слове осознается как часть корня), в то время как конечное сочетание согласных (вполне допустимое русской фонотактикой в середине слова: коне[шн]о) не позволяет *промоушн* вписаться ни в одну из словоизменительных парадигм: **промоушена*, **промоушна*. Очевидно, это одно из не успевших адаптироваться в лексической системе заимствований, о которых упоминает Г.Н. Складневская.

быстро образуются сложные слова (*псевдорекрутеры* «пудрят мозги» добровольцам), производные слова по продуктивным моделям (*консалтинговый центр на Тверской* и т. п.). Второй по популярности способ образования нового слова, использованного масс-медиа, – семантические сдвиги в давно освоенной русским языком лексике (человеку *неангажированному*, не вовлеченному в закулисные игры). Регулярно употребляются актуализировавшиеся устаревшие лексемы (*попечительский совет Эрмитажа; позиция акций* концерна на рынке *ценных бумаг* и т. п.). Случаи использования внутренних заимствований из просторечия и жаргонов сравнительно редки (около 8% от общего объема выборки). Обычно элементы просторечия, равно как и жаргонизмы, играют роль образных средств (в *скромной кафешке* на курортном побережье; *страхотные* монгольские певуны; Гусман *«тыкает»* молодым номинантам; чья *фирменная непосредственность* способна скрасить и более унылое мероприятие; *скинуться* и купить одного Робби). Насколько мы можем судить, в «Известиях» внутренние заимствования встречаются в публикациях спортивной тематики, в разделе «Экспертиза», в обзорах новостей культурной жизни.

Полагаем, что внутренние и внешние заимствования распределяются по статьям не только в зависимости от тематики публикации, но прежде всего – от целевой аудитории, от образа адресата в сознании автора. Использование терминов и англоязычных заимствований создает интертекстуальное пространство дискурсов СМИ и научного дискурса. Кроме того, обильные англоязычные заимствования отражают процесс глобализации, позволяют апеллировать к англоязычному медиа-дискурсу. Обращение к просторечию и жаргону актуализирует установить интертекстуальные связи с текстами, функционирующими в разговорном дискурсе. Заметим, что внутренние и внешние заимствования обладают различной ценностью в лингвосоциокультурном пространстве; внешним заимствованиям приписывают «престижность».

3.1.2. Обратимся к сопоставлению новообразований, отмеченных в региональной периодике, с общерусским фоном, полученным на основе анализа лексики «Известий».

В региональной периодике наиболее представительна группа внешних заимствований (56%), хотя их несколько меньше, чем на страницах «Известий». На второй позиции располагаются семантические новообразования. Практически не отстают от них по частотности употребления на газетной полосе внутренние заимствования, сравнительно редкие в картотеке «Известий». В

региональных изданиях внутренние заимствования из просторечия и жаргонов составляют 15%, что почти вдвое превышает данные по центральной печати (8%). Внутренние заимствования этой группы градуируются по степени агрессивности. Наиболее агрессивны элементы уголовного жаргона (*братва, барыги, в ударе* и т. п.). Наименее агрессивны стилистически сниженные элементы просторечия: *животишки, хулиганье, бытовуха, шуриалка, наплевать, ни хрена* и т. п. На страницах региональной периодики регулярно встречаются элементы молодежного сленга (*прикол, крутой, классный, клёво*) и профессиональных арг (компьютерного прежде всего: *комп, коннектиться, дисконнект, винды*). Элементы профессиональных арг встречаются, как правило, в статьях соответствующей тематики: в обзорах новинок компьютерного рынка, в репортажах с выставок новых технологий, ярмарок и форумов предпринимателей. Актуализировавшей лексики и терминов заметно меньше, чем в «Известиях». На страницах региональной печати чаще неоправданно употребляются англицизмы. Отмечены единичные случаи употребления локализов. Это глагол *упредить* вместо литературного *опередить* (*упредил всех конкурентов*) и наречие *обратно* вместо литературного *снова* (*обратно наехал на киоскера: плати, мол*), использованные в качестве образных средств в статье, разоблачающей местных аферистов.

Различия в «лексической политике» региональной периодики предопределены социальным фактором: каждое из рассмотренных изданий предназначено для собственной целевой аудитории. Основными читателями «Звезды» являются жители области, заинтересованные в самой разнообразной информации; широта аудитории и тематическое разнообразие сближают «Звезду» с «Известиями». «Вечерняя Пермь» адресована городским читателям и содержит обсуждение событий городской жизни. Наконец, «Пермские новости» рассчитаны на образованную аудиторию, ожидающую комментариев деятельности законодательных и исполнительных органов Прикамья. Анализ новообразований и локализов в региональной периодике позволил обнаружить значимые различия в образе адресата издания, на который ориентируются авторы публикаций [подробнее см: Овчинникова, 2003]. Тем не менее, в случае близости целевой аудитории регионального издания и «Известий», различия в «лексической политике» разительны.

3.1.3. Подведем итоги сравнения региональных печатных изданий с общерусским. Язык региональной прессы оказывается довольно агрессивным. По сравнению с аналогичным

общероссийским изданием, обследованные нами «Звезда», «Пермские новости» и «Вечерняя Пермь» в большей мере ориентированы на сближение публицистического и разговорного дискурсов. Как нам кажется, в данном случае проявляется не столько характерность речевой агрессии для публицистической и разговорной сфер коммуникации, сколько распространение закономерностей, свойственных бытовому общению, на иные коммуникативные сферы. Насколько известно, так можно определить особенности литературного языка в переломный момент истории народа: «В литературу, освобожденную от цензурных рогаток, неудержимым потоком вливается язык улицы – не только московской или петербургской, но также нью-йоркской и иерусалимской» [Винокур, 1994, 153]. Позволим себе заметить, что давлению языка улицы в большей мере поддаются региональные издания, что может быть обусловлено целым рядом экстралингвистических факторов.

В качестве общей для СМИ тенденции отметим преобладание внешних заимствований (англицизмов прежде всего), обилие терминов из сфер экономики и информационно-коммуникационных технологий. Это вполне соответствует представленным в научных публикациях данным других авторов [Костомаров, 1999; Язык СМИ., 2003]. Одну из сфер официального общения – общение в СМИ – обслуживает не литературный язык, а письменная форма «языка улицы». Причем мы не обнаружили существенного проявления локальной окраски речи на газетной полосе. Отдавая себе отчет в некоторой метафоричности подобного утверждения, тем не менее, рискуем заметить, что язык современной региональной печати представляет собой письменную форму существования просторечия.

4. Устная речь в региональном эфире: акустический, психолингвистический и прагматический аспекты

Перейдем к характеристике устной речи в региональном теле- и радиоэфире.

Рассмотрим звучащую в региональном эфире речь в трех аспектах: в акустическом, психолингвистическом и прагматическом. Акустический аспект позволит охарактеризовать объективные особенности звучания и степень наличия локальной окраски. Психолингвистический аспект даст возможность определить, как воспринимается и оценивается реципиентами локально окрашенная речь. Иначе говоря, акустическая характеристика речи представляет объективную картину, в то время как психолингвистическое изучение оценки речи с локальной окраской реципиентами (и, более того, оценка эффективности сообщения, воплощенного в локально

окрашенной речи) выявляет субъективное переживание объективной картины. Напомним, что для характеристики дискурса существенно именно субъективное переживание речевого сообщения и его невербального сопровождения. Наконец, прагматический аспект необходим для исследования коммуникативных стратегий и тактик, используемых в региональных радио- и телепередачах.

4.1. Начнем с акустической характеристики. Приведем акустические характеристики пермской речи, выявленные и описанные петербургскими и пермскими лингвистами [Ерофеева и др., 1992]. Особый интерес представляет длительность пермских безударных гласных, их количественная редукция, поскольку именно в безударном вокализме проявляется региональная специфика. Измерение длительности пермских гласных на месте орфографических А и О показывает, что их количественные характеристики значительно отличаются от нормы: длина как ударных, так и безударных пермских гласных значительно короче длины нормативных гласных. В целом исследователи отмечают: количественная редукция в речи пермяков менее значительна, чем в литературной речи, а максимальное различие гласных по длительности проявляется не в ударной, а в безударной позиции. Схемы количественной редукции для гласных на месте орфографических А и О принципиально различны, при этом ближе к нормативной оказывается схема количественной редукции гласных на месте орфографического О [Ерофеева и др., 2002].

4.2. Обратимся к обсуждению результатов психолингвистических экспериментов, направленных на изучение восприятия и оценки речевых сообщений СМИ горожанами. Мы использовали методы, основанные на процедуре субъективного шкалирования. Эта процедура предполагает самостоятельную оценку индивидом степени проявления определенного «признака» в предъявленном объекте [Фрумкина, 1984]. Наиболее популярным – и совершенным, а потому надежным – считается метод семантического дифференциала, разработанный Ч. Осгудом (об использовании СД в дискурсных исследованиях см.: [Петренко, 1997]). Одним из вариантов СД является более простой, хотя и менее тонкий метод полярных профилей [см. подробнее: Краузе, Саппок, Шерстинова, 1997]).

Свое исследование устной речи региональных СМИ в психолингвистическом аспекте мы проводили в три этапа. На первом этапе получили оценки экспертов-лингвистов, отметивших степень проявления локальной окрашенности речи. На втором этапе

обратились к наивным носителям языка, предъявляя им в эксперименте по субъективному шкалированию речевые сообщения с различной степенью локальной окрашенности. На третьем этапе сравнивали полученные в различных экспериментах результаты и интерпретировали дискурс СМИ.

На первом этапе мы использовали пятибалльную шкалу: «сильная локальная окраска», «умеренная локальная окраска», «слабая локальная окраска» «нет локальной окраски» «литературная речь». Последняя категория («литературная речь») отличается от предыдущей («нет локальной окраски») отсутствием элементов просторечия. Каждый эксперт прослушивал звучащие в региональном эфире аудиоспоты произвольное количество раз и отмечал на бланке степень локальной окраски, фиксируя конкретные черты ее проявления. Таким образом получены оценки от пяти экспертов-лингвистов². В ходе работы экспертами не были отмечены шкалы «сильная локальная окраска» и «литературная речь». Это означает, что в неспонтанной подготовленной радиоречи не встретились примеры литературной речи и речи с сильной локальной окраской. Умеренная локальная окрашенность, отмеченная по крайней мере одним экспертом, встретилась в 60% выборки. Отклонения в количественной редукции гласных непереднего ряда от нормы отмечаются экспертами, оценивавшими региональную неспонтанную радиоречь, прежде всего [Черепанова, 2007]. Характерной локальной особенностью, отмеченной аудиторами-экспертами как в спонтанной, так и подготовленной речи, звучащей в региональном эфире, оказывается длительность гласных непереднего ряда, которая широко варьирует в различных позициях. В спонтанной речи, звучащей в региональном эфире, степень проявления локальных особенностей выше, что обусловлено понижением контроля за реализацией программы речевого высказывания в спонтанном общении.

Звучащая в местном эфире как спонтанная, так и подготовленная речь характеризуется по крайней мере слабой локальной окраской, проявляющейся в безударном вокализме и интонации. Для сегментных единиц характерно:

- Ы – образность ударных гласных, особенно А и О;
- более закрытые, чем допускается нормой, ударные гласные О и Е;

² В исследовании принимали участие эксперты: доктор филологических наук, два кандидата филологических наук; два стажера кафедры общего и славянского языкознания ПГУ, специализирующихся по экспериментальной фонетике и психолингвистике.

- оканье;
- еканье в заударных слогах;
- огубление шипящих Ж и Ш.

Наконец, в супraseгментных единицах локальная окрашенность проявляется как искажение интонационного контура: в быстром, по сравнению с литературной нормой, темпе; в мелодическом однообразии (отсутствии заметных повышений / понижений основного тона), общей монотонности речи.

На втором этапе исследования радиоролики без локальной окраски и радиоролики с наибольшей локальной окрашенностью речи диктора (всего 8), выбранные на основе экспертных оценок, предъявлялись наивным носителям языка (нефилологам), которым предлагалось оценить их в соответствии с процедурой метода семантического дифференциала (вариант полярных профилей). В результате обработки полученных данных стандартными методами (определение медианы и меры согласованности оценок по значению полуинтерквартильного размаха) обнаружилось, что локальная окрашенность звучащей в эфире подготовленной речи существенно влияет на оценку сообщения слушателями (подробнее см.: [Овчинникова, 2003]). Радиоролики, в которых звучит локально окрашенная речь, воспринимаются слушателями как несерьезные и неубедительные. Напротив, локально окрашенная спонтанная речь в эфире воспринимается не столь критически и оценивается скорее положительно [Ерофеева и др., 2004].

Локальная окраска речи снижает общее положительное впечатление от сообщения и тем самым определяет низкую эффективность коммуникации в дискурсе. Очевидно, реципиенты, сами отнюдь не всегда владеющие произносительными нормами литературной разговорной речи, ожидают услышать в эфире устный вариант литературного языка, а не другой идиом. Менее строго оценивается спонтанная речь в интервью. Между тем региональное радиовещание использует локально окрашенный вариант литературной речи даже в подготовленных записях: рекламных роликах, театральных постановках, объявлениях.

4.3. Обратимся к анализу устных сообщений в региональном эфире в прагматическом аспекте.

Материал исследования представлен видеозаписями интервью деятелей искусства, администраторов и литераторов Прикамья; объем материала – около четырех часов звучания. Предметом анализа явились коммуникативные стратегии говорящих. В качестве

формальных параметров коммуникативной стратегии рассматривались:

- устойчивость темы в диалогическом единстве;
- типы вопросов;
- типы речевых актов;
- интонационный рисунок (интонационный контур, тип пауз и их количество);
- синтаксическая сложность;
- лексическое разнообразие;
- использование просторечных лексем, локализмов, жаргонизмов, а также асемантизированных заполнителей пауз хезитации.

Начнем с обсуждения типов вопросов. Для журналиста, ведущего беседу в прямом эфире, естественным речевым актом является вопрос, а коммуникативной стратегией – провокация собеседника на развернутое изложение своих взглядов [Язык СМИ., 2003]. В силу этого в качестве основных исследуемых параметров коммуникативного поведения журналиста выбран тип вопросов.

В соответствии со сложившейся традицией мы выделяли диктумные и модусные вопросы; первые представляют собой вопрос о пропозиции, вторые касаются модальности и прагматической рамки высказывания. Диктумные вопросы обычно касаются непосредственно темы беседы (*Итак, у нас грандиозное событие – чемпионат Европы. В городе Перми почему вдруг? Что такое случилось с Пермью?; Какие требования предъявляются к стране, принимающей у себя чемпионат такого ранга?*); стереотипов, связанных с темой (*Вопрос из детства. Если поставить боксера и поставить каратиста, кто кого победит? Есть, наверное, группа (писателей-фантастов), которая собирается постоянно, дружит вместе?*); творческих планов (*Были ли попытки, кроме «Ералаша», сделать документальные фильмы для детей?*) и т. п.

Модусные вопросы, обращенные к модусу исходной реплики, провоцируют собеседника на интроспекцию и, как нам кажется, совершенно необходимы в телеинтервью. Приведем примеры модусных вопросов: *Не обидно ли вам, что вы больше работаете для истории, чем для современников? Известна акция, которая называлась «Рашин седакин»,... вы ездили по Европе. Скажите, насколько это было востребовано в Европе, и почему именно эту сторону России вы решили показать? Россию, возможно, неизведанную, но все же ту, которая есть на самом деле?*

Насколько мы можем судить, телеведущие предпочитают диктумные вопросы. В нашем материале модусных вопросов совсем немного и встречаются они в интервью с деятелями искусства.

Обратимся к анализу диалогических единств и обсуждению типов речевых актов, интонационных, синтаксических и лексических особенностей высказываний.

Приведем пример диалогического единства из [одного] интервью.

« – Каждый человек, который пробивает себе дорогу в жизни, он становится профессионалом. Профессионалов вы знаете больше где, которые вышли в жизнь, вот спорт для них закончился, и они из спорта уходят дальше. Вот так тогда задам вопрос.

– Тут немножко, может быть... если я правильно вас понимаю... профессионал... профессионалом вообще очень трудно стать... Я вообще, профессионал, он... я вообще, считаю, что... я не люблю дилетантов в любом деле. Я не лю... не мо... это... как вам сказать... смерти подобно, когда ... людей лечит дилетант, когда за руль садится дилетант и везет в автобусе тридцать жизней...»

В репликах представлены констативы, экспрессивы; характерно, что в реплике журналиста интеррогатив непосредственно не выражен, вопрос звучит размыто. Естественно, и ответ характеризуется семантической диффузностью.

Затрудненность процесса оформления мысли сказалась на большом количестве пауз хезитации и саморедактирования. Паузы хезитации свидетельствуют о затруднении в семантическом прогнозировании высказывания. За время хезитации говорящий корректирует смысловую программу и уточняет выбор пригодных для ее воплощения средств. В приведенном диалогическом единстве многочисленные паузы хезитации дают возможность проследить кристаллизацию первоначально неопределенного замысла ответного высказывания (*Я не лю... не мо... это... как вам сказать...*). Паузы редактирования выражают контроль ранее сказанного. Они возникают как в процессе порождения отдельной фразы или синтагмы, так и в процессе порождения развернутого текста. Критерием паузы редактирования выступают уточняющие замены сегмента синтагмы, последнего перед перерывом в звучании. В нашем материале паузы саморедактирования составляют 15,8% от всех пауз хезитации. Например, в высказывании: *«...амбиции его должны простираться как можно более ... ну, как можно дальше. И мы ... нас поддержала федерация бокса России...»* говорящий после хезитации, связанной,

очевидно, с обнаружением речевой неточности, заменяет *более* на *далее*, *мы* на *нас*, трансформируя актив в пассив.

В целом в коммуникативных стратегиях проявляются черты, характерные для неформального общения и бытовых диалогов. В частности, уход от темы при ответе на заданный вопрос представляет доминантную стратегию коммуникативного поведения журналиста в записанном нами материале. Тематические сдвиги и ассоциативные переключения характерны прежде всего для обыденного общения [Николаева, 2000].

На лексическом уровне в спонтанной речи, звучащей в региональном эфире, проявляются характерные для просторечия черты: жаргонизмы составляют в среднем 1,5% от знаменательных словоупотреблений; асемантизированные элементы – 8,2%. Лексические локализмы практически не встречаются.

Синтаксические особенности речи варьируют в зависимости от индивидуального стиля говорящего: количество сложноподчиненных предложений составляет 15-25% от общего количества предложений, высказанных говорящим. Это соответствует основным тенденциям устной неофициальной речи [Герд, 2001]. Интонация также отражает различие индивидуальных стилей. В качестве общей черты можно отметить сравнительно быстрый темп речи, разнообразие интонационных конструкций, интонационную незавершенность фраз, возникающую вследствие самоперебивов и самокоррекции. Количество пауз хезитации варьирует от четверти до половины от общего количества пауз в речи говорящего.

Фонетические локализмы встречаются практически у всех говорящих. В большей степени отражают локальные особенности гласные, хотя специфические черты отмечены и у согласных. Самой заметной локальной чертой оказалась длительность ударных и безударных гласных непоследнего ряда.

Таким образом, коммуникативные стратегии в телевизионном интервью региональной телесети не отличаются от тех, что присущи бытовому диалогу. Это отражает как индивидуальные особенности речевого поведения участников интервью, так и складывающуюся традицию публичного общения в СМИ.

5. Взаимодействие адресат – журналист в дискурсе региональных СМИ: оценка коммуникативного поведения журналиста целевой аудиторией

Мы попытались выявить отношение целевой аудитории к используемым журналистами коммуникативным стратегиям и коммуникативному поведению в целом. Определение отношения

целевой аудитории к другим участникам дискурса СМИ позволит нам выяснить существенные особенности социального взаимодействия в сфере массовой коммуникации и описать дискурс с позиций совпадения / несовпадения ментальностей участников, успешности / неуспешности взаимодействия.

Опираясь на традицию изучения language attitudes, мы обратились к методу анкетирования. Под language attitudes подразумевают мгновенную оценку незнакомого человека по его речевому поведению и отождествление его с представителями определенного социума в соответствии с личными и культурными (социальными, этническими и др.) стереотипами реципиента; иначе говоря, «language attitudes дает возможность воспринимающему мгновенно отнести говорящего к «своим» или «чужим» [Панова, 2007, 8]. На наш взгляд, language attitudes играет существенную роль в оценке профессионализма журналиста и формировании отношения к нему и его сообщению. Обсудим основные итоги анкетирования. В целом респонденты проявили согласованность в оценке материала³. Подавляющее большинство опрошенных оценивает предъявленный материал как неинтересный, малоинформативный, неполно раскрывающий тему, а поведение журналиста как непрофессиональное и незитичное. Отступления от общей тенденции малочисленны и касаются частностей. Полученные результаты свидетельствуют о довольно высоких требованиях слушателей к аудиоматериалу (к радио- и телепередачам).

Речевое поведение журналиста играет решающую роль в формировании отношения к нему и сообщению в целом. Речевая культура рассматривается не только как соблюдение литературных норм, но и как умение выбирать регистр общения в соответствии с требованиями коммуникативной ситуации. Насколько мы можем судить, речевую культуру телезрители полагают одним из компонентов профессионализма журналиста. Респонденты оценили ведущего как *некультурного человека*, использующего *маску шоу-журналиста*. Очевидно, участники опроса не считают ведущего «своим», что приводит к негативному впечатлению от сообщения в целом⁴. Отступление от норм коммуникативного поведения телезрители склонны трактовать как свидетельство непрофессионализма журналиста. Неполнота раскрытия темы также рассматривается как результат непрофессионального поведения.

³ Цитаты из телепередачи, предлагаемой в качестве материала для анкетирования, приводятся при обсуждении устной речи в СМИ в прагматическом аспекте.

⁴ О специфике категории «свой» пишет О.В. Балясникова: [Балясникова, 2003].

Несоблюдение ведущим этических норм и отступление от канонов речевого жанра беседы респонденты полагают оскорбительным для гостя передачи и неуважительным по отношению к телезрителям.

В лингвосоциокультурном пространстве современного города дискурс СМИ отчасти отражает ментальность, характерную для массовой культуры, что не соответствует ожиданиям целевой аудитории.

6. Характерные особенности дискурса региональных СМИ

6.1. Функционирующий в региональных СМИ идиом национального языка не совпадает с русским литературным языком. Изменения, происходящие в русском языке в течение последних двух десятилетий, выразились не только в скачкообразном росте словаря, но и в функциональных сдвигах центра и периферии языка. Носители языка и лингвистическое сообщество пересматривают соотношение центра и периферии в языке, статус нормы (см. подробнее: [Вепрева, 2005, 20-26]). Осознавая всю сложность определения того, что собой представляет современный русский литературный язык и какими сферами ограничено его функционирование, мы все же склонны акцентировать внимание на отличии речи в региональных СМИ от русской речи на страницах центральной печати. Полагаем, что речь на страницах «Известий» в большей мере ассоциируется с русским литературным языком.

В печатных СМИ, наряду с внешними заимствованиями, частотны внутренние заимствования из просторечия и жаргонов. Использование внутренних заимствований мы рассматриваем в качестве приема установления интертекстуальности с текстами разговорного дискурса, что сближает общение в СМИ с обыденной коммуникацией. Судя по всему, приблизиться к обыденной коммуникации в большей мере стремится дискурс региональных СМИ. В региональной печати практически не встречаются новообразования, возникшие в результате актуализации устаревшей лексики, соответствующие понятия обозначаются заимствованной лексикой. Полагаем, что предпочтение иноязычной лексики свидетельствует о выборе автором «престижного» элемента, о следовании моде, иностранное слово аттестует говорящего в социальном плане более высоко [Вепрева, 2005, 146]. Отмеченные особенности характерны для массовой культуры, «третьей культуры», «полукультуры» (Р.М. Фрумкина), использующих в основном просторечие наряду со специфическими социолектами. В печатном

тексте практически не проявляется региональная окраска. Выявленные особенности характерны для дискурса СМИ и в других регионах⁵.

В электронных масс-медиа, транслирующих устные сообщения, обнаруживаем региональные особенности речи, прежде всего на фонетическом уровне. Радиослушатели и телезрители замечают локальные особенности произношения дикторов и отмечают «пермский акцент» в речи журналистов и гостей студии. Наличие локальной окраски в подготовленных выступлениях и в спонтанной речи радиослушатели и телезрители оценивают по-разному. «Пермский акцент» подготовленных выступлений негативно влияет на восприятие сообщения; реципиенты полагают такие сообщения «неубедительными». Напротив, «пермский акцент» спонтанной речи не оказывает негативного влияния на оценку сообщения. Насколько позволяет судить наше исследование, в сознании реципиентов сформировано представление о приоритете в эфире устного варианта литературного языка и нежелательности использования в подготовленных выступлениях локального окрашенной речи и просторечия.

В сознании наивных носителей языка устный вариант литературного языка приобрел новый социолингвистический статус, превратившись в средство межэтнического общения. Именно изменение социолингвистического статуса устного литературного языка составляет особенность языковой ситуации конца XX века. Между тем официальное публичное общение, составляющее основную сферу употребления литературного языка, в регионе в основном обслуживает другой идиом – региолект. В реальной региональной языковой ситуации устный вариант литературного языка вытесняется из публичной речи в средствах массовой информации региолектом.

6.2. В социальном взаимодействии между отправителем информации и ее получателем в дискурсе региональных СМИ обнаруживается асимметрия: региональные СМИ не учитывают перцептивную модель публицистического общения, сложившуюся у целевой аудитории, что чревато коммуникативной неудачей. Тексты печатных и электронных СМИ связаны интертекстуально не только в рамках дискурса СМИ, но и с текстами разговорного дискурса. Элементы просторечия и жаргонизмы используются в качестве

⁵ Например, материалы круглого стола «Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения», представленные на портале ГРАМОТА.РУ; материалы издания «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования».

средств создания интертекстуальности. Лексическое заимствование на газетной полосе – это, в соответствии с концепцией И.П. Лысаковой [Лысакова, 2005], и выбор автора в соответствии с типом издания, и приспособление языковых единиц из различных языковых пластов к типу газеты.

Направленность различных СМИ на определенную целевую аудиторию не выражена четко. Полагаем, что авторы публикаций неадекватно представляют собственную целевую аудиторию; издания ориентированы на нерасчлененную, безликую массу реципиентов [Николаева, 2000, 124].

В региональном медиа-дискурсе образ адресата сообщения в сознании его автора не совпадает с ожиданиями читающих/слушающих, что существенно снижает эффективность коммуникации. Для регионального медиа-дискурса характерно смещение регистров общения и сокращение социальной дистанции между читающим/слушающим и автором речевого сообщения, что не соответствует ожиданиям адресатов. Адресаты сообщений СМИ не склонны оценивать журналистов как «своих», как членов того же социума, разделяющих ту же ментальность. Публицистический дискурс в региональных СМИ как «один из возможных миров» (по Ю.С. Степанову) моделирует образы коммуникантов (автора и слушателя/читателя), пренебрегающих нормами общения, не владеющих элитарным вариантом литературного языка.

6.3. Главной особенностью регионального дискурса в СМИ мы считаем асимметрию представлений о правилах коммуникативного поведения отправителей информации и ожиданий получателей информации; несовпадение ментальностей, ошибочность «гипотезы адресата». Естественно, такая особенность затрудняет эффективное взаимодействие и приводит к сбоям в коммуникации.

Литература

Балясникова О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Балясникова – М., 2003.

Баранов А.Н. Что нас убеждает? // Речевое воздействие и общественное сознание [Текст] / А.Н. Баранов. – М.: Знание, 1990.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А.Н. Баранов. – М.: УРСС, 2003.

Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция [Текст] / В.В. Богуславская. – Ростов н/Д: Феникс, 2003.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2003.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху [Текст] / И.Т. Вепрева. – М.: Олма-Пресс, 2005.

Винокур Г.О. Язык писателя и норма [Текст] / Г.О. Винокур // Вопросы языкознания. – 1994. № 1. С. 150-155.

Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация [Текст] / сост. В.В. Петрова / под ред. В.И. Герасимова / Т. ан Дейк. – М.: Прогресс, 1989.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия [Текст] / А.С.

Герд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.

Ерофеева Е.В. Локализмы в литературной речи горожан: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Ф.Л. Скитова. – Пермь: Изд-во Пермс. гос. ун-та, 2002.

Ерофеева Е.В. Спектральные характеристики безударных гласных (на материале пермского вокализма) [Текст] / Е.В. Ерофеева, Л.В. Игнаткина, А.С. Штерн // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь: Изд-во Пермс. гос. ун-та, 1992. С. 23-29.

Ерофеева Е.В. Субъективная оценка устных спонтанных текстов и текстов СМИ // Проблемы социо- и психолингвистики [Текст] / Е.В. Ерофеева, Е.А. Семакова, А.А. Филиппева. – Пермь: Изд-во Пермс. гос. ун-та, 2004. Вып. 5. С. 82-89.

Китайгородская М.В. Речь москвичей: коммуникатив.-культурол. аспект / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: Научный мир, 1999.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдения над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999.

Краузе М., Саппок К., Шерстинова Т. Опыт перцептивной оценки жанровых различий в устных текстах [Текст] / М. Краузе, К. Саппок, Т. Шерстинова // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 185.

Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование [Текст] / И.П. Лысакова. – СПб.: СПбГУ, 2005.

Майданова Л.М. Газетно-публицистический стиль: метаморфозы коммуникантов [Текст] / Л.М. Майданова // Культурно-

речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 83.

Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона [Текст] / В.М. Мокиенко; Т.Г. Никитина СПб., 2001.

Николаева Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция [Текст] / Т.М. Николаева // Язык как средство трансляции культуры. – Москва: Наука, 2000. С. 112-132.

Нищеменко Г.П. К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» // Язык как средство трансляции культуры [Текст] / Г.П. Нищеменко. – М.: Наука, 2000. С. 30-45.

Овчинникова И.Г. Дискурс в региональных СМИ как отражение диглоссии [Текст] / И.Г. Овчинникова // Человек в пространстве языка. – Каунас (Литва), 2003б. С. 345-358.

Овчинникова И.Г., Поломских Е.Г. Психолингвистический подход к определению эффективности региональных СМИ [Текст] / И.Г. Овчинникова, Е.Г. Поломских // Проблемы социо- и психолингвистики. – Пермь: Изд-во Пермс. гос. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 60-63.

Панова Е.А. Иноэтничный ученик в петербургской школе: социолингвистический аспект: АКД [Текст] / Е.А. Панова. СПб., 2007.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики [Текст] / В.Ф. Петренко. – М. 1997.

Скляревская Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / Г.Н. Скляревская. – СПб.: Фолио-пресс, 2002. С. 7-32.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики XX века [Текст] / С.И. Сметанина. – СПб., 2002.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М.: Наука, 1995. С. 40-57.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. – СПб.: Фолио-пресс, 2002.

Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) [Текст] / Н.И. Толстой // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М.: Ин-т русск. яз. АН СССР, 1991. – Ч.1. С. 87-93.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984.

Черепанова Л.Л. Дискурс региональных СМИ: психолингвистический аспект. АКД. [Текст] / Л.Л. Черепанова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007.

Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [Текст] – М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 66-88.

Археографический анализ документов Соликамской городской думы 1799 года

Л.М. Пантелеева

Важнейшей частью историко-лингвистического анализа рукописных текстов является их археографическое описание, которое включает в себя раскрытие палеографических особенностей текста, наблюдение над графикой, орфографией и пунктуацией памятника. Целью такого описания является подтверждение датировки и подлинности текстов, а также определение их графико-орфографических и пунктуационных особенностей.

Нами был осуществлен археографический анализ документов из фонда Соликамского краеведческого музея [Ф-28, Д-6]. В нем представлен архив рукописных актов городской думы, а именно рапорты городского старосты, доношения и сообщения Соликамского городского магистрата в городскую думу 1799 года. Эти рукописные памятники содержат большой объем фактического материала, а потому представляют интерес для историков (т. к. раскрывают особенности системы местного самоуправления) и для лингвистов (очевидна лингвистическая содержательность и лингвистическая информативность этих материалов).

Определение «внешней» языковой специфики памятника мы начали с палеографического описания, которое является необходимым на этапе подготовки к прочтению рукописного текста. Ориентирами при описании внешнего вида актов для нас служили работы Г.А. Леонтьевой, Е.Н. Поляковой, С.В. Чирковой, В.Н. Щепкина, а при публикации материала мы учитывали опыт работ Н.В. Логуновой, Л.Л. Мазитовой и О.В. Трофимовой.

Рукописи деловых актов представляют собой книгу, скрепленную суровыми белыми нитками, с обложкой, выполненной из нескольких листов, склеенных между собой и обернутых тканью, напоминающей мешковину, местами поеденную жучком. На обложке выведена надпись: «Разные дѣла / Г. думы 1799 г.».

Книга состоит из 198 листов. Нумерация листов двойная: первая выполнена чернилами и принадлежит составителю памятника, вторая выполнена карандашом и принадлежит, по всей видимости, работникам архива. Нумерация памятника в обоих случаях цифровая и выполнена по листам, а не по страницам.

Книгу составляют большие листы форматом «в десть» (21,5-22 x 34,5-35) или же только половины больших листов. Редко текст написан

на четверти листа. Материалом для письма послужила гербовая бумага 1797, 1798 годов. Бумага плотная, шероховатая, преимущественно серой и голубой окраски отечественного производства, часто с гербовым клеймом. Филиграни имеют изображения гербов: государственного герба Российской империи в виде двуглавого орла, ярославского герба с изображением медведя с алебардой. Кроме того, имеются литеры, изображающие начальные буквы названия мануфактуры, имени и фамилии ее владельца. Некоторые литеры увидеть не удалось в силу неполной сохранности документов. Но часть из них просматривается четко. Например, литеры «ЯМВСЯ» расшифровываются как «Ярославская мануфактура внуков Саввы Яковлева».

Текст документов, скорее всего, писался гусиным пером, т. к. привозные металлические перья в России появляются в 30-х годах XIX в., использовались чернила коричневого и черного цвета. Рукописные тексты располагаются по середине листа и занимают две его стороны, хотя в книгу вошли и абсолютно чистые листы. Редко написание текста сосредотачивается по левой стороне листа.

Документы написаны разными почерками, и этому есть различные объяснения: при слушании дела присутствовало несколько гласных думы, у рапорта мог быть коллективный автор, возможны поздние приписки и др. Смену почерков мы отражаем при публикации рукописей. Следует добавить также, что сохранность памятника в целом хорошая. Таким образом, перечисленные косвенные приметы документов полностью совпадают со временем написания актов, обозначенным в текстах.

Важной частью археографического анализа документов является изучение начерков рукописей. Графика документов Соликамской городской думы 1799 года соответствует общим особенностям скорописи XVIII века. «Скоропись есть почерк, рассчитанный на существенное ускорение процесса письма. Ускорение достигается: 1) большей свободой тех нажимов и взмахов, коими конечности букв выводятся вверх или вниз. 2) безотрывными написаниями соседних букв. 3) более многочисленными сокращениями» [Щепкин, 1999, 148]. (Отметим, что ускорение процесса письма в сочетании с отраженными в текстах актов старой графикой и орфографией, а также индивидуальными особенностями почерка вызывает трудности при прочтении документов).

Но скоропись XVIII века – явление абсолютно уникальное, потому как испытывает на себе влияние введенного в 1708-1710 гг. гражданского шрифта. Это проявилось в начерке отдельных букв. Так,

в текстах думских документов встречается написание буквы *в* в виде четырехугольника, буквы *и* в виде латинского *h*, буквы *ю* в виде *о* с крючком («загогулиной») вверх. Буква *к* пишется чаще всего в виде двух параллельных вертикальных палочек. Также в рукописях встречаются буквы, которые сегодня изъяты из алфавита – **ѣ**, **і**, **ї**, **Ѹ**, **ѹ**.

Скоропись анализируемых текстов документов характеризуется и применением выносных букв, которые пишутся над строкой, хотя составляют часть слова, оставшегося в строке. Чаще других встречаются **б** (*сообщене**б***), **т** (*отсылка*), **х** (*о землях*), **л** (*разбирательство*). Для числовых обозначений употребляются арабские цифры. Сохраняются написания под титулом (*гдинь* ‘господин’). Итак, проведенный анализ показывает, что на уровне графики внешний вид деловых актов Соликамской думы соотносится с общерусским развитием системы делопроизводства.

В конце XVIII столетия письменная речь ориентируется на живую разговорную, поэтому в орфографии памятников отразились некоторые фонетические явления. В частности, ассимиляция согласных по звонкости (*зборщик, впрозб**ѣ**, збор*); ассимиляция согласных по глухости (*семнатицать*); отсутствие передачи фонематической мягкости согласного (*сколко, денги, правительствующий*); гиперкоррекция (*протчий*) и другие процессы.

Орфография прописных букв носит неустойчивый характер. Нередко имена и фамилии написаны со строчной буквы. Крупными буквами, чаще всего, прописываются: *его императорского величества, определено, приказали*. Знаки препинания в текстах зафиксированы: точка, запятая, точка с запятой, двойное тире, но употребляются они непоследовательно. Расстановка знаков не всегда соответствует логическому членению текста.

Таким образом, выполненный археографический анализ помогает сделать вывод о подлинности документов, определяет их соответствие общерусской языковой норме XVIII века. Он предваряет подготовку рукописей к публикации, а также к их дальнейшему лингвистическому изучению. Анализируемые памятники содержат ценный материал о языке XVIII века, который требует своего описания в рамках отдельной статьи. Мы же можем упомянуть об архаизации языка актов как факторе, который отражает сведения о характере живой народной речи, отразившейся в деловой письменности, и, таким путем, способствует воссозданию народно-обиходной речи конца XVIII – начала XIX веков, хотя бы в какой-то ее части.

Документы думы 1799 г. фиксируют лексические архаизмы (*реченый, сей, оный, паче*), лексико-семантические архаизмы (*рослый*

‘взрослый’), лексико-фонетические (*прожесктированный*) и лексико-словообразовательные архаизмы (*нападывать*). Эти слова сегодня по различным причинам вытеснены другими, принадлежащими к активному словарному запасу. В современном языке они имеют синонимы, лишенные оттенка архаичности. В текстах документов отразились и историзмы, являющиеся обозначениями категорий людей по занимаемой должности (*фортишмейстер, столник, воевода*), обозначениями мер длины (*аршин, сажень*) и др. Данный лексический фонд актуален для начала XIX века и, наверняка, принадлежит к активному словарному запасу того исторического периода.

Чтобы появилось представление о содержании рассматриваемых деловых актов, мы публикуем три рукописных документа, которые, на наш взгляд, безусловно, отражают особенности деловой и даже обиходно-разговорной формы языка конца XVIII века. Первый текст представляет собой протокол постановления думы в отношении купца Григория Фомина, просящего разрешения на строительство домов. Интересен формуляр документа, где оригинальными являются части начального и конечного протокола и удостоверительной части. Основной текст является копией прошения самого Фомина, а следовательно, фиксирует именно его письменное изложение обстоятельств дела. Жанры второго и третьего документов обозначены в начале текстов актов. Их содержание отражает особенности наименований предметов судовой оснастки обозначений, связанных с рубкой леса и заготовкой дров.

Печатное воспроизведение текстов предлагается в современной графике с сохранением букв **Ѣ, і, ї, Ѵ, Ѳ**, с авторским делением текста на слова, авторской орфографией и пунктуацией. Выносные буквы вносятся в строку, но выделяются курсивом. Слова под титлом не расшифровываются. Знак «/» указывает на конец строки, «//» – на конец страницы.

№ 1

Ф-28, Д-6 (лл. 117-117 об.)

[Первым почерком] 1799 года сентября 2 дня соликамская градская Дума / слушавъ поданное соликамскагожь Третьей гилдіи купца / григорья фомина Прошение вкоторомъ прописываетъ что / имеетъ онъ намерение построить въздешнемъ городе Соликам / ске повновъ прожесктированному нагородъ соликамскъ плану / Какъ Длясебя такъ идетей моихъ ссемействомъ два дома / Подстроение коихъ избобрелъ онъ пустопорозжие узловые места / состояшия повыше

старинного домового строения соли- / камского мещанина Ивана Труфакина 1^е нато́й самой / лѣнѣи где выстроень поплану домъ господина секретаря братчи́кова 2^е повыше того места вгорномъ другомъ кварта= / ле которыхъ мѣсть потребно длиннику подпервой То Есть / Нижней 15 сажень подъ другой верхней 20 сажень авглуби= / ну изтехъ кварталовъ половинныхъ количествъ которые / покорно просить ему отвѣсть идлястроения поплану домовъ / наградить Ево Планомъ ифасадомъ начто иожидаетъ = / милостивую резолюцію акакъ то ево прошение занеимени / емъ всолика́мскомъ уездномъ казначействе гербовой бумаги / писано напростой то Загербовую бумагу залистъ указную / цену тритцать копеекъ представилъ денгами АПОСПРА= / ВКЕ УКАЗАМИ Избывшаго Пермскаго наместническаго / что ныне губернское правление всю думу предписало 1^м / 1786 июня от 31го подстроение домовъ купцамъ имещанамъ / мѣста отводить думамъ игдамъ* городничимъ ипозволять стро= / ится внежылыхъ мѣстахъ наблюдая попланамъ городскимъ / улицы ифасады 2^м 1789 октября от 26 отводъ мѣсть производит / думамъ спозволения господъ камендантовъ игородничихъ / имежду желающими строится когда наодни мѣста или / назанятие старымъ строениемъ желающихъ три или четыре / человека быть могутъ икоторымъ доведется опорожить** свои / мѣста подстроение другому то кдобровольному между оныхъ / положению втомъ приводить насоглашения кнадлежащимъ // Удовлетворениямъ прежнихъ хозяевъ 3^м 1793 июня от 23= / подстроение домовъ мѣста отводить гдамъ* городничимъ вообще / сградскою думою иуезднымъ землемерамъ ипотому всолика́м= / ской градской думе | ПРИКАЗАЛИ: обозначенныхъ просимыхъ / купцомъ фоминымъ подстроение домовъ мѣстахъ КЪЕГО / БЛАГОРОДИЮ соликамскому Уезному Землемеру сообщить / стробованиемъ благоволения сопряженными отсей думы / гласными свидетельства что тутъ неимеетсяя / какихъ строений которыхъ невозымеютъ ли техъ / строений хозяева строится поплану онымъ зделат / вызовъ истроении отобратъ объяснении ичто потому / =окажется тогда учинить особое определение: / [Вторымъ почеркомъ] азабу́магу вышезначи́щиеся: фоминымъ взнесенные денги: тритцат / копеекъ изсея дѣ́умы отслать всолика́мское уездное казначейство / присообщении: [Третьимъ почеркомъ] Якимъ Зырянов /

[Четвертымъ почеркомъ] Прозбою гласного Петра Михайлова
изсебя гласной же / Игнате́й Суятин /

[Пятымъ почеркомъ] Гласной Егор Патрушев /

[Шестымъ почеркомъ] Прозбою гласного Ивана Симакова / изсебя
гласнойже Яковъ Дьячковъ //

* Слово под титулом – *Господамъ*

** Так в рукописи

№ 2

Ф-28, Д-6 (лл. 155-155 об.)

[Первым почерком] № 40 Поданъ Сентября 15 дня 1799 года

[Вторым почерком] Въ Соликамскѣю Градскѣю Думу /
Соликамских же Городоваго ѿмещанскаго Ста / росты Михаила
Молчанова, икупецкаго Пове / реннаго Ефима Смирнова
рапортъ

ѿзоной Градской думы Присланное Предписание /
Спрописаниємъ Сообщения Полученнаго от соликамскаго
ичердынскаго Фортшмеистера Чайковскаго; объявлено Соли / камскомѣ
купечеству Имещанству; Но Изнихъ / Купечествомъ Наоное Показано;
какъ де всдешнемъ / Месте Суда бываютъ Купеческие называемые
камские / шитики длиною отсеми допятнатцати Сажень / шириною
вносовой трети смотря посоразмерности / длины плоскоденыя, овыя
смачтами исулями / избыкновенныхъ Елевыхъ Пилныхъ лесовъ грузу
подни / мають отътысячи довосми тысячъ пуд, Грузомъ / же бываютъ
оныя отпяти додесяти четвертеи аршина / Оными судами исьгорода
выходять речкою Усолкою, Толко / ввешнѣе болшеводие доболшие
реки Камы, апореке Камѣ / Состоить судовои Ход влетнѣе время,
Ипосамои / осеннеи Замороз, Ходять же помянѣтые суда / купецкие
съгрозомъ отъправляемымъ ввешнее / болшеводие подизвозами железа и
пышныхъ товаровъ / Ипротчаго отъустья речки Усолки Камою рекою
Ивол / гою прямо до города макарѣвска, Свешняго времени /
Ивозвращаются всентябре. Иоктябре насостоящѣю / Прикамскомъ
берегу всели боровскомъ Пристань раз / стояниємъ отъ города вдесяти
верстахъ; тому же равно / ихлебные суда два оборота Имеющие
Захлебомъ / Вятской Губѣрнии до города. Сарапула Идопротчихъ //
Тамошнихъ местъ оттуда приходятъ натое же / Устьборовскѣю Пристань,
апораннимъ стужамъ / остаются ивъзаморозахъ втрети дороги итуть /
выгрѣжаются идоставка бываетъ догорода чего либо / надобнаго
гужевымъ извозомъ;| Попредпомянутой реке / Каме ходъ бываетъ вовсе
лето противъ течения / Воды Ссамаго Камскаго Устья кверхѣ
доозначенные / Устьборовской пристани вышеписанными судами /
глубиною додвухъ аршинъ, нонеповсеи спулнымъ грузомъ / асбывающими
перегрѣсками, поместно замилями / Приразныхъ местахъ нарастоящихъ
какбы на пяти сот / верстахъ Иоблегчаютьца груз дополовины То Есть /

наодинъ аршинъ, оснастку же Имеют кходу для завозу / снасти
пенковые толщиной поразности мер судов / Иякоря, адля съему
съзаметов воротъ Иснасти же / подпаръсь, или топсели наразснастку
что сверхъ / означеннагоже Звания судамъ сверхъ бечевкой / Завозной
работы шестоваго ходу бываетъ вовремя / Способных ветров почасти
ход Инапарусах натех = / судахъ иверховомъ ходу дается почетыре
человека / натысячу смотря погрузу судна. Иколичества / пудовъ. Суда
же вышепомянутые строятся вчерды / нской окрѣге в госѣдарственных
Ипомещичьихъ / селениях Порекамъ Каме Вишере Иколве припилных /
мельницах разными содержателми. Апотребные / для них надоски
Ипротчее леса добываются / вооной же окрѣге Самыми Теми судовыми
плотни / ками иподрядчиками которыя строят те суда / о чемъ
Спрописаниемъ того их показания Солика / мской Градской дѣме симъ
ирапортѣмъ сентября / дня 1799 года [Третьим почерком] городской
староста Михаила / Молчановъ, [Четвертым почерком] К сему Рапортѣ
купецкой повѣренн* / Еѣим Смирнов рѣку приложил //

* Так в рукописи

№ 3 (фрагмент)
Ф-28, Д-6 (лл.159-161)

[Первым почерком] № 41 Поданъ Сентября 15 дня 1799 года
[Вторым почерком] В соликамскую Градскую Думу /
соликамскихъ же городского имещанского старосты / Михаила
Молчанова икупецкого Повереннаго Ефима / Смирнова
Рапортъ

ИЗЪ оной градской думы Присланное Предписание / от 2го
сентября подъ №35^м спрописаниемъ сообщения Полу= / ченнаго
отсоликамскаго ичердынскаго форшмейстера Чайков= / скаго
соликамскому купечеству имещанству нами объявлено / онерубке лесовъ
кобязанию подписками которые слушали / оное предписание Также
иприсланные изсоликамскаго / Городоваго магистрата указы
относящиеся дозапрещения / Рубки лесовъ Идровъ безплатежа
попенныхъ денегъ наоное / оттехъ купечества вданномъ
крепортованию приговоре: / объявлено какъ де видя они изтехъ вуказе
прописываемой / ИМЯННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА указъ / данный Правителствующему сенату июня 6 дня
сего = / 1799 года Засобственноручнымъ ЕГО ИМПЕРАТОР= / СКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА подписаниемъ вкоторомъ / Между протчаго въ 3^м
пункте изображено ообшихъ упоме= / щиковъ сказанными поселянами

въездах вказанные леса / доразмежевания валежники и сухие деревья предоставлены / Кружке позволенными акакъ для въезду в леса Здешнему городу / Значатся писцовые дачи пописцовымъ 7131го и 7132 годовъ / книгамъ в которыхъ написано сверхъ городскихъ пашень / Ипокосовъ помянутыхъ лесовъ пашенныхъ 25 десятинь / И лесу поречке почерной по обе стороны в длину на 2 апоерегъ // Наверсту да усолцамъ же посадскимъ иуезднымъ кре= / стьяномъ по ихъ челобитью дано вновь черныхъ лесовъ вверхъ / по усолке речке по обе стороны до вершины ивсуземья доречки / Сурмога Иотречки сурмога дойку речки идочашкина / Озера Идозырянки речки идоречки боровые и поречке боровой / По обе стороны в шоръ а тотъ черной лесъ посадскимъ / людемъ иуезднымъ крестьяномъ лутчимъ среднимъ имо= / лотчимъ сечь всемъ сряду содного которые писцовые / леса особенно подтверждены ко владению градскому ипо= / следовавшему 7206 году февраля 20 дня грамотою ВЕЛИ= / КАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ ИВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА / АЛЕКСЕЕВИЧА всея великия ималыя и белыя РОССИИ / САМОДЕРЖЦА присланною к соликамской столнику / и воеводе КНЯЗЮ ФЕДОРУ ИВАНОВИЧЮ ДАШКОВУ стемъ / чтобъ пописцовой книге в помянутыхъ данныхъ общихъ / лесахъ по усолке речке и поречке боровой по обе стороны / Усолцамъ посадскимъ Иуезднымъ крестьяномъ надрова / лесъ сечь иземлями что под теми писцовыми лесами / владеть всемъ сряду содново и те дрова где пристойно = / на берегу возить И класть поволно акакъ Здешней / Поморской городъ соликамскъ и онаго все окружныя селения / состоять примелкомъ лесномъ местоположении и те леса = / нивкакие долгие веки дровяною вырубкою не могутъ Истре= / битца ибо хлебопашества окружныхъ обитателей / состоять подъ теми же самыми лесами вземленомъ = / грунте болше на глинистыхъ и сырыхъ местахъ и естли / оные хлебопашенные и сенокосныя места вразсуждении / нерасчиски Запущены будутъ то не далие какъ чрезъ два / года осиновымъ березовымъ таловымъ и прочимъ / мелкимъ лесомъ вовсе могутъ Зарости особливо же / присдешнемъ лежащемъ невоотдалении от уралскихъ горъ // холодномъ северномъ климате состоять не только зимняя / времена пружесточайшия морозы но и повеснамъ не умеренныя / стужи продолжающияся едва недополовины июня месяца / а по томъ савгуста таковыя же стужи а привсемъ томъ / нередко нападывають и снеги каковой и внынешнемъ / 1799^м году августа въ 8^е число выпавшимъ происходилъ / которымъ Снегомъ нежатые поляхъ Хлебы анасено= / косахъ травы прибило к земле отчего и причинилось всему / Оному великое повреждение и крайней недостатокъ самый же / Стужи и заморозы составляются ранее октября

месяца / а из сего видно что потаковому здешнему северному климат = /
так как Здешной Городь поморской иотпроезжихъ дорогъ /
Которыми впротчихъ торговыхъ городахъ Таварныхъ / Кладей
идругихъ провозовъ доволное бываетъ число оттаковыхъ /
Иполучаютъ обитатели Городския Ползу идругие доходы / Каковыхъ
Здешной Городь неимеетъ то вразсуждении тако= / ваго местныхъ
выгодъ неимения вместо самыхъ техъ выгодъ / Такимъ образомъ
безпенно здешнему городу вообще скрестьянъ / Те писцовыя дачи
ипредоставлены вышепомянутою гра= / Мотою окаковыхъ Писцовыхъ
дачахъ тое грамоту какъ / мыслимся подтвърждаетъ и 2^а статья
ВЫСОЧАЙШАГО / городского положения состоявшагося 1785 года
апреля 21 / дня ибо изображено оною 2^ю статьею что городу подтвр= /
ждаются правильно принадлежащая помежевой инстру= / кции или
иначе законно земли сады поля пастбы луга / реки рыбные ловли леса
рощи кустарники пустые места / мелницы водяные или ветреные все
оныя вообще икаждое / порознь ненарушимо иметь ионимъ ползоваться
мирно иве= / чно наосновании законовъ какъ внутри города такъ ивне=
/ онога нокакъ доволствовались досего времени врубке дровъ /
вышеупоминаемыхъ писцовыхъ дачахъ утвержденныхъ / грамотою
потому самому признаемъ ивынешнемъ // Состоянии такъ какъ та
изъясненная ограничиваетъ / грамота иметь намъ доволствие ибо
здесьняго города / обитатели большая часть нетолко малоимущия
ноотчерныхъ / Работъ питающиясь отлучками влетния времена
порекамъ / всудовыхъ апозимамъ при заводахъ взаводскихъ работахъ /
обращаются изнискивания себе исемействамъ своимъ / Пропитания
укоихъ остаются вдомехъ семейство маломо= / шное какъ жены здетми
книмъ же еще иимеющиясь вдовы / сироты тожъ смалолетными
которые неимеютъ своей / возможности квырубке влесахъ дровъ
адоволстоваясь срынку / покупкою повозно привозимыми
извышеписанныхъ же / обшихъ писцовыхъ дачъ открестьянъ которые
ныне какъ / непривозять повидимости запрещенія имъ крестьяномъ /
врубке безпопенныхъ денегъ иоттаковаго непривозу дровъ / онымъ
неимущимъ ноивсемъ таковымъ которы доволству= / ются срынку
покупкою дровъ отнепривоза же произойдетъ / крайнее кtoplению
своихъ печей изнурение или паче / отпростуды подвергнутся
болезнямъ естли нерослые то / Малолетные акоторые хотяже усебя
илошадей имеютъ / Наонныхъ имоглибы ползоваться привозомъ излесовъ
дровъ / новооное взойтить неимеютъ смелости посостояшихъ /
Указныхъ повеленей запрещенія: ТОГО РАДИ присо= / гласовали
соликамское купечество имещане идали / мне приговоръ чтобъ
навышепрописанное предписание / градской думы вооную отсебя

отнести рапортом спри= / ложением свышеизъясненной
написовыя дачи грамоты / Засвидетельствованные копии ипросить
оную думу дабы / благоволила вышепрописанные обстоятельства
всообщении / Своемъ квышереченному господину чердынскому
исоликам= / скому форштмейстеру чаиковскому даичто олесяхъ /
Состоить смотрение Здешнимъ господиномъ городничим / надворнымъ
Советникомъ Колтовскимъ такожь // Иотнижняго земскаго суда то
икооннымъ сообщить же / взнание имъ сприобшениемъ сграмоты
копиевъ асверхъ / Того такъ какъ ВЫСОЧАЙШАГО городского
положения / 36^ю статьею обществу градскому позволено представлять /
губернатору освоихъ общественныхъ нуждахъ исползахъ / реченная
общая градская дума имелабъ представить = / ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛСТВУ господину пермскому граждан / скому
губернатору действительному статскому советнику / Иразныхъ
орденовъ кавалеру карлъ федоровичу съ испрашива= / ниемъ
благоволения Ево ипостановления вдровяной рубке / Здешнему городу
вписцовыхъ дачахъ напреждеимевшемся / положении 7206 года
грамоты скоторыя притомъ / представлении приложить
вышепомянутую копию враз= / смотрение ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛСТВА стемъ чтобъ / позволилось посиле
жалованной грамоты списцовыхъ / дачъ производить рубку дровъ
ипривозъ нарынокъ пообыкно= / венному зимнему пути адоонаго
времени занепривозомъ = / нарынокъ дровъ среченныхъ же писцовыхъ
дачъ собираниемъ / находящагося ототрубовъ отпромысловыхъ дровъ
сухаго сучья / ивершинника такожь иизстоячаго сухаго лесу рубкою /
надрова длятопки вдомахъ ползоваться всилу прописанного / имянного
указа 3го пункта ежелижь врубке изнастоя= / щаго дровяного лесу
пограмоте будетъ невозможно / произвести постановления
позволительного напрежнемъ / положении втакоемъ случае ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛСТВО / благоволилъ отсебя произвести
отношение куда следуетъ / ивтомъ къ гражданству соликамскому
учинить благомилорезолюцию, [третьим почерком] КсемѸ, /
[вторым почерком] Того ради Соликамской градской думе репортую
симъ / Ивышеписанном Прошу Учинения резолюции асграмоты /
Прилагаю Усего копию сентября дня 1799 года, /

[Третьим почерком] РапортѸ городской староста Михайло
Молчановъ подписуюсь /

[Вторым почерком] Ксему РапортѸ купецкой повѣренной: ЕѸим
Смирновъ подписуюсь//

Литература

Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М.: «Наука», 1980.

Леонтьева Г.А. Палеография, хронология, археология, геральдика. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. О принципах издания рукописных материалов из архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – Часть 1.

Полякова Е.Н. Краткий обзор коллекции свитков XVII-XVIII вв. Пермского краеведческого музея // Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья. Избранное труды. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2002.

Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762 – 1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: Лингвистический анализ текста. – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2002.

Чиркова С.В. Палеография пермских рукописей середины XVIII – XIX вв. как основа для их лексикологического исследования (к изучению лексики соляного промысла в историческом аспекте) // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни: Материалы международного совещания 18 – 19 ноября 1997 года. – Пермь, 1999.

Щепкин В.Н. Русская палеография: Учеб. для студентов вузов. – М.: Аспект пресс, 1999.

**Представления о социально значимых явлениях
в языковом сознании представителей
славянской культуры
(по материалам ассоциативного эксперимента
с носителями русского и словацкого языков)***

Е.С. Пережогина, А.И. Четвертных

1. К постановке проблемы

Цель нашей работы – выявить специфику представлений молодых россиян о социально значимых явлениях в сопоставлении с тем, как репрезентированы эти социальные явления и их номинации в сознании представителей близкой славянской культуры, носителей словацкого языка. Внимание к языковому сознанию молодых обусловлено возможностью установить происходящие под влиянием экстралингвистических факторов семантические сдвиги, которые могут быть причиной изменения лексического значения слов. Языковое сознание молодых россиян формировалось в период распада Советского Союза и постперестроечное время, таким образом, идеологизированные представления советской эпохи не оказали существенного влияния на становление семантикона личности [Овчинникова, 2008].

Объектом нашего исследования является языковое сознание русской и словацкой молодежи, предметом исследования – структура представления об актуальных социальных явлениях в языковом сознании русских и словаков, отраженного во взаимосвязях лексем. Под языковым сознанием, вслед за И.Н. Гореловым и К.Ф. Седовым, мы будем понимать слой сознания, который оперирует значимыми элементами конкретного национального языка (словами, словоформами, фразеологическими оборотами и т. д.) [Горелов, Седов, 2004, 12].

Сформулируем исходную гипотезу нашего исследования. Поскольку для различных обществ и культур современного мира актуальность приобретают разные социальные явления, постольку представления молодых россиян о социально значимых явлениях существенно отличаются от репрезентации данных явлений в сознании словацкой молодежи.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ (№ 07-04-02006а).

Материал исследования получен в результате проведения письменного свободного ассоциативного эксперимента с русскими студентами Пермского государственного университета (32 филолога). Ассоциации русских филологов сопоставлялись с ассоциативными реакциями на тот же список слов-стимулов, приведенными в письменном ассоциативном тесте носителями словацкого языка¹.

Испытуемым предлагался список слов-стимулов (русским респондентам – 37 слов-стимулов, словацким респондентам – 39²) с четкой инструкцией написать к каждому стимулу первое пришедшее в голову слово-реакцию. В список стимулов были включены слова, которые, на наш взгляд, обозначают социально значимые для русских людей явления (например, *БИЗНЕС* / *BIZNIS*, *БОМЖ* / *BEZDOMOVEC*, *РЕКЛАМА* / *REKLAMA*, *БЕЖЕНЕЦ* / *UTEŠENEC*, *ГАЗЕТА* / *NOVINY*, *ДЕНЬГИ* / *PENIAZE* и др.).

Уточним понятие «слова, обозначающие социально значимые явления». На наш взгляд, это слова, которые обозначают актуальные, в силу различных социальных, экономических, политических и др. факторов, реалии современной действительности (например, *ЯНДЕКС*, *ИМПОРТНЫЙ*, *ОЛИГАРХ*, *РЕКЛАМА* и т. д.). Актуальными мы полагали реалии и номинации реалий, появившиеся или распространившиеся в постсоветское время, вошедшие в последние издания словарей русского языка³, часто упоминаемые в СМИ и привлекающие внимание лексикологов и лексикографов⁴. В сознании носителей языка формируется особое представление о новых и актуализованных реалиях. Это особое представление отражается в лексических взаимосвязях и может приводить к семантическим трансформациям самой лексемы, обозначающей актуальное социальное явление. В свою очередь, на основе отраженного в лексических взаимосвязях представления о явлении можно установить содержание обозначенного словом концепта. Концепт выступает в качестве единицы хранения и оперирования знаниями, включающими данные

¹ 19 словацких девушек, находящихся на духовных учениях при монастыре в дер. Церова (Словакия).

² Словацким респондентам предлагались 2 дополнительных слова-стимула: *slovenský*, *slovanský*.

³ Мы ориентировались в первую очередь на такие издания, как Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения 2002; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона 2001; О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Толковый словарь русского общего жаргона: Слова, с которыми мы все встречались 1999.

⁴ См., например: Валгина 2003, Вепрева 2005, Складарская 2001, Черепанова 2007, Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования 2003 и др.

непосредственного опыта (перцептивный компонент), их когнитивную переработку (сигнификативный компонент) и оценку (ценностный компонент) [Стернин, 2007].

2. Отражение представлений об актуальных социальных явлениях в лексических ассоциациях.

2.1. Процедура анализа данных.

Список слов-стимулов, отражающий номинации актуальных социальных явлений, опубликован в работах, посвященных изучению образа России в сознании молодых россиян [Кибанова, 2006]. Мы использовали стандартную процедуру анализа данных ассоциативного эксперимента: сведение разнообразных ассоциаций на слово-стимул в частотные списки и формирование ассоциативного поля на основе частотных списков. Ассоциативные поля русских слов-стимулов сопоставлялись с ассоциативными полями их эквивалентов на словацком языке.

2.2. Обсуждение результатов эксперимента.

Охарактеризуем представления об актуальных явлениях и связанных с ними концептах, представленных в сознании молодых носителей русского языка. Для удобства интерпретации полученных результатов позволим себе одновременно сопоставлять ассоциации русских студентов с ассоциативными реакциями, полученными от словаков. Таким образом, мы можем сразу диагностировать наличие (или отсутствие) специфики, обусловленной русской культурной традицией.

В наших материалах выявлена характеристика двух концептов – «Власть» и «Бизнес».

2.2.1. Концепт «Власть».

2.2.1.1. У русских студентов встречаются ассоциации, относящиеся к концепту «Власть», на слова-стимулы *БЕЖЕНЕЦ*, *БИЗНЕС*, *ДЕНЬГИ*, *ПРЕЗИДЕНТ*, *ОЛИГАРХ*, *ИНТЕЛЛИГЕНТ*. Это такие ассоциации, как: *законы* (*БЕЖЕНЕЦ*), *олигарх* (*БИЗНЕС*), *политика* (*БИЗНЕС*), *сила* (*ДЕНЬГИ*) – 2, *диссидент* (*ИНТЕЛЛИГЕНТ*), *Березовский* (*ОЛИГАРХ*) – 2, *Абрамович* (*ОЛИГАРХ*) – 2, *Ходарковский* (*ОЛИГАРХ*), *коррупция* (*ОЛИГАРХ*), *политик* (*ОЛИГАРХ*), *власть* (*ОЛИГАРХ*), *Смерть олигархам!* (*ОЛИГАРХ*), *власть* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *Путин* (*ПРЕЗИДЕНТ*) – 12, *государство* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *конституция* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *РФ* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *Дума* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *парламент* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *глава* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *России* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *главнокомандующий* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *Буш или Путин* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *указы* (*ПРЕЗИДЕНТ*), *начальник* (*ПРЕЗИДЕНТ*).

Сопоставим характеристики концепта «Власть», актуальные для наших испытуемых, с компонентами содержания этого концепта, установленными Е.И. Шейгал, А.П. Чудиновым и другими исследователями.

1) «Управление»: ассоциации **власть, указы, законы, политика, государство, конституция, РФ, Дума, парламент;**

2) «сила»: ассоциация **сила;**

3) «лица, входящие в органы государственного и местного самоуправления, начальство, администрация; лица, осуществляющие управление чем-либо, имеющие власть»: ассоциации **начальник, глава, олигарх, Путин (12), Буш или Путин, Березовский (2), Абрамович (2), Ходарковский, политик, главнокомандующий;**

4) «лица, не согласные с официальной властью, идеологией»: ассоциация **диссидент.**

В ассоциациях русских студентов проявилось представление о наличии тесной связи российской политики, властных структур со сферой бизнеса, деньгами (ассоциативные пары **бизнес – олигарх, бизнес – политика, деньги – сила (2), олигарх – политик, олигарх – власть, олигарх – коррупция**). Власть (в данном случае, скорее всего, имеется в виду российская власть) в сознании молодых оказывается зависимой, служит интересам ограниченной группы богатых людей (олигархов). Такое положение вещей оценивается негативно и вызывает протест у русских испытуемых (ассоциация **Смерть олигархам!**). В ассоциациях словаков рассматриваемой связи не прослеживается.

2.2.1.2. У словацких испытуемых концепт «Власть» представлен ассоциациями на слова-стимулы *OLIGARCH* и *PREZIDENT*. Это такие ассоциации, как: **tyran** ‘тиран’ (*OLIGARCH*), **vládca** ‘правитель’ (*OLIGARCH*) – 3, **vodca** ‘вождь’ (*OLIGARCH*), **mocnár** ‘сильный, могущественный человек’ (*OLIGARCH*), **Primaciálny palác** ‘Президентский дворец’ (*PREZIDENT*), **Gašparovič** ‘Гашпарович’ (*PREZIDENT*) – 2, **vládca** ‘правитель’ (*PREZIDENT*), **král** ‘король’ (*PREZIDENT*), **štát** ‘государство’ (*PREZIDENT*), **republiky** ‘республики’ (*PREZIDENT*), **politika** ‘политика’ (*PREZIDENT*), **občan** ‘гражданин’ (*PREZIDENT*), **hlava štátu** ‘глава государства’ (*PREZIDENT*) – 2, **hlava** ‘глава’ (*PREZIDENT*) – 2.

В ассоциациях словацких девушек актуализированы такие содержательные компоненты концепта «Власть», как

1) «управление»: ассоциации **Primaciálny palác** (‘Президентский дворец’), **štát** (‘государство’), **republiky** (‘республики’), **politika** (‘политика’), **občan** (‘гражданин’);

2) «сила»: ассоциация *mocnár* ('сильный, могущественный человек');

3) «лица, входящие в органы государственного и местного самоуправления, начальство, администрация; лица, осуществляющие управление чем-либо, имеющие власть»: ассоциации *tyran* ('тиран'), *vládca* ('правитель') – 3, *vodca* ('вождь'), *Gašparovič* ('Гашпарович') – 2, *král'* ('король'), *hlava štátu* ('глава государства') – 2, *hlava* ('глава') – 2.

2.2.1.3. Таким образом, у русских испытуемых отмечено больше ассоциаций, относящихся к концепту «Власть» (всего таких ассоциаций у русских 39, у словаков – 19). Кроме того, подобные ассоциации возникают у русских испытуемых на большее количество стимулов – всего на 6 слов-стимулов (*БЕЖЕНЕЦ*, *БИЗНЕС*, *ДЕНЬГИ*, *ПРЕЗИДЕНТ*, *ОЛИГАРХ*, *ИНТЕЛЛИГЕНТ*), в то время как у словацких испытуемых только на 2 слова-стимула (*OLIGARCH* и *PREZIDENT*).

2.2.2. Концепт «Бизнес».

На наш взгляд, слова-стимулы *БИЗНЕС* / *BIZNIS* отражают актуальное, довольно значимое явление современной действительности. Помимо ассоциативного поля этих слов-стимулов, содержание данного концепта позволяют уточнить ассоциативные поля слов-стимулов *ИМПОРТНЫЙ* (*IMPORTNÝ*), *КУПИТЬ* (*KÚPIŤ*), *РЕКЛАМА* (*REKLAMA*), *ДЕНЬГИ* (*PENIAZE*). Мы живем в эпоху рыночных отношений, когда деловые, финансовые взаимодействия между людьми часто выходят на первый план.

2.2.2.1. Рассмотрим ассоциативные поля слов-стимулов *БИЗНЕС*, *BIZNIS*.

Во-первых, бизнес – это *малое* или *крупное дело*, *фирма*, *podnikanie* ('предпринимательство'), которые приносят *деньги* (*peniaze*) и *обеспеченность*. Можно отметить реакции *магазин* (*obchod*), *фаст-фуд*, отражающие конкретные виды предпринимательской деятельности.

Во-вторых, бизнесом, как правило, занимаются *бизнесмен* (*podnikateľ*), *олигарх*, *леди*, *boháč* ('богатый человек'). Интересна синтагматическая реакция *леди*, которая отражает определенный стереотип, сложившийся в последнее время: бизнес-леди – это сильная, независимая, целеустремленная женщина, занимающаяся бизнесом.

В-третьих, у русских респондентов можно отметить связь стимула *БИЗНЕС* с экономикой и политикой. Это подтверждают реакции *банк* и *политика*. У словаков же стимул *BIZNIS* ассоциируется с Америкой (ассоциация *Amerika*), страной, имеющей достаточно высокий уровень развития экономики и, следовательно, развитой в сфере предпринимательства, бизнеса.

В-четвертых, словацкие испытуемые резко отрицательно характеризуют явление бизнеса с нравственной точки зрения (ассоциации *špinavý* ('грязный'), *zatratenie* (церк., 'утраченность, потеряность человека и его души для бога').

Для русских испытуемых достаточно показательно характеризует стимул *БИЗНЕС* ассоциация *бегать*. Понятно, что в сознании русских молодых людей бизнес связан с движением, суетой, деловыми переговорами, с динамикой и т. д., такая характеристика оказывается неотъемлемой чертой бизнеса в сознании русских респондентов.

2.2.2.2. Рассмотрим ассоциативные поля слов-стимулов *ДЕНЬГИ, PENIAZE*.

В данном случае закономерны ассоциации, обозначающие различные виды денег (*купюры, монеты, bankovku a mince* 'купюры и монеты', *доллар, евро, рубль*). Необходимо отметить, что реакция *доллар* оказалась у русских респондентов самой частотной. Можно предположить, что это связано с тем, что доллар является международной валютой, которая используется во многих странах. Кроме того, нами были выявлены синонимы слова «деньги», жаргонизмы *лавэ* и *бабло*, частота и сфера употребления которых значительно расширились в последнее время.

В реакциях русских и словацких респондентов отразились представления о различном использовании денег, их функциях. Деньги хранят в *кошельке, банке, банковском хранилище*, также деньги можно вложить в *золото*. Деньги, как правило, получают в виде *зарплаты* за какую-либо *работу (práca)*. Источником денег является либо предприятие (*podnik*), либо бизнес (*biznis*), приносящий прибыль (*zisk*). Деньги позволяют приобретать какое-либо имущество (*majetok*), покупать товары в *магазине (obchody)*. Для словацких испытуемых слово «деньги» также ассоциируется со сбором денег для бедных (реакция *charita* 'сбор денег для бедных').

Прослеживается разное отношение испытуемых к деньгам. Одни считают, что это необходимость (*nutnosť*), деньги нужны (*potrebne*), без них трудно обойтись в жизни (*dôležité* 'важны'). Другие полагают, что деньги приносят *богатство (bohatstvo)* и *успех*; когда есть деньги, это *хорошо*, потому что деньги (особенно если их *много*) – это *сила, безопасность (bezpečie)*. Для остальных испытуемых деньги – это *зло*; страсть к деньгам, по их мнению, приводит к одиночеству (*samota*), различного рода проблемам (*problémy*); наличие денег оказывается проходящим (реакция *nenadолго*).

Отметим наличие специфической для русского языка синтагматической реакции **бешеные** на стимул **ДЕНЬГИ**, а также наличие ассоциативных пар **ДЕНЬГИ – время**, **PENIAZE – čas**, которые воспроизводят известный афоризм Б. Франклина «время – деньги».

2.2.2.3. Стимулы **КУПИТЬ**, **KÚPIT'** также соотносятся с чрезвычайно значимой в наше время сферой бизнеса, торговли, рыночной экономикой.

Естественно, что на данные стимулы встречаются реакции, являющиеся синонимами и антонимами данных слов, а именно ассоциации **продать (predat')**, **приобрести**, **zadovázit'** ('раздобыть, достать').

Кроме того, стимул **КУПИТЬ** предполагает то, что человек чаще всего приобретает что-то *новое*. Обычно покупателю не нравятся старые и изношенные вещи, конечно, если это не коллекционер или консерватор.

Можно купить различные **товары (tovar)**, какую-нибудь **вещь**, подарок (**darček**), сделать необходимые покупки (реакция **nákup** 'покупки'), а также можно купить продукты (**potraviny**), **еду**, другие, более конкретные предметы, а именно **шарф**, **яблоко**, **мыло**, **водки**, **žaty** ('платье'), **knihu** ('книгу'), **chlieb** ('хлеб'), **vstupenku** ('входной билет').

Купить что-либо можно с помощью **денег**, **монет**, а сделать это каждый сможет в **магазине**, в одном из мест, где происходит повседневная купля/продажа товаров.

Совершение покупки вызывает у людей разные эмоции и чувства: кто-то испытывает **приятные ощущения** и **радуется**, а кто-то находится в затруднении, сомневается (**nerozhodnosť** 'нерешительность'). Последнее неудивительно, так как в условиях огромного разнообразия товаров и услуг покупателю часто бывает трудно сделать выбор.

2.2.2.4. В современном обществе немаловажным предстает такое явление, как **РЕКЛАМА (REKLAMA)**. Для кого-то это одно из средств больше продать и заработать, для других это незаменимый помощник при выборе необходимой вещи, а для кого-то это ежедневно навязываемый поток информации, вызывающий раздражение и даже ненависть.

Источником рекламной информации служит, прежде всего, телевидение (реакции **телевидenie**, **televízia**, **телевизор**, **televízor**, **telka**, **na TV**). Рекламу также размещают на плакатах и щитах (реакции **на щитах**, **плакаты**, **щит**), всевозможные рекламные предложения и сообщения практически повсюду преследуют человека (реакции **предложение**, **сообщение**).

Обычно рекламируют какой-либо **товар**, например, **сигареты, памперсы, эрмугурт, film**.

Необходимо отметить, что русскими и словацкими молодыми людьми реклама оценивается резко отрицательно. Она, являясь **многочисленной, мелькает** повсюду. Поэтому неудивительно, что реклама многим **надоела (надоедливая)**. По представлениям русских и словацких респондентов, рекламная информация ложна (**klamlivá** ‘лживая’), это **шум, вранье**, обман (**klamstvo, klam**), кич (**gíč**), неправда (**nepravda**). Реклама оказывает **негативное воздействие (pôsobenie)**, отравляет жизнь (**otrava** ‘отравление’), **уничтожает мозг**.

Реклама – один из неотъемлемых атрибутов рыночной экономики: производитель товара, используя рекламу, провоцирует потребителей на то, чтобы они тратили свои **деньги (peniaze)**.

На слова-стимулы **РЕКЛАМА, REKLAMA** встречаются разнообразные тематические ассоциации (**блок, пиар, языковая игра, reklamovat’ niečo** ‘рекламировать что-либо’, **prezentácia** ‘презентация’, **farba** ‘цвет’, **marketing** ‘маркетинг’), что подтверждает особую актуальность данного явления как для русских, так и для словацких испытуемых.

2.2.2.5. Слово-стимул **ИМПОРТНЫЙ (IMPORTNÝ)** также вписывается в современную систему торговых отношений, которые насквозь пронизывают нашу жизнь. Наверно, трудно найти такого человека, который бы не пользовался импортной техникой, не покупал вещи, привезенные из-за границы и т.д. Стимул **ИМПОРТНЫЙ (IMPORTNÝ)** предстает в сознании испытуемых следующим образом.

Импортный – это **нерусский, иностранный, заграничный, зарубежный, dovozný** (‘ввозной, привозной’). Данные реакции являются синонимами (чаще всего неполными) слова «импортный» и связаны с понятием ввоза/вывоза товара. К подобного рода ассоциациям примыкают также реакции **экспортный, vývoz** (‘вывоз, экспорт’), **prenos** (‘перенос’), **export** (‘перенос, экспорт’), **заграница**.

Импортным, по представлениям русских испытуемых может быть любой **товар**, в том числе **окобочка**.

Встречаются следующие характеристики импортного **товара: качественный, дорогой, красивый, модный, валютный**. Из данных реакций мы видим, что импортная вещь внушает доверие современным покупателям, несмотря даже на то, что она **дорогая**. Дороговизна импортной покупки скрашивается ее **качеством**. К тому же импортная вещь **красивая и модная**, а это немаловажно для молодых, идущих в ногу со временем и модой.

Нужно отметить, что слово-стимул *ИМПОРТНЫЙ* связано с *Китаем, китайским*. Такие реакции вполне объяснимы тем, что в последнее время не только в России, но и во многих других странах прилавки магазинов переполнены товарами из Китая.

Таким образом, «импортный» для русских и словацких испытуемых является вполне привычной реальией.

3. Интерпретация различий в представлениях русских и словаков об актуальных социальных явлениях.

В целом наши испытуемые дают сходные ассоциации на предъявленные им слова-стимулы.

3.1. В ассоциациях русских и словацких испытуемых часто встречаются «семантически эквивалентные» реакции. Это такие русские и словацкие слова, которые имеют сходное лексическое значение и похожее психологическое значение в сознании носителей русского и словацкого языков. Семантически эквивалентные реакции приведены в таблице 1. В первой колонке указан стимул, во второй – реакции на него, полученные от русских испытуемых, в третьей – реакции словаков.

Таблица 1

**Семантически эквивалентные ассоциации
русских и словаков**

Стимул	Реакции русских	Реакции словаков
<i>БИЗНЕС / BIZNIS</i>	<i>деньги (14)</i>	<i>peniaze (6)</i>
	<i>бизнесмен (3)</i>	<i>podnikatel'</i>
	<i>магазин</i>	<i>obchod (3)</i>
<i>ГАЗЕТА / NOVINY</i>	<i>бумага (4)</i>	<i>papier (3)</i>
	<i>журнал (3)</i>	<i>časopis</i>
	<i>информация (3)</i>	<i>informácie (3)</i>
	<i>новости</i>	<i>nové správy</i>
<i>ДЕНЬГИ / PENIAZE</i>	<i>купюры</i>	<i>bankovky</i>
	<i>время</i>	<i>čas</i>
	<i>богатство</i>	<i>bohatstvo (2)</i>
<i>ЖАРГОН / ŽARGÓN</i>	<i>сленг (6)</i>	<i>slang (2)</i>
	<i>язык</i>	<i>jazyk (2)</i>
<i>ИМПОРТНЫЙ / IMPORTNÝ</i>	<i>товар (7)</i>	<i>tovar (3)</i>
	<i>заграница (3)</i>	<i>zahraničie</i>
<i>ИНТЕЛЛИГЕНТ / INTELIGENT</i>	<i>умный (5)</i>	<i>múdry (2)</i>
	<i>очки (2)</i>	<i>okuliare (3)</i>
	<i>образованный</i>	<i>vzdelaný</i>

КОМПЬЮТЕР / POČÍTAČ	Интернет (5)	Internet (4)
	техника (4)	technika
	монитор (3)	monitor
	прогресс	pokrok
КУПИТЬ / KÚPIŤ	деньги (8)	peniaze (4)
	магазин (3)	obchod (2)

На наш взгляд, такого рода реакции вполне естественны и предсказуемы, поскольку мы исследуем представления народов славянской культуры, носителей родственных языков.

3.2. Перейдем к обсуждению различий. Нами были выделены условные семантические группы реакций, полученных от русских и словаков на стимулы, обозначающие социально значимые явления. Необходимо отметить, что мы обнаружили значительное сходство в наполнении данных семантических групп реакций у русских и словаков. Различия же обычно касаются каких-либо деталей в представлении русских и словацких испытуемых о том или ином явлении. Остановимся подробнее на немногочисленных, но, как нам кажется, значимых различиях.

3.2.1. Отличие представления русских о бизнесе состоит в том, что бизнес неизменно в сознании русских связывается со сферой политики (реакции *олигарх*, *политика* на стимул *БИЗНЕС*, реакция *бизнес* (2) на стимул *ОЛИГАРХ*). В сознании словаков бизнес и политика между собой непосредственно не связаны.

3.2.2. Особую культурную и идеологическую нагрузку имеет у русских слово *ИНТЕЛЛИГЕНТ*, что выражается в реакциях *Санкт-Петербург, XIX век, Советский Союз*, а кроме того, в специфичной, характерной только для русского языка реакции *вишневый*: отсылка к презрительному отношению к интеллигентам, сформировавшемуся в определенный период российской истории.

3.2.3. Также нами были выявлены кардинальные различия в ассоциациях русских и словаков на слова-стимулы *ОЛИГАРХ* / *OLIGARCH*. Можно сказать, что слово *OLIGARCH* обозначает явление, которое не является для словаков актуальным, социально значимым. Обратим особое внимание на наличие 7 неадекватных реакций словаков на стимул *OLIGARCH*. Адекватные реакции словацких испытуемых представляют собой общие определения и характеристики правителей данного типа. В словацких ассоциациях, в частности, не прослеживается проецирование данного явления на их собственную страну, Словакию (реакции *tyran* ‘тиран’, *vládca* ‘правитель’ (3), *vodca* ‘вождь’, *chudoba* ‘бедность’, *bohatý* ‘богатый’, *povyšenosť* ‘гордость,

высокомерие', *mocnár* 'сильный, могущественный человек', *smotánka* 'сливки общества' на слово-стимул *OLIGARCH*). У русских испытуемых, напротив, отмечается наличие семантически разнообразных реакций на стимул *ОЛИГАРХ*, а также ассоциаций, непосредственно проецирующих данное явление на российскую действительность (например, ассоциации *Березовский* (2), *Абрамович* (2), *Ходарковский*).

4. Основные выводы.

Подведем итоги исследования. Наша гипотеза не подтвердилась: в целом русские и словацкие испытуемые имеют сходные представления о социально значимых явлениях действительности, например, таких, как бизнес, реклама, деньги. Выявленные нами различия данных представлений имеют, скорее, частный характер (например, связь сфер политики и бизнеса, представления об интеллигенте и олигархе в сознании русских испытуемых).

На наш взгляд, значительное сходство представлений русской и словацкой молодежи о социально значимых явлениях действительности обусловлено сходством социально-экономических условий, сложившихся за последние годы в России и Словакии, одинаковыми проблемами переходного периода от социализма к капитализму.

Необходимо отметить, что данные нашего ассоциативного эксперимента с русскими молодыми людьми дают основания считать, что лексическое значение слов *ОЛИГАРХ* и *БИЗНЕС* в русском языке изменилось под влиянием экстралингвистических факторов. Установление конкретных сдвигов в семантике слов – задача следующего исследования.

Литература

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2004.

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Толковый словарь русского общего жаргона: Слова, с которыми мы все встречались. М., 1999.

Кибанова А.А. Актуальные концепты в сознании молодых россиян // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2006. С. 50-56.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2001.

Овчинникова И.Г. Дихотомия «свой-чужой» в сознании молодых россиян (по материалам ассоциативного эксперимента) // Международная научная конференция «Советская культура в современном социопространстве: трансформации и перспективы» 21-23 октября 2008 года. Екатеринбург, 2008. // <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1593/1/Par...> –

Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. С. 177-202.

Стернин И.А. Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики. № 5, 2007. С. 33-41.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Скляревской Г.Н. СПб: «Фолио-Пресс», 2002.

Черепанова Л.Л. Дискурс региональных СМИ: психолингвистический аспект. АКД. Пермь, 2007.

Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // «Коммуникативные исследования 2003: современная антология». Волгоград, 2003.

Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. – С. 66-88.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Образные номинации грибов в лексике и фразеологии пермских говоров

Л.А. Пермякова

В последние десятилетия в области диалектологии произошли значительные изменения в подходах к изучению лексики и фразеологии. От выявления тематических групп, вариативности номинаций, проведения сравнительно-сопоставительного анализа, выявления проникновения местных говоров в общепотребительную лексику, причем на местном и общерусском уровнях, что ограничивало возможности изучения, наметился переход к постижению глубинных связей и отношений в природе. В центре внимания лингвистов оказалась деятельность человека, обеспечивающая ему ориентацию в мире, познание и понимание процессов, происходящих во внешнем и внутреннем мире. Благодаря этому стали вскрываться глубинные структуры, за ними – скрытые смыслы, закономерности появления тех или иных номинаций, возродился интерес к метафоре, образным названиям. Они стали рассматриваться как способ создания языковой картины мира, способ создания новых концептов, которые возникают благодаря способу мышления, базирующемуся на добытом знании, на человеческом опыте, когда соизмеряются разные сущности и появляются новые смыслы, новые понятия, новые значения [Телия, 1988, 3]. Это открыло пути для новых исследований, особенно номинаций объектов природы (названий птиц, растений, животных), среди которых корпус миконимической лексики пермских говоров занимает одно из основных мест: одни и те же номинации грибов различны как по произношению, так и по значению.

В данной статье предпринята попытка выявить образные номинации грибов в лексике и фразеологии пермских говоров. Материалом исследования явились данные двух словарей пермских говоров: «Словаря пермских говоров» и «Фразеологического словаря пермских говоров» К.Н. Прокошевой, а также материалы научно-исследовательской работы, направленной на изучение влияния говоров жителей Ильинского района на культуру устной и письменной речи учащихся, проводимой на протяжении ряда лет автором статьи.

В ходе работы по выявлению корпуса миконимической лексики выяснилось, что в лексике и фразеологии пермских говоров образные номинации представлены довольно широко. Они позволяют реализовать двуплановое содержание, выразить представление о

называемом явлении действительности в ассоциативной связи с другим явлением, поскольку во внутренней форме слова, словосочетании реализованы возможности человеческого мышления, образное восприятие мира [Журавлев, 2005, 128]. На эту особенность указывает и автор «Очерков по русской народной номенклатуре растений» В.А. Меркулова: «Если идти от названий одного какого-либо вида в разных языках, то можно обнаружить, что выделяемые признаки повторяются» [Меркулова, 1967, 158]. Для номинации миконимов характерно наличие большого количества названий одной и той же реалии. Грибы часто наделяются мистической силой, обладают эротической символикой. Их названия выполняют ряд функций: номинативную, ассоциативно-образную, экспрессивно-оценочную и концептуальную.

Так, с той или иной степенью сохранности на территории края устойчивы такие номинации грибов, как *зуба* – ‘гриб’, *скрипун* – ‘несъедобный гриб’, *волвенка*, *волва́нка*, *волжанка*, *волженка* – ‘гриб волнушка’, *грузель* – ‘груздь’, *путьик* – ‘грибы: гладыш, серушка, млечник блеклый’, *черноды́рник* – ‘черный груздь’, *лупенники* – ‘грибы маслята’, *ухо* – ‘гриб типа рыжиков’, *чернозубы* – ‘грибы подосиновики’, *желти́к*, *желто́вик*, *желтя́к* – ‘желтый груздь’ [СПГ, 2000 – 2002: 191, 114, 189, 248, 527, 493, 487, 527, 257]. Эти названия грибов выполняют номинативную функцию. Мотивированность большинства из них – связь между словами и вещами – выявлена [Блинова, 2007, 128]. Например, *волну́шка* – этимологически от *волни́* ‘шерсть’ – носителями языка в настоящее время осознается как ‘гриб с волнистым краем шляпки’; *путьик* – ‘гриб, растущий вдоль тропинок’; *скрипун* – ‘гриб, отличающийся эластичностью, для которого характерен скрип, когда его ломают’; *болото́вик* – ‘гриб желтого цвета, растущий на сырых, болотистых местах’; *соля́нки* – ‘собирательное название грибов, идущих на засолку’.

Наибольший интерес представляют названия грибов, выполняющих ассоциативно-образную, экспрессивно-оценочную функцию. Носители языка, называя тот или иной гриб, давали ему тем самым характеристику, вносили в лексическую форму дополнительный смысл, который наиболее точен и содержит опыт народа, его видение данного предмета сквозь призму других предметов и явлений. В естественном языке пермских говоров образные номинации грибов часто возникали благодаря сравнению грибов с уже существующими реалиями действительности. Приземистые, круглые, с плоской шляпкой грибы ассоциировались у

носителей языка, вероятно, с образом купца, и поэтому были названы *купчиками*. Возникла образная номинация, уменьшительно-ласкательная форма которой наиболее точно передает смысл названия данного гриба. Или – *появышек* – ‘гриб, первым выходящий из-под земли’. Более точного названия, наверное, вряд ли можно найти: *появиться* – ‘возникнуть перед глазами, показаться’ [ТСРЯ, 2003, 576]. Сегмент *-ышек* вносит оттенок трогательного, трепетного отношения к первым грибам, когда с наступлением тепла в природе все идет своим чередом и растительный мир радуется пробуждением жизни. *Старым обабком* называли мужчину, который долго не женится (ср. *старый пень*), *рыжиком* – обладателя рыжих волос, в отдельных территориях – нарушителя верности в любви. Взаимопроникновение лексических единиц в номинациях грибов и людей встречается довольно часто: *ивднушко* – ‘гриб моховик темно-бурый’ [СПГ, 2000, 337]; *гаврины губы* – ‘съедобные грибы’ [ФСПГ, 2002, 93].

Издавна грибы ассоциировались с неудачей, часто наделялись мистической силой. Известны случаи применения слова *гриб* как символа того света: *много грибов* – *много гробов* (в говорах Карагайского района). С ними соотносился мотив супружеской измены: *рыжики жэчь* – ‘делать известной измену одного из влюбленных’, *наварить грибов* – ‘изменить кому-либо в любви’ [СРНГ, 1965, 305]. Эти же мотивы находят отражение и во фразеологии: *рыжики ломать* – ‘целоваться’.

Опыт народа, его понимание опасности грибов, если проявить неосторожность, легли в основу следующих лексических единиц: *поймать грибы* – ‘заболеть гриппом’ [ФСПГ, 2002, 283], *грибовать* – ‘болеть гриппом, грипповать’ [СПГ, 2000, 188]; *гриб съест* – ‘озадачиться, неожиданно замолчать’, ‘не получить, не добиться ожидаемого, обмануться, потерпеть неудачу’, *грибниться* – ‘хмуриться, дуться, быть постоянно недовольным’ [СРНГ, 1965, 139]. Или, к примеру, образное выражение – *не солить грибы* – ‘не иметь с кем-либо ничего общего’.

Истари считалось, что запас продуктов впрок, их засолка – основа благополучия семьи, уверенности в завтрашнем дне. Отсюда и образное выражение, возникшее на основе сопоставления, сравнения, но от противоположного – «не солить» – жить врозь, разными интересами. Выражение *губники стряпать* ‘дуться, сердиться’ первоначально возникло от диалектного слова *губы* ‘грибы’. Вследствие структурной мотивации появилась новая лексическая форма слова – *губ-ники* (ср. варе-ники). Глагол *стряпать* в обиходно-

бытовой лексике пермских говоров чаще означает ‘кормить скот, ухаживать за ним’. В сочетании он приобретает новый смысл, напоминает известное выражение *скв́дсить губы, раскв́дсить губы* – ‘опечалиться, расстроиться, даже заплакать’; *вы́лупить губы* ‘выразить неудовольствие, надуться’ [ФСПГ, 2002, 69, 350, 364,].

Отличительной особенностью номинаций грибов является большое количество названий одного и того же гриба. Свойство дождевого гриба, мякоть которого при высыхании превращается в темную пыль, отражено в образных номинациях: *ба́ня, лягу́шья ба́ня, медве́жья ба́ня, во́лчий табáк, табáчий гри́б, порхо́вка, де́душкин табáк*. Изначально эти грибы объединял один признак: «Все они, созрев, становятся вместилищами мелкой легковесной пыли» [Меркулова, 1965, 4]. Подобная множественность связана с многообразием семантических моделей, с большой реализацией словообразовательного потенциала в говорах. По форме дождевой гриб грибом и не назывешь, но носители языка, вероятно, обратили внимание на то, что растет он на заболоченных местах, либо там, где сырость и моховые кочки, водная стихия. В таких местах и водятся лягушки. Да и цвет у гриба болотный, темно-зеленый, отсюда – *ба́ня, лягу́шья ба́ня*. Наступишь на такой гриб – повалит дым, как из бани, пройдет немного времени – он снова увеличивается в размерах, разбухает, надувается – подобное свойство чаще приписывается жабам, лягушкам. «Названия жабы и лягушки – земноводных «чудищ», издавна поражающих воображение человека, являются неисчерпаемым источником как мифологических отождествлений, так и «живых» метафор» [Блинова, 2007, 311].

Компоненты *во́лчий, ворóний* встречаются в названиях растений, ягод и указывают на то, что их не употребляют в пищу [Меркулова, 1967, 157]. По аналогии возникли номинации *собáчьи губы, пу́стые губы, петушкí, скри́пунýи, звóнкие губы* – ‘несъедобные грибы’. Примечательно, что и несъедобные ягоды в народе называют тоже *собáчьи я́годы, во́лчьи я́годы*. Корнями данные номинации уходят в устное народное творчество, когда медведь, волк были хозяевами леса, наделялись темной силой.

Свойство гриба – дымить – соотносилось с табаком, курением, поэтому *де́душкин табáк, табáчий гри́б*. В одной из отдаленных деревень Ильинского района есть своя легенда о появлении номинации *медве́жий табáк*: старожилы района бывали свидетелями того, как медведь, чтобы вывести блох (подшерстных вредителей), катался по поляне, усеянной дождевыми грибами. Поднималась пыль, медведь стряхивал ее с себя и убегал в лес.

Следует заметить, что в основном образные номинации грибов возникают на основе следующих признаков: цвета, формы, свойства гриба, места и времени произрастания. В этом отношении было бы небезынтересным обратиться к еще одной номинации гриба – *мбст* ‘скопление, гнездо грибов’. Номинация служит названием конкретного вида грибов – рыжиков, груздей, именно для них характерна кучность произрастания. Часто можно наблюдать семантическое расширение: от диалектного *мост* (грибов) до образного *поляна* (грибов).

Таким образом, миконимы – это реликтовый пласт лексики и фразеологии пермских говоров, в котором образные номинации занимают значительное место и являются материалом для глубокого исследования, так как представляют собой достояние носителя, по-особому видящего и рисующего мир. На всех значимых уровнях языковой структуры: на лексическом, синтаксическом, морфемном, когда идет пополнение словарного запаса, появляются новые смыслы слов, образуются новые словоформы и целостные сочетания, – они концептуально отображают мир природы и человека, внося особый колорит в обиходно-бытовую речь и выполняя коммуникативную функцию, в художественной литературе – существенно дополняя характеристику персонажа, являющегося носителем живой речи региона.

Литература (с использованными сокращениями)

Березович Е.Л. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду.

Афанасьева А.Н. Поэтические воззрения на природу. – М., Индик, 2005.

Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – Томск, ТГУ, 2-е издание, 2007.

Журавлев А.Ф. Язык и традиционная культура. – М., Индик, 2007.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. – М., 1967.

Меркулова В.А. Происхождение названий дикорастущих съедобных растений в русских говорах. Дис. ... канд. филол. наук – М., 1965.

ТСРЯ – *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. 4-е издание. – М., 2003.

ФСПГ – *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских

говоров. – П., ПГПУ, 2005.

СПГ – Словарь пермских говоров в 2-х т. – П., ПГПУ, 2000-2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л., 1965. Вып. 1 (СРНГ).

Морфосемантическое поле «идти» (коммуникативный и лингвокультурологический аспекты)

С.М. Поздеева

На рубеже XX-XXI веков одним из наиболее заметных движений в отечественной филологии стало обращение к вопросу о взаимодействии языка и культуры. На сегодняшний день имеется огромное количество работ, посвященных данной проблематике. При этом среди них преобладают лексикологические исследования: для лингвистов слово и фразеологизм становятся основным источником культурологической информации. Изучение языка в непосредственном контакте с обрядовым, культурным контекстом проводится в большинстве случаев на примере наиболее семиотизированных участков языка и речи: лексическом и фразеологическом материале либо фольклорных и художественных текстах. Менее введены в научный оборот этнолингвистические интерпретации других языковых единиц: морфем и предложений. Недостаточно исследованными остаются вопросы порождения культурной семантики текстов разных речевых разновидностей, в особенности текстов, не относящихся к художественным или фольклорным.

Данное исследование затрагивает вопросы текстопорождения, зависимости языковой оформленности речи от внеречевой действительности: коммуникации, культуры, особенностей сознания. Связь языка и культуры демонстрируется на примере развития морфосемантического поля «идти» в текстах религиозного и разговорного стилей. Под морфосемантическим полем понимается ряд слов, для которых «помимо семантической близости характерно наличие общего аффикса или основы» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1999, 381]. Материалом для исследования были выбраны опубликованные тексты проповедей Александра Меня и записанные в 2007-2008 гг. во время экспедиций тексты разговорной диалектной речи старообрядцев часовенного согласия, проживающих на территории Южного Прикамья.

Теоретической базой для исследования послужили труды по функциональной стилистике М.Н. Кожиной, В.Г. Гака, В.А. Салимовского, по этнолингвистике Н.И. Толстого, Т.И. Вендиной, И.А. Подюкова, по словообразованию О.И. Блиновой, П.А. Катышева, Е.А. Нефедовой и др.

Определение обусловленности морфосемантической представленности текстов разных речевых разновидностей от особенностей коммуникации и этнокультурного контекста производится посредством решения следующих задач: 1) установления состава глаголов морфосемантического поля «идти», частоты их употребления, а также отдельных их значений в текстах религиозного и разговорного стилей; 2) выявления особенностей синтагматической семантики глаголов, связанных с глаголом *идти*, в проповедях и текстах диалектоносителей; 3) соотнесения особенностей морфосемантических полей с экстралингвистическими основами речи, изучения принципов отбора языковых единиц в различных сферах общения; 4) сопоставления двух разновидностей речи по указанным аспектам, обобщения наблюдений над закономерностями функционирования глаголов морфосемантического поля «идти» в речевой действительности.

Как показывает материал, в текстах религиозного и разговорного стилей используется лишь часть лексикосемантического потенциала языка, наблюдается неполнота в представленности деривационных отношений. При этом степень разнообразия словарного состава и морфосемантического развития лексем разных функциональных стилей различна.

По сравнению с речью религиозной сферы в разговорной речи состав глаголов морфосемантического поля «идти» более широк и разнообразен. В проповедях Александра Меня встречается глагол *идти* и 13 его производных, в разговорной речи старообрядцев производных от глагола *идти* зафиксировано на 6 глаголов больше. В религиозных текстах не встречаются глаголы *зайти*, *обойти*, *перейти*, *перейтись*, *прийтись*, *сойтись*, *разойтись*. Бóльшая развитость морфосемантического поля «идти» в текстах разговорного стиля объясняется бóльшей динамичностью и функциональностью разговорной речи. Разговорная речь призвана в процессе непосредственного общения отражать все многообразие мира и человека, в то время как религиозная речь воспитательно-назидательного характера ограничивается исключительно сферой взаимоотношений Бога и человека.

При этом отмечается разница в частотности употребления глаголов движения: одни глаголы и их значения оказываются более частотными, другие менее частотными. В религиозных текстах по частоте употребления глаголы располагаются в следующей последовательности: *прийти* – 64 употребления, *идти* – 40, *пойти* – 20, *пройти* – 10, *войти* – 8, *сойти* – 6, *подойти* – 6, *произойти* – 3,

выйти – 3, *взойти* – 2, *уйти* – 2, *дойти* – 1, *отойти* – 1, *изойти* – 1. В устной разговорной речи ряд частотности глаголов выглядит следующим образом: *прийти* – 188 употреблений, *идти* – 177, *пойти* – 143, *выйти* – 55, *пройти* – 51, *уйти* – 47, *зайти* – 22, *подойти* – 14, *перейти* – 9, *обойти* – 7, *сойтись* – 7, *дойти* – 5, *прийтись* – 5, *войти* – 4, *отойти* – 4, *разойтись* – 4, *взойти* – 2, *сойти* – 2, *перейтись* – 1, *произойти* – 1.

Схожесть в лексической оформленности рядов (совпадение наиболее частотных лексем) объясняется частичной общностью коммуникативных задач текстов религиозного и разговорного характера. Главная цель текстов проповедей – доказать реальное существование Бога через наглядное описание действий лиц библейской истории, в первую очередь в русской культуре – Иисуса Христа. Цель текстов разговорного стиля – обменяться информацией о жизни людей, давая реальное описание их действий, движений, мыслей и т.д.

Антропоцентричность религиозного и обыденного сознания определяет использование глаголов движения преимущественно в прямом, конкретном значении. Из контекстов глагола *идти* и его производных видно, что религиозное и традиционное сознание связывает движение с помощью ног прежде всего с человеком. Хотя присущий традиционному сознанию мифологизм определяет особенность синтагматических связей глаголов движения. В текстах разговорного стиля в отличие от текстов религиозного стиля движется с помощью ног не только Бог и человек, но и антропоморфные персонажи: леший, покойник, болезнь, человеческая душа, а также животные (*Как вечер, **леший** по той стороне реки **идёт**, рукавицы у него, нашлаккиват, высокий; Дорожку застилают умершему, он по ним **идёт***. Кишертский район).

Помимо совпадений в рядах частотности наблюдаются отличия. Как видно, для текстов разговорного стиля актуальным оказывается глагол *уйти* (6 место в ряду). В религиозных же текстах глагол *уйти* занимает периферийное положение (11 место в ряду). Подобное расхождение объясняется нагруженностью отрицательными смыслами в религиозной сфере процесса ухода. В религиозной культуре наибольшую ценность получает приход человека к Богу, поэтому уход человека от Бога или Бога от человека оценивается отрицательно. Подобные культурные коннотации определяют употребительность в текстах проповедей глагола *прийти* и, наоборот, редкость глагола *уйти*.

В традиционной же культуре «уход» воспринимается как одна из форм движения человека или других антропоморфных существ. Отрицательные коннотации являются частью обыденной речи, в связи с этим глагол **уйти** также достаточно употребителен (*Вот сёдне душенька на определённое место ушла, определилась на свое место, чё заслужила, то и получит.* Кишертский район).

Подобными коммуникативными задачами и культурными функциями можно объяснить разность частотности глагола **сойти**. Данный глагол достаточно часто встречается в проповедях и оказывается чрезвычайно важным для передачи сакрального действия – сошествия Иисуса Христа на землю и человека (*Наша украсит и сердце, чтобы туда сошел огонь Духа Божия* [Проповеди протоиерея Александра Меня, 1991, 61]). В речи диалектоносителя процесс сошествия Бога утрачивает первоочередную значимость, в разговорной речи глагол **сойти** используется исключительно в бытовом значении ‘исчезнуть с поверхности’ (*Говорят, что сорок грехов сойдёт, кто моет; Чистотелом мазал бородавки. И не заметил, как сошло у него всё.*), занимая 17, или 3 место с конца в ряду частотности.

Разные коммуникативные задачи определенных речевых разновидностей задают разность в развитии семантики, полисемии у глаголов морфосемантического поля «идти». Разнообразие содержания текстов разговорного стиля определяют широту контекстов глаголов движения, что приводит, как правило, к развитию более широкого спектра значений у глаголов движения. Например, глагол **идти** в разговорном стиле развивает 11 значений, в религиозном стиле – 5; глагол **пойти** в разговорном стиле – 6 значений, в религиозном – 2, глагол **выйти** в разговорном стиле – 5 значений, в религиозном – 3.

Менее распространенными оказываются случаи, когда глаголы движения в текстах религиозного стиля актуализируют большее количество значений. В любом случае особенности семантического развития определяются функциями данных языковых единиц в речи. Продемонстрируем зависимость семантического развития слов от экстралингвистических факторов на примере глагола **прийти**.

В религиозной речи глагол **прийти** актуализирует пять значений, в разговорной речи – только два. В проповедях наиболее частотным оказывается лексико-семантический вариант **прийти** – ‘идя, достигнуть чего-нибудь, явиться куда-нибудь’ (40 употреблений). Типичной для проповедей является связь глагола **прийти** в прямом, первичном его значении с деятелем Иисусом

Христом или другими библейскими персонажами (*Вошёл **Господь Иисус** в Иерусалим и **пришёл** в так называемую Овечью купель, в место печальное, нечистое, где лежали больные, где было много язычников* [Проповеди протоирея Александра Меня, 1991, 49]). Наиболее широкая представленность глагола **прийти** в прямом значении обусловлена одной из главных задач религиозных коммуникаций – убедить человека в реальности Бога-человека, рассказав о его земном периоде жизни.

Другая – воспитательная, назидательная – функция текстов религиозного характера диктует актуализацию, развитие этических смыслов. Помимо прямого значения, глагол **прийти** в проповедях используется в переносном значении: *Кто сказал себе: «Ну вот, я достиг всего, что нужно, – я никого не убивал, не грабил, не нарушал никаких других заповедей – все у меня хорошо», – тот не придет к **Господу*** [Проповеди протоирея Александра Меня, 1991, 8]. Дополнительные этические смыслы ‘достигнуть нравственного совершенства’ глагол **прийти** развивает в сочетании с сакральными именами (***Бог, Господь, Иисус Христос, Дух Господен***), которые осмысливаются в религиозной культуре как типы нравственного совершенства. Аналогом божественных существ в текстах могут выступать отвлеченные понятия: ***Божья любовь, небесная любовь, Божественная сила Господня*** и др.

Третьим значением у глагола **прийти**, актуализированным в текстах проповедей, становится значение ‘наступить, настать, возникнуть’ (19 употреблений). Развитие данного значения у глагола **прийти** обусловлено важностью в религиозной культуре прихода Царствия Божия – времени встречи человека с Богом. Обращенность христианства к внутреннему миру человека служит основой для развития значений: ‘оказаться в каком-либо состоянии’ (***прийти к смирению***), во фразеологизме ***прийти в себя*** – ‘прийти в чувства, сознание’.

В отличие от текстов религиозного стиля в разговорной речи диалектоносителей зафиксировано лишь два значения глагола **прийти**: ‘идя, достигнуть чего-нибудь, явиться куда-нибудь’ (***Вечером я домой пришла***), ‘наступить, настать, возникнуть’ (***И точно пришла война, как в руку, и Степана-то расстреляли***), что продиктовано традиционностью народного мышления: движутся существа и время.

Структурно-семантической особенностью текстов разговорного стиля является участие глаголов морфосемантического поля «идти» в формировании фразеологических единиц с бытовыми, обрядовыми смыслами: ***идти в армию, идти замуж, идти на суд, идти не домой,***

идти хороводом, идти по матице, идти на благословение, идти на покой, идти в запуск (о корове), *выйти на росстань, не в свой дом выйти, тишинкам выйти, пойти под венец, пойти без венца, не ко двору прийти* (о животных), *в долгушу уйти, уйти с родной печи, в пропасть уйти*.

В отличие от религиозных текстов в разговорной речи глаголы морфосемантического поля «идти» формируют не только положительную семантику (выражение пожелания благодати *Иди с Богом!*), но и используются для передачи отрицательных смыслов (бранное выражение *Иди к лешему!*). В религиозной же речи глаголы движения участвуют преимущественно в развитии положительной семантики: *идти за Господом, идти к Богу, идти к возделенному Свету*.

При разности значений в текстах разных речевых разновидностей отмечается сходство в развитии семантики глаголов движения. Для текстов проповедей и текстов разговорной речи старообрядцев свойственна устойчивая связь глаголов движения с дорогой и развитием у этих единиц экзистенциальных значений. В религиозных текстах достаточно частотны описание земного существования, жизненного пути человека в выражениях: *идти в дальнейший путь, пойти по своему пути, пройти путь*. Подобные ассоциации закреплены в следующих выражениях старообрядцев: *идти по божьему пути* – ‘жить по заповедям божьим’ (*Я в последнее время посмотрю на вас. Кто идёт по божьему пути, он так божий и останется* д. Бырма Кишертского района), *идти кверху* – ‘жить по божьим законам в греховном мире, приближаться к жизни с Богом в потустороннем мире’ (*И я этот дом увидела, хороший дом, пятистенный, стоит высоко на горе. А мне ещё идти кверху, кверху идти ещё тяжельше. Вот мама померла, а я иду ещё. Ещё не дошла. Половину пути прошла, половину ещё идти*), *идти на спасеньё* – ‘жить без греха’ (*Тут одна старуха была, вообще пенсию не получала: шла на спасеньё. Душу спасат, чтобы грехов не было никаких*. д. Бырма Кишертского района).

Таким образом, закономерности функционирования слов, их морфосемантического развития в текстах разных речевых разновидностей обусловлены экстралингвистическими основами речи. Ограничения в употреблении слов и их значений определены коммуникативными задачами, функциями общения. В свою очередь коммуникативные цели и задачи, а следовательно, и языковое выражение речи задаются более глубинными психологическими

категориями, формирующимися в контексте культуры, под влиянием культурных стереотипов.

Литература

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1999.

Проповеди протоирея Александра Меня. Пасхальный цикл. М.: РПЦ Внешторгиздат, 1991.

Тюркизмы в пермских говорах^{*}

С.М. Поздеева

Пермский край относится к территории позднего заселения, активное освоение русскими прикамских земель началось с XIV века и продолжалось вплоть до XIX столетия. Формирование пермских говоров проходило при непосредственном контакте с проживающими в Прикамье народами: коми-пермяками, манси, татарами, башкирами, удмуртами и марийцами. Многовековая история контактного проживания народов на одной территории обусловила взаимодействие их языков и культур.

На фоне возрастающего интереса к вопросам самоидентификации, самосознания народов актуальными становятся вопросы взаимодействия культур и языков. Проблема культурно-языковых контактов русских и татар на территории Пермского края лишь обозначена в научной литературе [Полякова, 1998, 4-30; Оборин, Чагин, 1988; Подюков 2006-2007, 123-127; Поздеева, 2007, 140-143, Черных, 2007]. Неисследованными остаются вопросы, связанные с объемом, характером тюркизмов в лексике пермских говоров, вопросы ареального распространения тюркских заимствований на диалектологической карте Прикамья.

Объектом исследования была избрана проблема культурно-языкового взаимодействия русских и татар на территории Пермского края. Предметом исследования стали тюркизмы в пермской диалектной системе: описание характера заимствований в русский диалектный язык, тематическая классификация тюркизмов и культурологическое их описание. Материалом исследования послужили диалектная лексика и фразеология Прикамья, представленные в диалектных словарях: «Словаре пермских говоров», «Словаре говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области»; «Фразеологическом словаре пермских говоров», а также в картотеке «Словаря пермских говоров» Пермского государственного педагогического университета.

Исследование показало, что восточные заимствования являются важной составляющей лексического и фразеологического состава русских говоров Прикамья. Наличие в диалектном лексиконе тюркских заимствований служит свидетельством длительных культурно-языковых контактов русского и татарского народов. Хотя необходимо

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации по поддержке молодых ученых и ведущих научных школ («Культурно-языковое своеобразие русских Южного Прикамья» МК-4201.2007.6).

отметить, что тюркизмы составляют довольно небольшой процент пермской диалектной системы. Ограниченность проникновения элементов татарского языка в русский язык обусловлена изолированностью поселений русских и татар. Активному взаимодействию мешали враждебные отношения, разность религии и непохожесть языков. Татарский язык относится к тюркской группе языков (алтайская языковая семья), русский же – к славянской (индоевропейская языковая семья).

Отличность татарского и русского языков повлияла на характер тюркских заимствований в лексике пермских говоров. Примерно 15% лексем от общего числа тюркских заимствований не претерпели изменений, были заимствованы со схожим звуковым комплексом и тем же лексическим значением. Полную тождественность мы наблюдаем в диалектных словах:

перм. *акыл* – ‘ум, разум’, ср. тат. *акыл* – ‘ум, разум’;

перм. *башимак* – ‘тапочка’, ср. тат. *башимак*, по Фасмеру, заимствовано из тур. *başmak* – ‘башмак, подошва’ [Фасмер, I, 2003, 139];

перм. *казин* – ‘котел’, ср. тат. *казин*, по Фасмеру, заимствовано из тат. *kazan* – ‘котел’ [Фасмер, II, 2003, 159];

перм. *карга* – ‘ворона’, ср. тат. *карга* – ‘ворона’, по Фасмеру, заимствовано из тур., крым.-тат., казах., кирг., алт., тат., кыпч., уйг., чагат. *карга* – ‘ворона’ [Фасмер, II, 2003, 196];

перм. *тюни* – ‘валенки’, ср. тат. *түни* [tuni] – ‘валенки’;

перм. *яр* – ‘берег реки, обрыв’, ср. тат. *яр* [iar], по Фасмеру, заимствовано из тур., тат., башк., алт., леб., тел. *jar* – ‘крутой берег, пропасть, отвесная гора’ [Фасмер, IV, 2003, 559].

Остальные 85% татарских лексем претерпели различного рода изменения: фонетические, словообразовательные, морфологические и семантические. Фонетические изменения связаны с заменой татарских звуков, не свойственных русскому языку. Напр., в русском языке отсутствует звук [ə]. Это обусловило процесс замены татарского [ə] на русский [а]. Подобный процесс мы наблюдаем с диалектным татарским словом *күкэй* [күкэй] – ‘яйцо’, в пермских диалектах этот тюркизм изменился в *кукай*, он используется исключительно во фразеологическом обороте *ходить на краснй кукай* – ‘ходить к русским в гости на Пасху’ (Бырма Кунг.). Как показывает диалектный лексический материал, для тюркских заимствований в русских диалектах характерна замена татарских звуков [ch], [t] на русскую аффрикату [ч]. Звук [ч] не характерен для фонетической системы татарского языка. Так, татарская лексема *баишлык* – ‘шапка’

фонетически преобразовалась в диалектное *баи́лыч* – ‘капюшон’, с конечным [ч]. Подобный процесс зафиксирован в словах *чу́нька* – ‘обувь, скатанная из шерсти’ из татарского *тюни́* – ‘валенки’, *чу́чкán* – ‘о темном, необразованном человеке’ из татарского *тычкán* [tychkán] – ‘мышь’, *чу́лánка* – ‘помещение в сенях’ из татарского *чу́лán* [chulán] – ‘помещение в сенях’, *чу́чкари́* – ‘об отсталых, необразованных людях’ из татарского *чу́чка́* [chuchká] – ‘свинья’. Встречаются акцентологические варианты: ср. тат. *тюни́* и перм. *тю́ни* – ‘валенки’.

Образование тюркизмов в пермских диалектах происходит в основном морфологическим способом. Большинство слов тюркского происхождения получило оформление русским суффиксом -к- со значением предметности:

баиш + к = *баиш-к-á* (‘голова’ = ‘голова’);

майдáн + к = *майдáн-к-а* (‘площадь’ = ‘поляна’);

мала́й + к = *мала́й-к-о* (‘мальчик’ > ‘татарин’);

тюни́ + к = *тю́нь-к-и* (‘валенки’ > ‘короткие шерстяные носки’).

Встречаются среди тюркизмов слова, образованные прибавлением к татарской основе русских уменьшительно-ласкательных суффиксов -ок- и -очк-, которые придают семантике слов оттенок уменьшительности:

казáн + ок = *казан-óк* (‘котел’ > ‘котелок’);

болы́н + очк = *булы́н-очк-а* (‘поляна’ > ‘небольшая поляна’).

Единичны случаи образования слов с помощью суффикса -ин- со значением предметной единичности: *бéлми* + ин = *бельмé-ин* (‘незнающий человек’ > ‘бестолочь’). Встречается среди пермских говоров слово *бельмéс*, образованное с помощью суффикса -ес-: татарская основа *бéлми* + ес = *бельм-éс* (‘незнающий человек’ > ‘глупый человек’).

Достаточно продуктивным оказывается образование диалектных глаголов от татарских существительных:

бéлми + е + ть = *бельм-é-ть* (‘незнающий человек’ > ‘понимать’);

майдáн + ича + ть = *майдáн-ича-ть* (‘площадь’ > ‘быть, находиться на поляне’);

на + *майдáн* + ича + ть + ся = *на-майдáн-ича-ть-ся* (‘площадь’ > ‘наобщаться, наговориться’).

Прилагательное *сая́мовский* образовалось с помощью русских притяжательных суффиксов -ов- и -ск- от татарской основы *сая́м* – ‘привет’. В дальнейшем данное слово перешло из прилагательного в разряд существительных со значением ‘хороший, добрый человек’.

Образование наречий суффиксальным способом также зафиксировано в лексике пермских говоров: *майдán* + *ом* = *майдан-ом* ('площадь' > 'вместе, сообща').

По грамматическим признакам русский язык относится к числу флективных языков, где изменение формы слова происходит за счет изменения окончания. Татарский язык – это агглютинативный язык, в котором отсутствуют окончания. Изменения форм слова и словообразование происходит в основном за счет нанизывания аффиксов. В связи с данными грамматическими особенностями двух языков процесс перехода тюркских слов в русский язык связан с морфологическим оформлением заимствований. Тюркские заимствования приобретают русское морфологическое оформление – окончание, указывающее на принадлежность слова к определенной части речи. Некоторые русские окончания не соответствуют татарскому звуковому оформлению, как, например, в существительных *бельмó* – 'о плохо соображающем', ср. тат. *бѣлми* – 'незнающий человек', *бульíна* – 'поляна', ср. тат. *болы́н* – 'поляна'.

Большинство тюркизмов, получая фонетические, словообразовательные, морфологические преобразования в русском языке, претерпевают семантические изменения, меняют свои исходные значения. Анализ семантических изменений показал, что чаще всего семантическое развитие заимствованных слов носит мотивированный характер. Значения, развивающиеся у татарских слов, близки первоначальным значениям татарских лексем:

тат. *баишлы́к* – 'шапка' > перм. *башлы́ч* – 'капюшон';

тат. *бѣлми* – 'незнающий человек' > перм. *бельме́ин* – 'бестолочь', *бельме́с* – 'глупый человек', *бельмó* – 'плохо соображающий', *бельме́ть* – 'понимать';

тат. *болы́н* – 'поляна' > перм. *бульíна* – 'поляна', *бульíночка* – 'небольшая поляна';

тат. *казáн* – 'котёл, сосуд' > перм. *казанóк* – 'котелок';

тат. *каргá* – 'ворона' > перм. *корга́* – 'ворона', 'старая женщина';

тат. *майдáн* – 'площадь' > перм. *майдáнка* – 'поляна', *майдáнничать* – 'быть, находиться на поляне', *намайдáниться* – 'наобщаться, наговориться', *майдáном* – 'все вместе, сообща';

тат. *малáй* – 'парень, мальчик' > перм. *малáйко* – 'татарин';

тат. *тюни́* – 'валенки' > *тюньки* – 'короткие шерстяные носки', *чу́нька* – 'обувь, скатанная из шерсти'.

Встречаются метафорические преобразования, основанные на образном понимании явления, но они носят единичный характер. Положительная семантика татарского приветствия *сәлә́м* – 'привет'

легла в основу характеристики хорошего, доброго, приветливого человека – *сая́мовска поро́да* (*Жил когда-то в горах дед Василий, по прозвищу Алям, значит человек общительный, приветливый. Отсюда и выражение «сая́мовска поро́да»*. Осинский р-н). Отрицательные ассоциации в русской культуре со свиньей (*сви́нка* – ‘о человеке с низменными привычками, невежественном, неаккуратном’, *сви́нски* – ‘по-свински’, *ку́рица не тётка, сви́ня не сестра́* – ‘о ком-либо, заносчиво ведущем себя’ – Акчим Красновишерский р-н) послужили основой для метафорического обозначения тюркизмом *чу́чкари́* (из тат. *чу́чка́* [chuchka] – ‘свинья’) отсталых, необразованных людей (*Дикие, как чу́чкари, раньше жили, не смели ничего, кроме отца, сделать, ничего не знали, не учились дак*. Уролка Сол.). Татарское *ка́ла́м* – ‘перо’ в диалектах метафорически переосмыслилось в *каля́м* – ‘о ком-либо, не соответствующем норме’, возможно, данное семантическое преобразование связано с некрасивым, неровным письмом, производимым пером.

Менее частотны в пермских говорах тюркизмы с немотивированным значением, развитие которых сложно объяснить. В качестве примера можно привести следующие лексемы: *байра́к* – ‘овраг, промоина, канава’, ср. тат. *байра́к* – ‘флаг, знамя’, *бала́н* – ‘бревно для сплава’, ср. тат. *бала́н* – ‘калина’, *калга́н* – ‘голова’ из тат. *калга́н* [Даль, II, 2003, 165]. Возможно, в данных случаях мы имеем дело с языковой омонимией.

Тематическая классификация тюркизмов в лексике и фразеологии пермских говоров показала, что в составе заимствований представлены слова, связанные с обозначением человека, животных, предметов быта, географических объектов, обрядовых акций. Большую часть тюркизмов составляют слова тематической подгруппы «Человек», что подтверждает идею антропоцентричности диалектного словаря. Необходимо отметить, что среди тюркизмов данной тематической подгруппы наиболее многочисленны оценочные слова, при этом преобладает отрицательная коннотативность. Вероятно, это обусловлено историей взаимоотношений русского и татарского населения. В течение многих веков отношения между этими народами носили враждебный характер. Тюркоговорящее население воспринималось русскими как чужое и враждебное. В случае характеристики восприятия категорий «чужое» и «враждебное» действует устойчивая аналогия: «чужое» воспринимается как непонятное, плохое. Татарский язык сложен и непонятен носителям русской культуры, поэтому неслучайно многие тюркизмы используются русскими для негативной умственной характеристики

человека (*бельмэин* – ‘бестолочь’, *бельмэс* – ‘глупый’, *бельмó* – ‘плохо соображающий’, *чучкáн* – ‘темный, необразованный человек’, *чучкари* – ‘об отсталых, необразованных людях’ и др.). Встречаются в лексике пермских говоров слова со значением ‘голова’ *баишкá*, *калгáн*, данные лексемы также наделены семами оценочности умственных способностей человека (*Что у тебя за калган? Чем думаешь?* Пянтег Черд.; *На покасть-то беда быстро калган у тебя робит. Шибко поперёшный углан растёт. Разбойник, ты чё напокастил покастливый, я те бока-то наскруживаю.* Шульгино Бер.). Прилагательное *башковáтый* имеет положительную семантику ‘умный, сообразительный; башковитый’ (*Мало и учился, а башковатый шибко был мужик: до всякого места сам домыслится.* Ножовка Част.).

Достаточно большое количество тюркизмов характеризует человека с точки зрения социальной принадлежности. Отрицательную оценку в народе получают дети, рожденные вне брака. Отсюда развитие у татарского слова *курамыш* – ‘шустрый человек’ отрицательного значения ‘ребенок, рожденный вне брака’ (*Соседка-то у меня рано курамыша родила, да так замуж-от и не вышла.* Березовка Кунгурский р-н). Нередко татарское имя собственное превращается в этноним – существительное, обозначающее народ. Подобно тому, как русское имя Иван выступает символом всего русского народа, татарское имя Малай начинает ассоциироваться у русских с любым представителем татарской национальности (перм. *малáй*, *малáйко* – ‘татарин’: *Опять тот малай-то приходил: картошки хотел купить, а я и понять не могу, чё ему надо; Малайко-то – это к татарину применяют.* Толстик Соликамский р-н). Обычай в татарской культуре не снимать головные уборы в мечетях повлиял на развитие в пермских диалектах у лексемы *малáй* значения ‘человек, не снимающий головного убора в помещении’. В русском этикете мужчине, входящему в помещение, в том числе в церковь, принято снимать головной убор. Невыполнение данных правил оценивалось в русской культуре отрицательно, отсюда и отрицательное значение (*Иной сопёт, а шапку не снимат, дак его малаем, малайком зовут: «Вот где малай-то!»*) – Толстик Соликамский район).

Отдельную тематическую подгруппу тюркизмов в пермских говорах составляют слова – географические термины: *булы́на* – ‘небольшая поляна посреди леса’, *булы́ночка* – ‘поляночка’, *майдáн* – ‘поляна, место для гуляний’, *майдáнка* – ‘поляночка’, *сула́к* – ‘левая часть деревни, улица’ (*У нас там первый сулак, второй сулак.* Калинино Кунгурский район), *я́р* – ‘обрывистый берег’. Образование подобной тематической группы обусловлено тем, что русские, приходя

на земли, принадлежащие иноязычным народам, усваивали иноязычную географическую лексику.

Длительное существование разных народов на одной территории не могло не привести к схожим этнографическим элементам. Отдельную группу тюркских заимствований составляет лексика одежды: *башмаки* – ‘тапочки’, *тюни* – ‘валенки’, *чуни* – ‘калоши’, *чу́нька* – ‘обувь, скатанная из шерсти’, *тюньки* – ‘короткие шерстяные носки’, *баишлык* – ‘шапка’.

К тюркским этнографизмам относится лексика посуды (*казан* – ‘котел’, *казанок* – ‘котелок’), еды (*табань* – ‘лепешка’), лексика хозяйственных построек (*чулан*, *чуланка* – ‘помещение в сених для хранения продуктов и предметов хозяйства’), предметная лексика (*аркан* – ‘ошейник’).

Встречаются среди диалектных тюркизмов и фразеологические выражения, обозначающие обрядовые действия. В с. Бырма Кунгурского района записано выражение *ходить на краснѣй кукай* – ‘ходить на Пасху к русским’, данное выражение отражает выработанные веками добрососедские отношения русских и татар.

Есть в словаре пермских говоров номинации, связанные с животным миром. Для названия вороны, воспринимающейся в народном сознании в качестве нечистой, зловещей птицы, приносящей беду, используются татарские корни *каргэ*, *коргэ*. Образование в говорах у данной лексемы значения ‘старая, сварливая женщина’ подчеркивает отрицательное восприятие русскими соседнего народа.

Тематическая прорисовка тюркизмов пермских говоров позволяет выявить мировоззренческое восприятие русскими народов другой культуры. Через тюркский лексикон русские выражают отношение к своему соплеменнику и обозначают домашний быт, складывающийся и из элементов другой культуры.

Таким образом, функционирование тюркизмов в пермских говорах, характер заимствования татарской лексики русскими обусловлены экстра- и интралингвистическими факторами: особенностями истории взаимодействия русских и татар на территории Пермского края, особенностями культуры двух разных народов, а также структурно-семантическими особенностями языков.

Литература

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.

Подюков И.А. Ориентализмы в пермских говорах // Русский мир: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Развитие русского этноса: проблемы и перспективы». Пермь, 2006–2007. С. 123-127.

Поздеева С.М. Топонимия кунгурского района // Грибушинские чтения. Кунгур – чайная столица Российской империи: Тезисы докладов и сообщений VI межрегиональной научно-практической конференции. Кунгур, 2007. С. 140-143.

Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров // Русские говоры пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь, 1998. С. 4-30.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области». Вып. 1-5. Пермь, 1984-2003.

Словарь пермских говоров. Вып. 1-2. Пермь, 2000-2002.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. М., 2003.

Черных А.В. и др. Тулвинские татары и башкиры. Пермь, 2007.

Названия путей сообщения в русских говорах Прикамья*

И.А. Подюков

Номинации дорог – своеобразная часть словаря языка, относящаяся к географической терминологии. Названия многих дорог как географических объектов являются именами собственными (ср. **Бабиновская**, по-другому – **Государева дорога** – дорога из Европейской России через Урал в Сибирь от Соликамска до Верхотурья, которая использовалась с конца XVI до середины XVIII вв. и была названа в честь первопроходца Артемия Бабинова, который, по преданиям, «выследил» этот путь, тайком следуя за вогулами-охотниками). Помимо таких названий-дромонимов, в народных говорах достаточно велико число нарицательных лексем, называющих различные виды дорог и путей. Эти названия весьма специфичны в разных территориях, поскольку в них отразились не только особенности ландшафта, но и история, образ жизни и способы хозяйствования населения.

Дорога есть так или иначе устроенное пространство для продвижения, линии на земле, где очевидно присутствие человека, маркированное следом, колеей, затесями, заломами веток и пр. (ср. в связи с этим лексемы типа **протёс** арх. ‘тропа в лесу’, названная так по метам-затесям на стволах деревьев). Наиболее обустроенными в сельской местности являются проезжие, или колесные, дороги (грунтовые, шоссейные), наименее – пути сообщения через лес, в необжитых местах. И те, и другие объекты получают множественные номинации (ср. обозначения троп в говорах – зап. **пас**, сиб. **переход** ‘звериная тропа’, сиб. **путі́к** ‘тропа охотника’ (с ловушками), воронеж. **однослѣд**, волог. **лаз** ‘тропа’, свердл. **ляча** ‘тропа по сырому месту’ (в пермских говорах слово **ляча** имеет более общее значение – ‘жидкая грязь’ и, вероятно, заимствовано из финноугорских языков), тульск. **переу́зина** ‘тропа’, арх. **порѣчник** ‘тропа вдоль берега’, томск. **постѣжка**, донск. **прослѣдок** ‘тропа’, уральск., сиб. **протѣпок** ‘тропа в снегу, во ржи и пр.’).

Гиперонимом группы названий путей сообщения является слово **путь**. В русских говорах слово часто сближается со словом

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края» (№ 08-04-82408 а/У)

дорога – *санна путь, зимня путь* (ср., впрочем, воронеж. *путь* – только ‘большая, широкая дорога’); противоположный смысл имеет в говорах слово *маличѡк* ‘малоезженная, небольшая дорожка’ (уральск.). Однако именно со словом *путь* в говорах связана масса метафорических и фразеологических контекстов – *в путь пошло* ‘пригодилось’, *в путь пойти* ‘стать самостоятельным’, *нет пути* ‘нет жизни’, *нет пути в ком-л.* ‘нет толку’, *по пути* ‘по порядку’. Слово *путный* – ‘хороший, годящийся в дело’ и *беспутый* ‘бестолковый’ и даже ‘аморальный’ можно возвести к начальному *путный* ‘хорошо знающий дорогу’ (арх.). На символическое осмысление способности хорошо ориентироваться в пространстве как на обладание высокими интеллектуальными и моральными качествами указывают также слова типа сиб. *распутъ* ‘распутство, разврат’ – в нем, на наш взгляд, благодаря усилительной приставке *рас-*, обозначено движение по широкой дороге, символически представляющее не *тесный, узкий, трудный* путь праведной жизни, а *широкий*, чрезмерно свободный путь жизни греховной.

Эта оппозиция *узкого – широкого пути*, по наблюдениям О.А. Черепановой, устойчиво проходит через всю русскую книжность, вплоть до поэзии XIX века. Путь осмыслен русской культурой как символическая, духовная категория и часто обозначает движение к истине, духовное искание (отсюда возникновение сочетаний типа *пути Господни, пути провиденья, пути праведников, грешников* и т. д.). Как заметила О.А. Черепанова, в текстах XI-XVII вв. в своих прямых значениях лексема *путь* нейтральна в жанрово-стилистическом отношении (в переносных и символических значениях слово имеет сугубо книжный характер), а слово *дорога* отчетливо тяготеет к деловым и обиходно-деловым текстам. Показательно в этом плане суждение исследователя о том, что символика пути связана по большей части с христианско-религиозным взглядом на мир, а символика дороги – с мировоззрением и мироощущением языческим [Черепанова, 2000]. Языческий характер осмысления дороги хорошо иллюстрирует известное многим русским говорам мифологическое выражение *лешева дорога (чёртова тропка)* ‘тропа в лесу, считающаяся особо опасной для путников’. Одно из значений оборота – ‘звериная тропа’. Леший как хозяин зверей «ходит» по звериным тропам, и человек, попавший случайно на такую тропу, может оказаться в его власти (на *лешевой дороге* нельзя останавливаться на ночлег, строить охотничью избушку и пр.).

Впрочем, некоторая противопоставленность пути – дороги не лишает и слова *дорога* особых мифологических коннотаций, о чем

свидетельствуют специфические употребления слова. Так, зауральск. *дорóга* ‘место собрания, летних игр молодежи’ может быть связано не только с указанием на реальное место, где собирается молодежь (в Прикамье обычное для этих целей место – полянка, луг, берег, подкамень ‘место под скалой’, подокошки), но и с тем, что пребывание на дороге указывает на желание играющих изменить свой статус (ср. в связи с этим волог., уральск *дорога* – ‘судьба, правило, обычай’ [СРНГ, 8, 132]). Пермский фразеологизм *стоять на дорожке* ‘дождаться смерти’ актуализирует другую символическую идею дороги – умирания.

Весьма концептуально типичное для народной речи и фольклора объединение двух названий в бином *путь-дорога*. Подобное объединение осуществлено в русле характерной для народной речи тенденции к передаче более абстрактных смыслов за счет соединения слов одного семантического ряда (*руки-ноги* ‘конечности’, *отец-мать* ‘родители’). В обороте *путь-дорога* объединены не просто обозначение полосы для езды / ходьбы, путь сообщения по суше (*дорога*) и обозначение способа или средства, образа достижения чего-либо, направление продвижения (*путь*); сочетание совмещает оба этих смысла, фиксирует неразрывную связь дороги и цели. Человеку важно, когда ему укажут *путь* – общее направление, цель движения, и по какой *дороге* туда попасть (ср. также у классиков – «*Выхожу один я на дорогу, предо мной кремнистый путь блестит...*»).

Номинация дорог в пермских и шире – уральских – говорах различает большое количество их видов. Основа их – общерусские названия (либо европейские заимствования типа *тракт*, *трасса*, *шоссе* – дороги со специальной «одеждой», щебеночной или асфальтовой. Слово *шоссе* в говорах часто получает особую огласовку *саи́я́* (караг.); заимствование из французского языка; в этой же форме слово известно донским говорам, в форме *шаи́я́* – калужским, слово *асфальт* ‘асфальтированная дорога’ – форму *фальс* (ильинск.); слово имеет латинскую основу). Помимо общерусских названий, здесь фиксируется большой круг собственно диалектных названий. Это, прежде всего, сезонные дороги: *са́нник*, *са́нница*, *ледни́ца*, *ледя́нка* ‘дорога, по которой ездят только зимой’, *зы́мник*, *полóзница* ‘укатанный санный путь’ (ср. в этом же значении арх. *морóзница*). Названия *ледя́нка*, *лёд-дорога* используются еще и в специальном значении ‘ледяная дорога для вывозки леса зимой’ (караг.), ср., впрочем, *ледя́нка* ‘ледяная дорога, заливаемая водой в морозы’ (уральск.). Если слова *зы́мник*, *морóзница* указывают на время

существования пути, то слово *ледя́нка* – на материал, использованный для ее создания (ср. арх. *дресвя́ник* ‘дорога с каменисто-песчаным грунтом’, от *дресва́* ‘мелкий щебень, крупный песок’, *жерде́нник* ‘дорога через болото из мелких жердей’). Названий летних дорог меньше – *телéжница*, *лётник* (сол.), что объясняется меньшей затрудненностью передвижения в летнее время. Приведенные названия фиксируют характер дороги – *телéжница* ‘дорога для проезда телегами’, *лётник* ‘дорога, которая в качестве пути сообщения известна только в сухое время года’ (ср. название устанавливающейся дороги в начале зимы *первозы́мье* во владимирских говорах).

Дороги могут быть названы по ориентированности и месту нахождения. Прежде всего, это дороги в лесу. Слово *во́лок* обозначает часть пути между реками, лесную гужевую дорогу (перм., а также арх., волог., вятск.). Изначальный смысл слова ‘путь, по которому волоком перетаскивали лодки’, в современных говорах чрезвычайно мутировал – в кунгурских говорах слово обозначает длинную дорогу в безлюдном месте, в карагайских – место, где вырубают и вывозят волоком лес (ср. также значения ‘откос, склон, пологость, небольшая пологая горка’); слово приобретает даже значение ‘небольшой временной отрезок’ (сол.).

Название *ма́тица* ‘дорога для вывозки леса’ (перм.) образовано по типу других названий дорог – *полóзница*, *са́нница*, *телéжница*. Выбор мотивировки в данном случае любопытен. В русском языке слово *ма́тица* имеет массу значений. *Ма́тица* – это пчелиная матка или пчела-трутовка, которая временно заменяет внезапно погибшую матку, центральная балка в деревянном доме, поддерживающая потолок, в поморском наречии это часть невода; в уральских говорах это также главная рассольная труба, самка медведя, лося, в архангельских говорах это киль судна, служащий его основанием. Поскольку в этих значениях очевидна идея матицы как главного, середины, центра и основания, номинация *ма́тица* для дороги в лесу, очевидно, косвенно указывает на органичную включенность жителей Прикамья в лесную среду, на тесную их зависимость от леса, на осмысление его своим домом. В этом плане показательным такое же «обытовление» окружающей природной среды в названии крутой дороги в гору *взвоз* – так в говорах обычно называют особую постройку, по которой воз сена завозят прямо на сарай. Некоторое «неразличение» пространства своего и внешнего очевидно и в названии *у́лица*, *у́лочка* ‘огороженная с двух сторон дорога через поле (обычно для прогона скота)’ (юсыв.). Такое одомашнивание внешней

среды совершенно типично для народной культуры, в народной среде даже внешне «естественные» территории (болота, леса) являются на самом деле не чужими, а основательно хозяйственно освоенными. В группу номинаций по месту нахождения отнесем также названия дороги через реку – *брод*, *перевѳз*, дороги через болота и сырые места *стлань*, *лежнѳвка* ‘выложенная бревнами дорога через топи’ (в более позднее время *лежнѳвкой* также стали называть особую дорогу в сырых местах, где из бревен выложены лишь колеи для лесовозной машины). Естественно, в других говорах обнаруживаются дополнительные номинации дорог по месту нахождения – напр., *мѳженик* ‘дорога через поле’, сиб. *перегѳня* ‘путь от стоянки до стоянки при перегоне скота.

Одна из любопытных тенденций – при номинации старых, плохих дорог прибегать к суффиксальному варьированию названия. Вишерск. *путѳище* ‘дорога через болото’, пск. *дорѳжина* ‘лесная дорога’, северодв. *дорѳжище* ‘зброшенная дорога в лесу’ получают усилительное значение – так, вероятно, высказывается негативно-ироническое отношение путника к дороге.

Свои номинации получают в говорах объездные и прямые дороги *окѳлица*, *огѳб* ‘окольная дорога’, *прямѳшка* ‘прямой путь’ (ср. в других говорах – арх. *мимоѳзд* ‘дорога, проходящая мимо’, горьк. *кругѳль*, *кругѳвѳня*, *обсѳлок* ‘дорога вокруг селения’, калинин. *объѳзка* ‘объездная дорога’, южнорус. *миновѳц* ‘обходная дорога’, ворон. *перехвѳт* ‘прямой, более близкий путь’). Особую номинацию получают сходящиеся дороги – челяб. *крестывѳий* ‘перекрещивающиеся дороги’.

Дороги нередко характеризуются по качеству – *как карта* (о гладкой, ровной дороге). В основание сравнения положено, конечно, название игральной карты – они отличаются особым качеством покрытия, обрабатываются специальным образом, чтобы обеспечить их долговечность, износоустойчивость, прочность и хорошее скольжение. Обычно они называются атласными (от *атлас* ‘плотная шелковая ткань с гладкой блестящей лицевой стороной’). Название *тор*, *тор-дорога* (ср. *торный*) основывается на переосмыслении звукоизобразительного корня с «ударным» значением – ср. в говорах *торить*, *турить* ‘выталкивать’ (слово этимологически родственно глаголу *тереть*). В других говорах для оценки хорошей дороги используется слово *наѳздок* (сиб.), оборот *дорога как мысли* ‘хорошо укатанная дорога’ (калуж.; последнее сравнение явно связано с метафизическим восприятием дороги). Плохая дорога характеризуется

как *бездорожица*, *бездóрожина*, *бéздорожь* (сол.), ср. также сиб. *нэходь* ‘неудобная для ходьбы дорога’.

Особенно разнообразны в говорах названия троп. Само слово *тропа* имеет, очевидно, связь со звукоизобразительной средой языка, о чем свидетельствуют диалектные *натрónать* ‘побить’ (томск.), *натрónаться* ‘напиться пьяным’ [СРНГ]. Названия троп подмечают их особенности – *бороздýна* ‘широкая, расчищенная тропа’ (ус.), *пýтник* ‘тропа охотника’. Любопытно обозначение утоптанной тропы, дороги по влажной почве *ширп* (чайк. – *Летом в Малый Букор по ширпу ходили, выберут, где посуше, и тропа будёт*). Это слово фиксируется в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка – в значении ‘разведочная раскопка’, ср. в романе «Золото» – «Куда ты ускорилаcь-то? – спрашивал Родион Потапыч, которому не хотелось отпускать старуху. – Ночевала бы, баушка, а то еще заедешь куда-нибудь в ширп». Вероятно, изначально так была обозначена тропа на месте бывлых раскопок.

Название тропы *вóрга* (реже *óрга*) ‘тропинка в лесу’ (черд. – ср. арх. *ворга* ‘болотистая, кустарная лошина’, в других говорах часто это название тропы в болоте, сыром месте, дороги вдоль русла рек), как предполагает А.К. Матвеев, происходит из прибалтийско-финских языков – ср. фин. *orku*, коми *ворга* ‘желоб, русло, корыто’. Заимствованный характер имеет и слово *сакмá* усольск. ‘тропа’ (иногда в форме *сахма*) – вероятно, от тюрк. *sok* ‘бить’, в тюркских языках так называется наезженная дорога (В.И. Даль предполагал связь названия с глаголом *сочить* ‘разыскивать, настигать’). В других говорах фиксируется название тропинки *вёшка* (яросл.) – из известного и в Прикамье обыкновения *провёшивать*, т. е. уставлять прутьями место пролегания тропы.

Таким образом, номинации дорог в русских говорах Прикамья в основном соотносимы с названиями путей сообщения в других русских говорах. Чаще они имеют русские основы – заимствования касаются, прежде всего, названий малых, неустроенных специально троп. Очень часто обозначения дорог, называя элемент деревенской инфраструктуры (устроенной, предназначенной для езды или прохода полосы на разных местах суши), подвергаются семантическому расширению и даже становятся средством концептуальных мировоззренческих оценок.

Литература (с использованными сокращениями)

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб., 1965-2004. Вып. 1-38.

Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Мастер и народная художественная традиция русского Севера. Петрозаводск, 2000.

Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края*

Е.Н. Полякова

Русские говоры Пермского края начинают формироваться в конце XIV – XV столетия в Верхнем Прикамье. Историки отмечают, что первоначально здесь появлялись новгородцы, о чем свидетельствуют археологические данные и этнографические материалы. Так, на городище вблизи села Искор в бассейне Колвы более 50% керамики, выявленной в результате раскопок, имеет общие черты с новгородскими сосудами того времени [Оборин, 1990, 59]. В Прикамье сохранялась вера в защиту от порчи и сглаза с помощью громовых стрел (пальчатых сосулек, образовавшихся от удара молнии в песок), что также связывают с новгородской культурой. Есть и ономастические следы пребывания в бассейне Верхней Камы новгородцев (ср. новгородский и пермский гидроним Вишера; Камень Полюд на Вишере – притоке Камы; новгородское древнерусское имя Полюд).

Однако сопоставление лексики русских говоров Прикамья и новгородских свидетельствует и о значительных различиях в употреблении старых слов, например, географических терминов. В Прикамье отсутствуют такие новгородские слова, как *грѣм* ‘небольшое возвышение, кочка на болоте’, ‘кочковатое место’, ‘мелкий кустарник’, ‘непроходимый лес’, а также однокоренные *грёмók*, *грѣмушек*, *грѣмышек*, *грёмóчек*, *грѣмочка*, *грёмьё* [Васильев, 2001, 138-143; Новг. сл., 2, 58], *дрябь* ‘топкое, жидкое, засасывающее место, преимущественно в болоте’ и однокоренные *дряб*, *дрябѣна*, *дрябля*, *дрябель*, *дрябище*, *дрябьё*, *дрябѣна*, *дрёбь* [Васильев, 2001, 144-148; Новг. сл., 2, 106], *букѣна*, *букловѣна* ‘небольшой залив на озере, заводь’ [Васильев, 2001, 115], *вир*, *вирь*, *вѣрка* ‘водоворот’ [там же, 123], *жерлó*, *жёрло*, *жерёлó*, *жерловѣна*, *журалó* ‘место истока реки из озера’, ‘русло ручья’ [там же, 149], семантические

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края», № 08-04-82408 «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края», № 08-04-82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья», № 09-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь человека», № 09-04-82403 а/У «Фразеологический словарь русских говоров Пермского края».

диалектизмы *бёрдо* ‘небольшой холм, возвышение’, *верту́н* ‘водоворот’ и многие другие. Вместе с тем в новгородских источниках не встретились апеллятивы, употребляющиеся в Прикамье и известные в говорах Русского Севера: *бо́готь*, *бузу́н*, *бы́ган*, *вы́морина*, *глядён*, *иса́да* и т.д. [Полякова, 1988]. Русские говоры Пермского края складывались преимущественно на основе севернорусских.

С конца XV в. и особенно активно в XVI-XVII вв. идет крестьянская колонизация Верхнего Прикамья с Русского Севера. Об этом свидетельствуют многочисленные работы историков, этнографов и лингвистов. Основными путями проникновения на Верхнюю Каму (современные Гайнский и Косинский районы), в междуречье Камы, Колвы и Вишеры (Чердынский район), на Вишеру (Красновишерский район) были реки, а также волоки с притоков Вычегды в притоки Камы (с Северной Кельтмы в Южную Кельтму; с реки Нем в бассейн Чусовского озера и Колвы), а также с Печоры в Колву (Печорский волок). Выходцы с Русского Севера – с вологодской и архангельской территории – на Вычегде и Печоре общались с носителями финно-угорских диалектов, с предками современных коми-зырян и коми-пермяков, о чем свидетельствуют заимствования в русских говорах [ФУСЗ]. Иногда это общение было весьма длительным, и русские усваивали какую-то коми лексику. Они были в определенной мере подготовлены к встрече в Прикамье с носителями коми-пермяцких говоров, в прошлом очень близких коми-зырянским. До XIV-XV вв. зыряне и коми-пермяки говорили практически на одном языке, представленном разными говорами [Лыткин, 1962, 26].

На северной территории края – в Перми Великой и Соли Камской – русские были в постоянном общении с проживавшими здесь коми-пермяками. Возникали смешанные браки, приводившие к двуязычию в таких семьях и появлению билингов, к взаимодействию русских и коми говоров. В результате в Верхнем Прикамье функционирует множество финно-угорских по происхождению топонимов, русские говоры здесь сохраняют некоторые особенности коми фонетики, в их лексике немало заимствований из коми диалектов.

Формирование русских говоров в южной части пермской территории – Среднем Прикамье – шло в результате переселения крестьян с севера края вниз по Каме. Они несли на новые места свою речь, содержащую и коми заимствования. Кроме того, русское население запада края (бассейнов рек Обва, Нытва, Очер) соприкасалось с коми-пермяками так же, как в Перми Великой и Соли

Камской. В результате в лексике русских говоров заимствования распространились по всей территории Пермского края, что отражают материалы, собранные диалектологическими экспедициями.

Изучению лексики и фразеологии коми происхождения посвящено немало исследований пермских ученых. Особое внимание этому уделяла А.С. Кривошекова-Гантман, анализирувавшая не только топонимы и антропонимы Прикамья, возникшие из коми слов, но и заимствования в лексике [1981]. Анализу такой лексики и фразеологии с коми лексемами посвящали свои работы Р.М. Баталова [1967], К.Н. Прокошева [1974], Е.Н. Полякова [2002] и другие исследователи. При изучении коми топонимии рассматривались и коми географические термины, вошедшие в лексику русских говоров Прикамья [Нешатаев, 1968; Полякова, 1988; СГТ]. В ряде работ специально проанализированы особенности адаптации коми лексики и топонимии в русском языке [Кривошекова-Гантман, 1966; Аксенова, 1997]. Лексика коми происхождения в различных севернорусских, уральских и сибирских русских говорах рассматривалась в многочисленных трудах ученых Уральского государственного университета, в котором выросла крупная ономастическая школа А.К. Матвеева [ср.: Матвеев, 1959; Востриков, 1981; Гусева, 2002; Мищенко, 2002; Теуш, 2000 и т. д.]. Рассмотренные в этих работах заимствования из коми языков нередко присутствуют и в пермских говорах.

Вместе с тем, несмотря на проведенные исследования, за их пределами остаются еще многие диалектные слова коми происхождения в русских говорах Пермского края. Выявление их, специальные поиски их в русских источниках Прикамья [ср.: Матвеев, 2000] приводит к пополнению списка таких слов, а их анализ дает интересные результаты для решения различных проблем языкознания (лексикологии, истории русского языка и др.), этнографии, културологии.

Современные пермские диалектные словари [Акчим. сл.; СГТ; СПГ; СПП] и картотеки этих и будущих словарей, разрабатываемых в настоящее время (ср. Чердынский словарь, охватывающий территорию Северного Прикамья), содержат немало заимствований, к изучению которых целесообразно обратиться лексикологам. Некоторые из них, а именно лексика с аффрикатами *дж* и *дз* в начале слов, анализируются в данной статье.

В разных районах Прикамья в русских говорах зафиксированы заимствования из коми-пермяцкого и коми-зырянского языков, связанные происхождением и семантикой: 1) *дэсиргать*, *дэсиргуша*,

дзі́ргать, зазі́ргать; 2) *жу́ргать, джу́ргать, зу́ргать, зу́ркать, зю́ргать, дзю-дзю, дю-дю-дю, дю́дькать, дзу́ток*; 3) *зазы́ркать, джа́рската, дзя́рската, додзя́рската*. Рассмотрим каждую из этих трех групп слов.

1 группа.

Джу́ргать – ‘беспрестанно говорить’: *Она джиргат, слово некуда воткнуть* [СПГ, 1, 214].

Джиргу́ша – ‘болтливый человек’: *Подите вон к Анне, она така джиргуша, нахлопат вам* [СПГ, 1, 215].

Дзі́ргать – ‘чиркать’ [СРНГ, 8, 46].

Зи́ргать – ‘смеяться’ (?): *Я на него смотрю, а он всё зиргает и зиргает* [СПГ, 1, 328].

Зазі́ргать – значение неясно (возможно, ‘заболтаться, заговориться’): *Дотоль досидит, зазиргат* [КЧС].

Основа их (*джирг-*, *дзирг-*, *зирг-*) обнаруживается в коми словах *джиргыны* ‘скрипеть, поскрипывать’ [ССКЗД, 100], *дзир* ‘петля, шарнир, навеска’ [КПРС, 120; КРС, 192] и восходит к общепермскому *dž’ira (dž’ – аффриката) ‘приспособление, на котором вертится растворяемый предмет’ [КЭСКЯ, 91]. Развитие семантики слов с общепермским корнем могло идти по следующему пути: ‘дверная петля’ > ‘дверная петля, которая скрипит’ > ‘скрипеть’. Но, скорее всего, было иначе: предмет напрямую получил название по качеству (он скрипит), и в основе оказывается сема ‘скрип’.

В заимствованных русскими словами развиваются новые значения: ‘скрипеть’ > ‘чиркать’ (‘издавать звук, похожий на скрипение’); ‘скрипеть’ > ‘говорить, болтать’; ‘скрипеть’ > ‘смеяться’. Утрачивается начальная аффриката, вместо которой в русских словах фиксируются либо два звука (*дж*, *дз*), либо один (*з*, *ж*). Слова оформлены русскими аффиксами.

2 группа.

Джу́ргать и *жу́ргать* – ‘шипеть’ [КЧС].

Дзю́ргать – ‘пить’: *Чё они-то квас по одному глоточку джюргают, ещё ведь есть* [СПГ, 1, 215].

Дзю́ргнуть – ‘выпить; сделать глоток’: *Нет, я уж не пила на поминках, маленько только дзюргнула и поставила, не могу* [СПГ, 1, 215].

Зу́ргать – значение неясно (возможно, ‘постучать’): *Я слышала, он зургал, я вышла, никого нету* [Акчим. сл., 1, 347].

Зу́ркать, зу́ркаться – ‘стучать’, ‘стучаться’ [СРНГ, 12, 25].

Зю́ргать – ‘пить брагу’ [СРНГ, 12, 44].

Дзю-дзю и *дю-дю-дю* – ‘возгласы, которыми подзывают свиней’ [КЧС].

Дюдькать – ‘подзывать свиней’: *У нас свиней дюдькали, звали* [КЧС].

Дзүток – ‘поросенок’: *Дзүток – это поросёнок маленькой* [КЧС].

Ударение во всех словах на первом слоге. Их основа (*джург-*, *жург-*, *зург-* / *зюрг-*, *дзюрг-*) отмечается в коми словах: *d'žurk* – ‘хруст, треск, скрип’ [FF, 1, 182], *d'žurkedni* – ‘хрустеть, трещать, скрипеть, звенеть’ [FF, 1, 182], *дзурк* – ‘подражание скрипу’ [КПРС, 122], *дзурк* – ‘старинное приспособление в виде лучка, служащее для добывания огня путем трения’ [КЭСКЯ, 93; КРС, 196], *дзуркби* – ‘огонь, добытый трением’ [КПРС, 122], *дзуркакывны* ‘скрипеть’ [КРС, 196], *дзуркийдлыны* – ‘скрипеть, поскрипывать’ [КРС, 196], *дзуркнитны* – ‘скрипнуть’ [КПРС, 122; КРС, 196], *дзурскакывны* – ‘стрекотать’ [КРС, 196], *дзуркётны* – ‘скрипеть’ [КПРС, 123], *дзуркётм* – ‘скрип, поскрипывание’ [КПРС, 122], *дзурс-дзурс* – ‘пить крупными глотками’ [КПРС, 122], *дзуртм* – ‘скрип, хрюканье’ [КПРС, 123], *дзуртыштлм* – ‘(частое) поскрипывание; (частое) похрюкивание’ [КПРС, 123], *дзуту-дзуту* – ‘возглас, которым подзывают поросят’ [КПРС, 123], *дзуту* и *дзүток* – ‘поросенок’ [КПРС, 123] и др.

Корень этих слов восходит к общепермскому *dž'ur- (*dž'* – аффриката) – ‘скрип’ [КЭСКЯ, 93] и связан с корнем *dž'ir (см. выше). Оба они присутствуют в словах, которые обозначали поворачивающиеся (дверная петля) или вращающиеся (лучок для добывания огня) предметы, и оба называли звук (скрип), издаваемый во время действия этих предметов. После обоих корней в представленных словах присутствует заднеязычный (*g* или *k*). Видимо, корень возник в результате звукоподражания, основная его сема – ‘скрип’.

В русских говорах Прикамья в исследуемых заимствованных словах на основе семантики ‘скрип, скрипеть’ разными путями развивается значение ‘издавать звук вообще’ (ср. *зүргать*), которое постепенно по-разному дифференцируется: ‘издавать звук’ > ‘шипеть’ (*джүргать*, *жүргать*); ‘издавать звук’ > ‘стучать, стучаться’ (*зүркать*, *зүркаются*); ‘издавать звук’ > ‘издавать звук при питье (большими глотками)’ > ‘пить’ (*джюргать*, *дзюргнуть*, *зюргать*).

В коми-пермяцких и русских говорах употребляются различные подзывные слова (*дзуту-дзүту*, *дзю-дзю*, *дю-дю-дю*), возникшие на основе коми корня *джурк-* / *дзурк-* и давшие в обоих языках название поросенка (*дзүток*), связанное с подзывными словами. В коми говорах

развилось название звуков, издаваемых поросятами (*дзуртышлём*), а в русских говорах – глагол, обозначающий подзывание свиней (*дюдькать* из *дю-дю-дю*). В коми заимствованиях аффриката заменена русскими звуками, используются русские аффиксы.

Поиски заимствований с основой *джург-* / *дзург-* на других (непермских) территориях дали ряд слов. В вологодских говорах *дзюргать* – ‘молиться’: *Надо дзюргать перед началом каждой работы* [СРНГ, 8, 46]. В вятских и сарапульских *зүркать* и *зүркаться* – ‘стучать, стучаться’ [СРНГ, 12, 25]. В томских *жу́рга* [СРНГ, 9, 230] и в свердловских *журубка* – ‘жук’: *Ноне жуком зовут, а ране журовкой* [СРГСУ Д, 159], в «Словаре русских народных говоров» без указания места со ссылкой «Сл. Акад. 1898» зафиксировано слово *жу́ржа* ‘ворчун, ворчунья, брюзга’ [СРНГ, 9, 230]. Их объединяет ударение на первом слоге и сема ‘издавать звуки’ (‘говорить’, ‘стучать’, ‘жужжать’).

3 группа представлена несколькими словами только на севере Пермского края (в чердынских и красновишерских говорах).

Джа́рскатаь – ‘резко, неприятно кричать (о птицах, животных)’: *Кошки собрались, реву́т на разные голоса, джарскатаю́т* [Акчим. сл., 1, 237]; ‘грубо, крича, говорить что-либо, бранить кого-либо’: *Руга́ться – так джарскатаь* [там же].

Дзя́рскатаь – ‘издавать крик (о сороке)’: *Дзя́рска́т сорока – дож́ будет* [там же]; ‘крича, бранить кого-либо, грубить кому-либо’: *Начне́т руга́ться – с визго́м дзя́рска́т; У нас она́ постоянно́ дзя́рска́ет о́тицу* [там же].

Додзя́рскатаь – ‘криком довести кого-либо до раздражения’: *Додзя́рскаш там! Да́ст он тебе! Буда́ешь зна́ть!* [там же].

Зазя́ркатаь – ‘заикаться’: *Зазя́рка́ть – заякива́ться, неправильно́ говори́ть* [КЧС].

В этих словах ударение падает на слог *джар-*, *дзар-*, *зяр-*, в каждом слове есть основная сема ‘издавать звуки’. Несомненно, они развились на основе коми корней *джург-*, *дзург-*, *дзурк-*, но в них проявились особенности русского словообразования (приставки и суффиксы), произошли утрата коми аффрикаты *дж* (*дз*), замена ее двумя согласными, а также изменение гласного звука в корне.

В пермских говорах отмечаются и другие коми заимствования, в которых представлены результаты изменения начальной звонкой аффрикаты *дж*, например: *жуве́рки* и *жуве́рить*.

Жуве́рки – в Добрянском районе в 1870 г. ‘балки, которыми зимой подмащивают ухабы на дорогах’ [СРНГ, 9, 220]; в Соликамском районе в 70-е гг. XX в. – ‘обрубки дерева, кряжи, подкладываемые при

ремонте дорог для устранения ям, выбоин’: *Чтобы не было нырков, кладут жуверки, кряжи метра по два; А жуверки нарубят, чтобы ровна дорога была; Мостили дорогу жуверками; ‘деревья, подкладываемые подо что-либо для опоры’: Челенья делают всплошную, накладывают нижние жуверки, связывают вицами, три ряда в челено, больше не кладут* [СПГ, 1, 266].

Жувёрить – ‘устранять ямы, выбоины на дорогах путем подкладывания обрубков дерева, кряжей’: *Если есть на дороге нырки, сразу жуверят, кладут жуверки* [там же].

В коми-зырянских говорах отмечается слово **джу** – ‘ухаб, выбоина на дороге’ [ССКЗД: 101] и ряд слов с этим корнем, восходящим к общепермскому языку [КЭСЯ, 88-89]: **джуджыд** – ‘глубокий’, **джуджодды** ‘углублять, сделать более глубоким’ [ССКЗД, 101], **джум** – ‘омут, яма на дне реки’ [КЭСЯ, 89], **джумдор** – ‘обрыв, крутой берег’ [КПРС, 118] и др. С ними связаны и слова с корнем **дзу** [КЭСЯ, 93]: **дзу** – ‘лунка’; **дзув** – ‘узкая щель’ **дзувидны** ‘проникать (свету)’ [ССКЗД, 106], **дзумгысны** – ‘погрузиться (в какую-либо жидкость), провалиться’ [ССКЗД, 107] и др. Во всех представлена сема ‘глубокий, глубина’.

Какие-то из слов с корнем -джу- ‘яма’ были усвоены носителями русских говоров, и на их основе развились новые, адаптированные к русской фонетике и грамматике слова, которые стали обозначать то, что приходилось закладывать в ямы на дорогах (обрубки деревьев, кряжи), чтобы выровнять дорогу, и сам процесс ремонта дороги с их помощью.

Займствования с корнем -джу- отмечались и в других севернорусских говорах: в архангельских и вологодских **жувёрка**, а в последних еще и **жувёртка** – ‘рычаг’ [СРНГ, 9, 220], то есть ‘дубина, которую подкладывают (опускают) под предмет для поднятия его’, в архангельских **жу́ров** ‘кряж, используемый в качестве рычага при корчевании пней’ [СГРС, 3, 386]. Их семантика в итоге отлична от значения пермских слов, хотя в основе лежит общая сема ‘опустить в глубину (в яму или под предмет)’. В вологодских говорах развилось и еще одно отсутствующее в Прикамье значение слова **жувёрка** – ‘средство, умение крепко сжимать что-либо’, а также отмечен глагол жуверкать – 1) ‘сжимать’, 2) ‘говорить тихо, невнятно’ [там же]. Таким образом, результаты развития семантики коми заимствований с корнем -джу- в говорах Русского Севера и Прикамья оказались различными.

В некоторых случаях обращение к анализу коми слов с начальными аффрикатами **дж**, **дз** позволяет предположить основание

для появления некоторых русских топонимов Прикамья. Так, в Пермском крае есть несколько объектов с топонимами Дивий, Дивья: Дивий Камень – высокая скалистая гора на правом берегу Колвы, Дивья Пещера в этом камне – пещера с большим количеством гротов, Дивья – два правых притока реки Чусовой, населенные пункты Дивья на Колве и в бассейне Чусовой.

Обычно появление этих названий связывают со словом *удивительный*: *Дивья Пещера отличается удивительной красотой* [Кривошекова-Гантман 1983: 86]; *Дивья – приток Чусовой, текущая по карстовой местности, удивляет тем, что в некоторых местах уходит под землю* [КТСПК, 17] и т. д. В ряде источников скалистую гору называют *Девьим Камнем* или *Девьей горой* [Николаев и др., 128], причем такое название отмечено уже в XVII в.: *Есть, де, вверх Колвы-реки на пустых местех горы каменные, прозванья им: гора Девья, гора Боец...* [Расспросные речи, 1667, лист 11].

Название *Дивий Камень* русскими легко соотносилось с топонимом *Девий Камень* / *Девья* (гора), так как в слове *дева* в древнерусском и старорусском языках был звук «ять» (*оѣва*). В результате фонетических изменений в северных русских говорах Пермского края «ять» перед твердыми согласными перешел в звук *е* (*дева*), а перед мягкими – в звук *и* (*дивий*). Составители документов XVII в., обычно знающие нормы общерусского делового языка (функциональной разновидности русского литературного языка того времени), услышав слово *дивий*, воспринимали звук *и* в нем как результат диалектного развития звука «ять» и писали в соответствии с ним букву «е» (*гора Девья*), как это было принято в центральных текстах.

Связи звуков «ять» и *и* реализовались даже в языке пермского фольклора. Так, появилась трогательная легенда о красавице Деве, жившей на правом берегу Колвы, и богатыре Ветлане, который находился на левом берегу. Они полюбили друг друга, но коварная Колва не позволила им встретиться. Тогда Дева с горя бросилась с камня в Колву (в другом варианте – окаменела), и стали в память о ней называть его Девьим или Дивьим. Ветлан тоже от горя окаменел и остался стоять на левом берегу реки среди леса в виде высокой и длинной скалистой горы, которую назвали его именем. В другой легенде рассказывается о Деве, которая управляла всей чудью и жила в неприступной крепости на вершине горы. Дева была умна и красива, чудской народ под ее управлением был богат и счастлив и вел торговлю с чудью, обитавшей в Искоре. В солнечные дни Дева сидела

на вершине горы и сучила шелк для тенет, которыми ловили пушных зверей. Потому и прозвали гору Девьей / Дивьей.

Однако эти и другие легенды напоминают только о фонетических изменениях в речи, но не дают никаких оснований для этимологии топонимов *Дивья* и *Дивий Камень*.

Вместе с тем можно предложить другое решение вопроса о происхождении названия *Дивий*, менее эмоциональное, но, на наш взгляд, более реальное. В русском языке на протяжении долгого периода (XI-XIX вв.) существовало слово *ди́вий*, имевшее древний корень *di ‘дикий’ и получившее в праславянском языке расширитель (суффикс) -v- (*div). Одно из значений пришедшего из праславянского в древнерусский язык слова *див* / *дивий* – ‘дикий, не освоенный, не заселенный’ [СлРЯ XI-XVII вв., 4, 243]. Слова с корнем *div в этом значении отмечаются и в других славянских языках: болгарское *див*, македонское *див*, сербохорватское *ди́вљӣ*, словенское *divji*, старочешское *diví*, словацкое *divý*, полабское *daivě*, старопольское *dzivy* [ЭССЯ, 5, 35-36].

Вместе с тем параллельно со словами от *div в древнерусском языке существовали и слова с основой *dik, образованные от того же корня *di, но с другим расширителем, -k-. Одним из значений этого слова было тоже ‘дикий’ [СлРЯ XI-XVII вв., 4, 245]. Постепенно прилагательное *ди́вий* ‘дикий’ уступает свои позиции слову *дикий* и затем выходит из употребления в русском языке. Процесс его исчезновения был долгим: слово употреблялось в разных текстах XVII в., но в современном словаре, описывающем русскую лексику XVIII в., оно уже имеет помету «слав.», то есть отмечается как церковно-книжное [СлРЯ XVIII в., 6, 127], то же самое в словарях XIX в. – как церковное [ПЦСС, 1, 143; Даль, 1, 435]. Однако когда русские появились в бассейне Колвы (XII-XIV вв.), слово *дивий* еще звучало в их живой речи и попало в топонимию: береговой камень и пещера в нем казались дикими и получили соответствующее название.

Русские могли назвать пещеру *Дивьей* и еще по одной причине. В эпоху Древней Руси существовало поверье о злом духе, имя которого – *Див*. Оно пришло в древнерусский язык из восточных языков: из персидского через тюркские языки – *dēv* ‘демон, дьявол’ [Фасмер, 1, 512]. Слово *Див* встречается в тексте XII в. «Слове о полку Игореве»: *Свистъ звѣринъ вста, збися Дивѣ, кличетъ врѣху древа* или *Уже вержся Дивѣ на землю* [СлСОПИ, 2, 29]. Неизвестно, кого так называли в «Слове»: некое мифологическое демоническое существо, наводящее ужас, или реальную хищную птицу, предвещающую несчастье. Может быть, и пещеру в Дивьем Камне считали

обиталищем злого духа – *Дива*? Да к тому же на Дивьем Камне находятся гнездовья филинов, их зловещее уханье по ночам тоже устрашает. Так что и Камень тоже *Дивий*.

Так или иначе, но во всех случаях название *Дивий* должны были дать пришедшие сюда русские. Однако такой большой объект, как Дивий Камень, не мог не иметь какого-то дорусского, финно-угорского названия. Об этой каменистой горе люди знали уже в глубокой древности, о чем свидетельствует известный ученым с XVIII в. археологический памятник – городище родановской культуры, находящееся на Дивьем Камне. Ближайшие к нему объекты носят топонимы, восходящие к коми говорам. Это и название *Ветлэн*, попавшее в русскую легенду о Деве, и именование расположенного неподалеку от Ветлана хутора *Маегов*, образованное от коми прозвища *Маег* (*Маэг*) из слова *майӧг* ‘кол’ [КПРС, 241; ССКЗД, 216], и другие топонимы.

Есть в этом районе и названия, которые могли быть мансийскими, например, гидроним *Ухтым* – левый приток Колвы. Ср. название реки *Ухтá* в Республике Коми, в основе которого видят элемент *ухт-* из мансийского *ахт* ‘протока’ или ‘медведь’, хотя есть и другое предположение о происхождении гидронима *Ухта* – из коми языка [Туркин, 1986, 124]. И Дивий Камень мог иметь в прошлом какое-то коми или мансийское название, но ни в памятниках письменности, ни в устной передаче оно до нас не дошло.

Древние названия географических объектов нередко были связаны с глаголами или глагольными образованиями, характеризующими различные действия (обряды, хозяйственные процессы, способы передвижения). Так, *Ветлан* получил свое название от коми слова *ветлан* ‘дорога’, ‘предназначенный для езды’ [КПРЯ, 68], связанного со словами *ветлыны* ‘ездить’, *ветланін* ‘место проезда’ (там же).

Но какую дорогу могли назвать словом *ветлан* на Колве? Сам камень Ветлан для дороги совсем не подходит. В словаре И.Я. Кривошекова [1914, 258] сообщается: *Камень Ветлан стоит среди леса отвесной стеной, едва доступной для исследователя*. Непрístupными представляются и другие береговые скалы с таким же названием: *«стеноподобная скала около версты длины»* [там же, 257] на берегу Вишеры и скалистый высокий берег реки Язьвы. Название последнего на коми-язьвинском диалекте звучит как *Вит’л’áна* и тоже связано с глаголом движения *витлино* ‘ходить’ [Лыткин, 1961, 99]. Однако все эти Ветланы непрístupны, тогда о какой же дороге может идти речь? – О дороге по реке. У каждого из Ветланов

начинается удобный плес, то есть ‘прямое русло от поворота до поворота’ – дорога по реке, которая особенно важна там, где невозможно пройти или проехать по суше. И между Ветланом и Дивьим Камнем на Колве находится удобный для сообщения по реке длинный плес (*Ветланское / Ветлянское плёсо*).

В коми-зырянском языке сохранились слова с корнем *-джив-* / *-див-*: *дживгыны* ‘плавно нестись (о лодке)’, *дживъялны* ‘кататься (на лодке)’, *дживгини* ‘ехать медленно (по зимней дороге на санях)’ [ССКЗД, 100], *дивгыны* ‘плестись’ [КРС, 187]. Семантически с ними связаны глаголы с корнем *-дзöв-*: *дзöвкъявны* ‘плавать на поверхности’ [ССКЗД, 105; КРС, 194; РКС, 434], ‘носиться’ [ССКЗД, 105]; *дзöкйöдны* ‘быстро нестись (например, о лодке)’ [ССКЗД, 105], *дзöвкнитны* ‘пронестись, быстро пробежать, проехать, проплыть’ (там же). В говорах отмечаются также слова с корнем *-дзув-*: *дзувкъявны* ‘носиться’ [ССКЗД, 106], *дзувкöс* ‘ходкий, легкий и быстрый на ходу (о лодке)’ [там же].

Семантически оказываются связанными существительное *ветлан* ‘дорога’ (причем в данном случае ‘дорога по реке’) и слова с корнем *-див-* (*-джив-* / *-дзöв-* / *-дзув-*) со значениями ‘плыть (плавно или быстро) на лодке’, ‘ехать медленно по зимней дороге (возможно, по замерзшей реке)’. Все они были актуальны в хозяйственной жизни живших здесь рыбаков и охотников, так как называли места проезда, удобные для того, чтобы плыть от Ветлана до Дивьего Камня. Видимо, последний и получил в прошлом название с корнем *-див-*.

Таким образом, древние названия камней *Дивий* и *Ветлан* возникли у коми как характеризующие определенную местность по деятельности на ней, в данном случае по передвижению. Пришедшие в Прикамье русские знакомились с существующими названиями, но, не зная их семантики, создавали свои, опираясь на свою культуру и традиции. Русские усвоили коми название с корнем *-див-*, приспособили его к своей фонетике (аффриката *дз’*, отсутствующая в русском языке, заменена звуком *д’*) и реализовали в названии *див* знакомую им семантику ‘дикий’. Впоследствии с постепенным исчезновением прилагательного *див* / *дивий* из нарицательной лексики его значение ‘дикий’ в топониме перестало быть актуальным и забылось, зато в результате изменения звука ‘ять» обнаружилась связь со словом *дева* и прилагательным *девий* / *дивий*, что и вызвало к жизни легенды о Деве и Ветлане.

Топонимы *Дивья* и *Ветлан* на Чусовой (названия притоков реки и селений в ее бассейне), скорее всего, были принесены русскими с Колвы, из Перми Великой. Об этом могут свидетельствовать два

обстоятельства. Во-первых, одна из рек с названием *Дивья* впадает в Чусовую неподалеку от устья другого притока – *Ветлана*. Вряд ли связь топонимов *Дивья* и *Ветлан* здесь были случайными, скорее всего, их принесли с Колвы, где они связаны *Ветланским плёсом*.

Во-вторых, писцовая книга 1623 г. и переписная книга 1647 г., а также более поздние документы по Чусовским землям вотчины именитых людей Строгановых содержат немало прямых указаний на то, что сюда переселялись крестьяне, жившие ранее на Колве: *Мартышко да Юдко, чердыницы; Матюшко Петров сын Казаков, чердынец; Петрушка Нифонтов сын Люгсов, Чердынского уезда с Покчи; Кондрашка Иванов сын Чердынского уезда Покчинского погоста* [Елизаров, 1647, 100, 117]. Кроме того, на Чусовой было много переселенцев с Русского Севера: *Федька Прокофьев сын Вагин; Павлик Парфеньев сын Вондокурец; Васька Иванов сын Вологженин; Ивашко Андреев сын Вычегжанин; Гаврилко Денисов сын Моржегорец* [Кайсаров, 1623, 140-143]; *Игнашка Тимофеев сын Тараниных, колмогорец; Марко прозвищем Дружинка Афанасьев сын, мезенец; Васька Власов сын Важенин, Сенька Васильев сын Кошечкин, каргополец; Гришка Степанов сын с Сухоны* и др. [Елизаров, 1647, 95, 116-118]. Эти люди приходили в Прикамье по притокам Вычегды на притоки Колвы, возможно, проживали там какое-то время, знали топонимы бассейна Колвы, привыкли к ним и принесли их на новые места – на Чусовую.

Представленный в статье анализ ряда слов коми происхождения (с начальными аффрикатами *дж* и *дз*') в русских говорах и топонимии Пермского края свидетельствует об усвоении актуальной для жителей Прикамья заимствованной лексики и ономастики, о фонетической и грамматической адаптации их к русскому языку, о появлении в говорах новых русских слов с коми основами и о развитии в усвоенных коми словах новой семантики.

Литература (с условными сокращениями)

Аксенова О.П. Семантическая адаптация коми-пермяцких топонимов в русском языке // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы 1 Междунар. науч.-практ. конф. Кудымкар, 1997. С. 496-500.

Акчим. сл. – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь, 1984-2003. Вып. 1-5.

Баталова Р.М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII начала XIX вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 69-75.

Васильев В.Л. Новгородская географическая терминология: Ареально-семасиологические очерки. Великий Новгород, 2001.

Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3-45.

Гусева Л.Г. К вопросу о судьбе заимствованной лексики в уральских говорах // Русская диалектная этимология. Екатеринбург, 2002. С. 36-38.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.

Елизаров – Елизаров – Переписная книга воеводы Прокопия Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87-146.

Кайсаров – Писцовая книга Кайсарова 1623/4 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых // Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Пермь, 1889. Вып. 1-4. С. 103-194.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.

КРС – Коми-русский словарь. М., 1961.

Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Кривошекова-Гантман А.С. Адаптация русским языком коми-пермяцких гидронимов // Вопросы русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1966. С. 87-107. (Уч. зап. Перм. пед. ин-та. Вып. 34).

Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем. Пермь, 1983.

Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46-62.

КТСПК – Краткий топонимический словарь Пермского края / Сост. Е.Н.Шумилов. Пермь, 2005.

КЧС – Картотека Чердынского словаря, хранящаяся на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

КЭСКОЯ – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.

Лыткин В.И. Происхождение коми-пермяцкого языка // Коми-пермяцкий язык: Учебник для высших учебных заведений. Кудымкар, 1962. С. 18-27.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. 123 с. – (Учен. зап. Урал. ун-та. Вып. 32).

Матвеев А.К. Целенаправленный поиск лексических заимствований и некоторые вопросы их интерпретации // Русская диалектная этимология Екатеринбург, 2000. С. 41-43.

Мищенко О.В. Названия внешних новообразований в говорах Русского Севера II // Финно-угорское наследие в русском языке: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2000. Вып. 1. С. 120-134.

Нештаев Н.И. Распространение коми-пермяцких географических названий в Пермской области // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968. С. 52-58.

Николаев С.Ф., Степанов М.Н., Чепкасов П.Н. География Пермской области: Пособие для учащихся восьмилетней и средней школы. Пермь, 1973.

Новг. сл. – Новгородский областной словарь: в 13 вып. Новгород. 1992-2000.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990.

Полякова Е.Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.

Полякова Е.Н. Коми лексика в пермских памятниках XV – начала XVIII века // Полякова Е.Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: Избранные труды. Пермь, 2002. С. 241-248.

Прокошева К.Н. Коми заимствования в составе глагольных фразеологических единиц говоров Северного Прикамья // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 59-67.

ПЦСС – Полный церковно-славянский словарь / Сост. Григорий Дьяченко: В 2 т. М., 1998.

Расспросные речи – Расспросные речи чердынцев и пермян по государеву указу о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде и проч. на северо-восток от Перми¹, 1667 г. сентябрь. Рукопись. Архив

¹ Пермью в данном случае названа столица Перми Великой – город Чердынь. Современного города Перми в XVII в. еще не было.

Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук. Фонд 122. Переплет 7.III. № 939.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Т. 3.

СГТ – Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. ун-т. – Пермь, 2007.

СРГСУ Д – Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения. Екатеринбург, 1996.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975-2003. Вып. 1-26.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1991. Вып. 6.

СлСОПИ – Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова: в 6 вып. Л., 1965-1984.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь, 2000-2002.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / Сост. Е.Н. Полякова: в 6 вып. Пермь, 1993-2001.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб., 1965-2004. Вып. 1-38.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Теуш О.А. Ненецко-коми-русские лексические параллели // Финно-угорское наследие в русском языке: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2000. Вып. 1. С. 95-120.

Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964-1973.

ФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Екатеринбург, 2004. Вып. 1.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5.

FF – *Fokos-Fuchs D. R.* Syrjänisches Wörterbuch. I-II / Budapest, 1959.

Чердынская челобитная XVII века*

Е.Н. Полякова

Живая речь жителей Пермского края XVII в. отражена в многочисленных деловых документах того времени, составленных в Прикамье. Наиболее последовательно особенности речи сохранены в текстах, написанных непосредственно со слов говоривших о каких-либо событиях, так как писчие дьячки старались максимально точно передать сообщение в документах. Такие записи хорошо представлены в судебных актах: в челобитных истцов и в допросных сказках ответчиков и свидетелей.

Следует учитывать, что в этих текстах обычно присутствуют и обязательные формульные части, и свободное изложение описания события. Так, в челобитных в начале документа фиксируется формульное обращение к царю и название того, кто «бьет челом», т. е. обращается с просьбой (его антропоним, определение социального положения и места проживания). В конце акта вновь записывается обращение к царю и просьба зарегистрировать челобитную и принять меры. Обращение к царю в местных документах, касающихся незначительных бытовых дел, – это только дань формуле; такие акты, безусловно, не выходили за пределы пермских судных изб и приказных палат. В этих частях текста обычно хорошо выдержаны штампы делового языка.

Описание события, по поводу которого составлен документ, помещалось в средней его части, оно было относительно свободным от штампов делового языка, хотя в отдельных случаях и они здесь присутствовали.

Примером документа, в котором отмечаются черты живой речи, может быть челобитная, поданная цыдвенским крестьянином Фотеем Офонасьевых (так в рукописи) в Чердынскую приказную палату в сентябре 1678 г. Погост (ныне село) Цыдва, в котором происходило описываемое в челобитной событие, расположен в 26 км от Чердыни –

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края», № 08-04-82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья», № 09-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь человека».

главного города Великой Перми. Он отмечается как деревня Цыдва еще в писцовой книге Ивана Яхонтова 1579 г.

Челобитная, написанная обычной скорописью XVII в., хранится в Чердынском краеведческом музее имени А.С. Пушкина (фонд 2558, единица хранения 2). Несмотря на длительную историю документа (более 330 лет), он хорошо сохранился. В нем представлено не только описание события челобитчиком, но и отрывки прямой речи жителей Цыдвы. Знаки препинания в тот период в деловых текстах Прикамья не использовались, но прямая речь в документе легко вычленяется и без них, так как она вводилась в текст с помощью глаголов говорения (**говорить**, **сказать**, **закричать** и др.) и частицы **де**, в ней обычно присутствуют местоимения и глаголы 1 и 2 лица, ср. в тексте челобитной: «Марфа стала говорит дочери своей евдокѣике не винис де ты ѿѿѣю нивчем».

Орфография текста характеризуется сохранением части старых букв кириллицы (**ѣ**, **ѡ**, **ѣ**, **ѣ**), употреблением выносных согласных в конце слогов (**самодержѣцу**, **бѣет** **челом**, **заперѣта**, **голбець**), причем мягкость согласных при передаче их выносными буквами специально не обозначалась (**танка**, **василевѣ**), *j* (й) передавался выносной буквой **и** (евдокѣика, кlementeи). Отмечаются конечные выносные слоги (**великого**, **году**, **того**). Выносные буквы и слоги использовались непоследовательно, при публикации они передаются курсивом. Часть слов написана сокращенно: **црю** (царю), **гсдрю** (государю), **снь** (сын), **нншней** (нынешней), – что было принято для лексики, постоянно повторяющейся в штампах делового языка и в церковно-книжных текстах.

Предлоги написаны слитно со словами, к которым они относятся (**вызбѣ**, **комнѣ**), передается озвончение предлога **с** в результате регрессивной ассимиляции (**з женою**), под воздействием живой речи после шипящего **ж** написано **ы** (**загражывает**).

При обращении к государю в формулах ощущается воздействие нормы церковно-книжных текстов: **всѣа** (отсутствие *j* между гласными, т.е. зияние) **великия и малыя и бѣлыя росни** (архаическое окончание прилагательных). Датировка в челобитной обычная для деловых документов XVII в. – числа обозначены буквами: **РПЗ** значило 187, т.е. 6187 год «от сотворения мира» (обозначение тысяч в датах опускалось). При переводе даты на летоисчисление «от рождества Христова» из нее вычитается 5509, если указаны месяцы с сентября по декабрь (в челобитной *сентябрь*). Таким образом, рукопись датируется 1678 г.

В основной части документа отражается влияние местного говора: *и* вместо **ѣ** перед мягкими согласными (**лизет**, **дорофиев**) при сохранении его перед твердыми согласными (**полѣзла**), начальное *ѡ* в соответствии с *е* (**ѡдва**) твердые согласные на месте мягких в непермских текстах (**закрычала**, **крук**), диалектная лексика (**голбец** ‘подполье’, **спередизбѣ** ‘место перед фасадом избы’).

Приводим текст челобитной и его перевод на современный язык.

Челобитная

Црю гсдрю и великому кнзю Фео́дору Але́ѣе / вичю всеа великия и малыя и бѣ́лыя росии / самодержцу бѣет челом и являет твои великого / гсдря сирота вилгортского стану крстья / нишко ѡ́отка ѡ́ѡнасевых с цыды а жало / ба гсдрь мнѣ́ сиротѣ́ на ѡ́ндрѣ́я доро́ѡи / ева сна ѡ́ѡнасевых с цыды въ нншем гсдрь / во РПЗ году сентябрю въ К де число тои андрѣ́евы / дочери евдокеики комнѣ́ сиротѣ́ полѣ́зла окном / передным из спередизбѣ́я татем а изба была / заперта на круке ис нутрену сторону было / круком и замком сничным заперто ꙗ́ та евдо́ѣеика стала / отпирати голбецъ и я сирота пришел домои и ѡ́ / кошко перед избою отперто стало поло и в око / шко захлянул и вызбѣ́ ходит андрѣ́ева доч ли / зет в голбецъ и я сирота послал Герасима / по десятского по луку селкова а сам пошел застават / вора вызбѣ́ и тот лука пришел тотчас и ссыном савкою / и я сирота полез вызбу ѡ́два ѡ́кошком попал и / та евдо́ѣеика бросилася утти в окошко въ / задное и я сирота захватил тут ее в [ок]ошкѣ́ / и за ноги ее схватил и в то время люди на / бежали как она евдо́ѣеика в окошке закрычала ѡ́отѣ́и де отпусти де меня евдо́ѣеику не я де / крала тебя сестра моя танка и мы де про / пажу твою принесем де всю к тебѣ́ назад / и тѣ́ рѣ́чи евдо́ѣеикины слышали многие / сторонные люди и лучка селков и снѣ́ ег савка и яра / сим василевъ из женоу с ѡ́едороу и клементеи давы / дов еремии просвирнии емельянова жена евдо́ѣея / русиновых степан Юмшанов и зженоу с кипилею / степан [Е]мельянов анна ларионова дочь / и при тѣ́х сторонных людѣ́х пришел комнѣ́ сиротѣ́ / вызбу андрѣ́и доро́ѡиев и з женоу своею с марѣ́ою / и с топорами и жена его марфа стала говорит / дочери своей евдо́ѣеике не винис де ты / ѡ́отѣ́ю нивчем и тѣ́ ее рѣ́чи марѣ́ины тѣ́ / же люди слышили и тот андрѣ́и у меня / сироты у избных дверей ѡ́бухом изломаль / пробои и крук и замок сничной с нутреную сто / рону и впрѣд мнѣ́ сиротѣ́ тот андреи загра / живает всякими своими злыми

дѣлами / убивѣством и надвор и на сѣно пожегом и в по / ле хлѣбною
протравую и на скот подсеѣ / кою и буди гдсѣрь гдѣ какое злое дѣ / ло
учинится убивство и пожег и в поле хлѣ / бная протрава или на скот
подсека или / смѣрть безвѣсная ино гдсѣрь я сирота ѿ / прочѣ того
андрѣя инаго супостата над / собою невѣдаю млрсѣдѣй гдсѣрь цѣрь / и
великии кнзѣ Ѣеодорѣ Алексѣевичѣ / всеа великия и малыя и бѣлыя
росии / самодержецѣ пожалуй гдсѣрь меня си / роту свою вели гдсѣрь се
мое челобите и я / вку в городе в чердыни в приказнои избѣ при / нят
и книги запишат цѣрь гдсѣрь смилуися / пожалуй

Перевод челобитной

Царю-государю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу, бѣет челом и сообщает твой Великого государя сирота, Вильгортского стана крестьянишко Фотѣйка Офонасьевых, с Цыдвы. А жалоба, государь, моя, сироты, на Ондрея Дорофиева сына Офонасьевых с Цыдвы. В нынешнем, государь, в 187 (1678) году сентября в 20 день и число того Андрея дочь Евдокейка ко мне, сироте, полезла окном передним из спередизбѣя вором. А изба была заперта на крюке, с внутренней стороны было крюком и замком сничным заперто. И та Евдокейка стала отпирать голбец. И я, сирота, пришел домой, и окошко перед избою отперто, стало открытым. И в окошко заглянул, и в избе ходит Андреева дочь, лезет в голбец. И я, сирота, послал Герасима за десятским за Лукой Сельковым, а сам пошел заставить вора в избе. И тот Лука пришел тотчас и с сыном Савкою. И я, сирота, полез в избу, едва в окошко пролез. И та Евдокейка бросилась уйти в окошко в заднее. И я, сирота, захватил тут ее в окошке и за ноги схватил. И в то время люди набежали, как она, Евдокейка в окошке закричала: «Фетей, отпусти меня, Евдокейку, не я обкрадывала тебя, а сестра моя, Танька. И мы пропажу твою принесем всю к тебе назад». И те слова Евдокейки слышали многие посторонние люди: и Лука Сельков, и сын его Савка, и Ярасим Васильев и с женою с Федорою, и Клементий Давыдов, Еремий Просвирнин, Емельянова жена Евдокея Русиновых, Степан Юмшанов и с женою Кипильею, Степан [Е]мельянов, Анна Ларионова дочь. И при тех посторонних людях пришел ко мне, сироте, в избу Андрей Дорофиев и с женою своею Марфою, и с топорами. И жена его Марфа стала говорить дочери своей Евдокейке: «Не винись ты перед Фотеем ни в чем». И те ее речи Марфины те же люди слышали. И тот Андрей у меня, сироты, у избных дверей обухом

изломал пробой, и крюк, и замок сничной с внутренней стороны. И в будущем мне, сироте, тот Андрей угрожает всякими своими злыми делами: убийством, и пожегом сена, и в поле хлебною потравую, и подсекою скота. И если, государь, какое злое дело учинится – убийство, и пожег, и в поле хлебная потрава, или убийство скота, или смерть безвестная, то, государь, я, сирота, кроме того Андрея, другого супостата над собою не знаю. Милосердный государь-царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалей, государь, меня, сироту своего, вели, государь, это мое челобитье и явку в городе Чердыни в приказной избе принять и в книги записать. Царь-государь, смилуйся, пожалуй.

Отражение народных представлений о болезни в лексике северных пермских говоров (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)*

Л.С. Рассанова

Современные исследования в диалектологии связаны прежде всего с построением подсистем лексико-семантического уровня языка (в виде лексико-семантических групп и семантических полей). Подобные совокупности лексических единиц в рамках этнолингвистического подхода рассматриваются как информационное поле, компоненты которого отражают разные представления о том или ином фрагменте действительности, а связи и отношения между ними – особенности культуры, мышления и восприятия мира у разных социальных и этнических групп.

В нашей статье внимание направлено на исследование лексики семантического поля (далее – СП) «Болезнь», функционирующей в северных говорах Прикамья. Материалы были собраны в ходе диалектологических экспедиций в Красновишерский, Чердынский, Соликамский районы Пермского края, а также методом сплошной выборки из картотеки «Словаря чердынских говоров» (далее – КСЧГ).

Надо сказать, что народный язык, народные обряды, представления и вся народная духовная культура с элементами включенной в нее материальной культуры представляют собой единое целое и с научной точки зрения, и в представлении носителей этой культуры [Толстой 1995: 21]. Исходя из этого утверждения, можно предположить, что представления о том или ином явлении находят отражение в языке носителей говора. На материале лексики СП «Болезнь» мы попытались рассмотреть два важнейших, на наш взгляд, закреплённых в народном языковом сознании представления о болезни:

1. Болезнь – это физическое воздействие потусторонних сил извне на организм человека;
2. Болезнь – это явление, не вписывающееся в привычный порядок вещей и ритм жизни, отклоняющееся от нормы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность», РГНФ № 09-04-82403 а/У «Фразеологический словарь русских говоров Пермского края», № 08-04-82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья».

Лексику, отражающую данные народные представления, мы объединили в культурно-мотивированные группы: «Болезнь как физическое воздействие на человека» и «Болезнь как явление выходящее за рамки установленной народным сознанием нормы». Формирование этих групп осуществлялось с помощью выявления обобщенных культурно-семантических признаков, лежащих в основе номинации лексики семантического поля «Болезнь» [Поздеева, 2005, 73-80]. Отметим, что под культурной семантикой мы понимаем семантическое следствие культурных предпочтений носителя языка, реализацию в семантических категориях его культурного выбора [Березович, 2007, 20]. Определение наличия культурного компонента в семантике лексических единиц производилось посредством мотивационного, семантического и этимологического анализа.

Рассмотрим выделенные нами группы лексики.

1. Болезнь как физическое воздействие на человека

Болезнь часто характеризуется посредством указания на нарушение целостности, деформированность. В основном эта культурно-мотивированная группа представлена глагольной лексикой. Общее родовое значение этих глаголов можно определить как 'нарушать форму, целостность'. В семантике данных глаголов ассоциативно содержится связь с проявлением болезни как демонической силы, воздействия извне. Это проявляется в безличности большинства глаголов и в существовании устойчивых выражений типа ругательства *черти чтоб тебя ломали*.

Рассмотрим, как реализуется представление о болезни как физическом воздействии на примере глаголов, обнаруженных нами в КСЧГ. На основе отдельных компонентов значения мы в рамках данной культурно-мотивированной группы можем выделить несколько подгрупп.

А) Процесс болезни как насильственное овладение организмом человека.

Это представление о процессе болезни отражено в следующих лексемах:

Найтí (безл.) 'вызвать болезненное состояние' (*На меня корь нашла*) (ср. с лит. *найти* 1. 'идя, двигаясь, натолкнуться на кого-л., что-л'; 2. 'двигаясь, закрыть собой') [Ожегов, 1989, 380]. Процесс болезни в рассмотренном случае осмысливается в категории движения, направленного против человека, то есть актуализируется семантика встречного горизонтального движения, столкновения.

Захватывать (безл.) 'подвергать болезненному состоянию' (*Одышка давит, сердце захватывает*) (ср. с лит. *захватывать* 'силой

овладевать кем-л., чем-л.')[Ожегов, 1989, 227]. По данным этимологических словарей, старшее общеславянское значение глагола *chvataŋi могло быть 'присваивать, делать своим чужое', формальная реконструкция которого приводит к и.-е. корню *sue- местоименного происхождения (родств. мест. *svojь) со значением 'присвоить' [Черных, 1994, II, 335; ЭССЯ, 1981, VIII, 123]. С одной стороны, через корень *-хват-* реализуется семантика внезапности, быстроты воздействия на организм (ср. с лит. *хвати́ть* 'брать резким, быстрым движением') [Ожегов, 1989, 858], то есть значение этого корня указывает на реальную симптоматику болезни. С другой стороны, значение данной глагольной единицы отражает представление о процессе болезни как насильственном состоянии, сообщенном больному внешним воздействием. Болезнь воспринимается как подчинение человеческого организма враждебной силе, победа этой силы над ним.

Восприятие болезни как захвата человека внешней силой, действия против него с враждебной целью также содержится в семантике таких единиц, как:

Пойма́ть 'вызвать болезненное состояние' (*Вот насмока поймала, чишот, кашлят*) (ср. с лит. *пойма́ть* 'схватить') [Ожегов, 1989, 574].

Взя́ть (безл.) 'вызвать болезненное состояние' (*Его взяла язва; Верно, простыла, и меня взяло*) (ср. с лит. *взя́ть* 'кого-что-либо захватывать рукой или каким-нибудь орудием, зубами') [Ожегов, 1989, 85].

Напа́сть 'вызвать болезненное состояние' (*Егожник на неё напал, чесотка чё ли*) (ср. с лит. *напа́сть* 'броситься на кого-что-либо с враждебным намерением') [Ожегов, 1989, 385].

Уне́сти 'о смерти кого-л. от какой-л. болезни' (*Унесла воспа, умерла*) (ср. с лит. *унести́* 'уходя, взять с собой') [Ожегов, 1989, 831]. На основании сопоставления значений обнаруженных нами в КСЧГ единиц со значениями единиц русского литературного языка (далее – РЛЯ) мы видим, что в говоре семантика присвоения и захвата сохраняется, дополняясь культурным смыслом и передавая образные представления носителей говора о процессе болезни. Таким образом, болезнь в традиционной культуре воспринимается как некая сила, способная к движению, причиняющая боль, которая направлена против человека и может победить его.

Теперь рассмотрим глаголы, которые отражают конкретные симптоматические проявления процесса болезни. В их семантике

содержится указание на способ воздействия болезни на организм, то есть на характер проявления болевых ощущений и других симптомов.

Б) Процесс болезни как нанесение вреда организму человека (с указанием на способ и орудие действия).

Данная подгруппа представлена в КСЧГ следующими единицами:

Стрелять (безл.) ‘резко болеть’ (*Голова болела, даже в крыльце, в лопатку стреляло*). В семантике данного глагола содержится метафорическое указание на воздействие извне, причиняющее острую боль (ср. с лит. **стрелять** ‘производить выстрел из огнестрельного оружия, выпускать стрелу, камень, ядро’) [Ожегов, 1989, 771]. В рассмотренном случае на острый характер и разовость появления боли указывает то, что воздействие на организм человека осмысливается носителями традиционной культуры как выстрел.

Ткну́ть (безл.) ‘резко заболеть’ (*Печень у меня болит, вот сегодня опять ткнуло в бок*). Как и в предыдущем случае, болезнь воспринимается в сознании диалектоносителя как некая сила, направленная против человека, наносящая ему удар (ср. с лит. **тыкать** 1. ‘вонзать что-либо колющее, имеющее заостренный конец’; 2. ‘колоть, прокалывать чем-либо острым’) [Ожегов, 1989, 815]. Значение единичности или периодичности появления этого болевого ощущения передается суффиксом *-ну-* – показателем однократного подвида (совершенного вида), именно в этой форме данный глагол обычно и выступает. В этом случае воздействие на организм со стороны болезни, по народным представлениям, метафорически представляется острым предметом, что передает характер болевых ощущений.

Дави́ть (безл.) 1. ‘воздействовать на организм человека (о болезни)’; 2. ‘о давящей боли (в области сердца)’ (*Когда давит худобишию ребёнка, он руками и ногами брыкат, ноги вытянет, посинеет; У меня в груди спираёт, давит*) (ср. с лит. **дави́ть** 1. ‘налегать тяжестью’; 2. ‘прижимать массой, тяжестью’) [Ожегов, 1989, 154]. В данном случае способ действия болезни на человека осмысливается как давление тяжестью.

Опали́ть (безл.) ‘о состоянии высокой температуры тела’ (*Никак, видно, порча не отпускает, всего меня опалило*). В этом случае состояние человека с высокой температурой тела обозначается через метафорическое указание на процесс обжигания (ср. с лит. **пали́ть** ‘жечь, сжигать’) [Ожегов, 1989, 488]. Наряду с глаголом **опали́ть**, в чердынских говорах встречается устойчивое выражение *как огнём опалило*, которое имеет то же самое значение. В этом

выражении подчеркивается связь состояния высокой температуры с физическим воздействием огня.

На основании этимологических данных здесь же нам кажется целесообразным рассмотреть глагол ***хворать*** ‘болеть’ (*У девочки жар какой-то стал, болела, хворала*). Корень *chvor является общеславянским, он возводится к и.-е. *suer (suor) – ‘резать, колоть, нарывать’ (переход $s > x$ осуществился скорее всего, в связи с негативной семантикой, вне зависимости от каких-либо специальных фонетических условий) [Черных, 1994, II, 336; ЭССЯ, 1981, VIII, 132], следовательно, мы можем сделать вывод о том, что раньше этот корень имел более конкретное, по сравнению с современным, значение – указывал на ощущения, сопровождающее болезненное состояние. В рассмотренном случае болевые ощущения характеризуются как действие колюще-режущих предметов.

Таким образом, мы можем говорить о том, что действие болезни на организм человека в народном мировидении может сравниваться с действиями, производимыми оружием, колюще-режущими острыми предметами, огнем, какой-либо тяжестью. Так или иначе, эти представления отражают реальный характер болевых ощущений, с одной стороны, и персонификацию болезни в сознании носителей говора, с другой.

В) Процесс болезни как разрушение, разделение больного органа на части.

Концепт здоровья в традиционной культуре включает такие качества, как целостность, неповрежденность организма. Болезнь же воспринимается как пришедший извне чужеродный элемент, пробивший границу между мирами и оказавшийся внутри человека, который в результате теряет крепость, силу, становится ущербным [Усачева, 2008, 251]. Рассмотрим представление о болезни как нарушении целостности больного органа на примере следующих единиц, обнаруженных нами в КСЧГ:

Ломить (безл.) ‘болеть’ (*Скоро пошла, дак сразу ноги и заломило*) (ср. с лит. *ломать* ‘сгибая или ударяя с силой, разделять надвое, на куски, на части’) [Ожегов, 1989, 331].

С этимологической точки зрения семантика нарушения целостности больного органа присутствует и у глагола ***выгнить*** ‘разрушиться болезнью’ (*Пузырьки, пузырьки, потом они загниют, то место выгнет. Страшная болезнь это*) (ср. с лит. *гнить* – ‘разрушаться, подвергаясь органическому разложению’) [Ожегов, 1995, 130]. О.Н. Трубаев возводит этот глагол к и.-е. корню *ghnēi- со старшим значением ‘быть растертым, распасться на мельчайшие

части' [ЭССЯ, 1979, VI, 177]. Следовательно, на основе этимологических данных мы можем утверждать, что глагол *гнуть* тоже характеризует болезнь как разрушающую организм силу.

Г) Процесс болезни как изменение больного органа (посредством загибания, верчения).

В северных пермских говорах также присутствуют глагольные лексемы, обозначающие болезнь как процесс изменения формы больного органа. Рассмотрим следующие случаи:

Кособѣнить (безл.) 'сводить судорогами' (*Судорогой кособенит пальчи*). Мотиватором в данном случае является литературный глагол *косить* 'придавать чему-либо косое положение, делать кривым, направлять вкось' [Ожегов, 1989, 300].

Закорѣчить (безл.) 'начать сводить судорогами' (*Ногу закорчило, заболело*). По одной из научных версий, это слово восходит к праиндоевропейскому корню **keg* со значением 'сгибать, крутить' [ЭССЯ, 1985, XII, 56].

Загибѣть (безл.) 'о сильной боли, ломоте' (*Меня сегодня загибает*) (ср. с лит. *загибать* 'согнуть, завернуть, отклонить в сторону') [Ожегов, 1989, 204].

Крутитъ (безл.) 'о сверлящей боли в желудке' (*Поешь – крутит, кружит, болит брюхо*) (ср. с лит. *крутить* 'приводить в круговое движение, вращать, вертеть') [Ожегов, 1989, 310].

Кружѣть (безл.) 'о сверлящей боли в желудке, кишечнике' (*Поешь – крутит, кружит. Болело брюхо*) (ср. с лит. *кружить* 'заставлять двигаться кругообразно') [Ожегов, 1989, 310].

Вывертеть (безл.) 'постепенно сделать неполноценным, разрушить болезнью' (*На место лекарства глазного како-то втирание пустила, у меня его и вывертело, глаз-от*) (ср. с лит. *вертеть* 'приводить в круговое движение') [Ожегов, 1989, 79].

Общим мотивировочным признаком этих глаголов является указание на деформацию больного органа под воздействием внешней силы. Часто указание на изменение формы является метафорой, передающей характер болевых ощущений. Родовое значение процессуальной лексики этой группы можно определить так: 'нарушать форму, целостность'.

Процесс болезни как физического воздействия находит отражение не только в семантике рассмотренных глаголов, но и в их грамматической форме. Важно отметить тот факт, что большинство глагольных лексем с подобным значением являются безличными. Безличность передает процесс, протекание которого не зависит от человека: *Ногу закорчило; давит в груди; крутит брюхо; всего меня*

опалило; сердце захватывает; под лопатку стреляло; ткнуло в бок (ср. с лит. *болит живот; болит сердце; болит нога*).

Т.И. Вендина считает, что присутствие человека в языке ощущается на всех языковых уровнях, так, формирование безличных предложений в русском языке первоначально было связано с древними воззрениями славян на природу, с верой в сверхъестественные силы, которые ими табуировались. Сама система грамматических форм безличных предложений сформировала значение производителя действия как высшую стихийную, неопознанную силу, которая приобретает в структуре предложения характер неопределенности, неконкретности (ср. *морозит, знобит, лихорадит*) [Вендина, 2002, 7].

Мы видим, в говоре подобные словосочетания связаны объектными отношениями, то есть больной орган или весь человеческий организм выступают как объект воздействия, а сам процесс болезни выступает как физическое воздействие некой силы извне (в РЛЯ подобные сочетания выступают как предикативные единицы).

С.М. Поздеева считает, что это физическое воздействие носит потусторонний, демонический характер, она пишет: «Непосредственная связь мотивировочных признаков битья, ломания, захвата, давления с идеей применения силы позволяет вывести на их основе культурную ассоциацию, выражающую народное понимание болезни в виде персонифицированной демонической (чаще всего невидимой) силы, имеющей губительный для человека характер» [Поздеева, 2005, 102].

Рассмотрим другую культурно-мотивированную группу лексики.

2. Болезнь как явление, выходящее за рамки установленной народным сознанием нормы

Болезнь в народном сознании часто может пониматься как нечто аномальное, как отклонение от нормы. Тот факт, что в говорах достаточно широко представлена данная группа лексики, связан с известной в языке тенденцией к преимущественному выделению языком отклонения от нормы, коими и являются болезнь, процесс болезни и больной человек с точки зрения народной культуры. В лексике данной группы отразилось мировоззрение крестьян, которые жили бедно и трудно. Человек, чтобы считаться полноценным членом общества, должен быть способным к физическому труду и не зависеть от других. Состояние болезни же воспринимается как ненормальное,

так как физически или умственно неполноценный человек не может выполнять свои общественные, главным образом трудовые, функции.

В случае болезни человек *не может* выполнять свои каждодневные обязанности, именно через указание на состояние неспособности осуществлять какую-либо деятельность обозначается в северных пермских говорах состояние болезни и характеризуется больной человек. Главным образом, ненормальность болезненного состояния передается через семантику отрицания, которая выражается посредством приставки *не-*. В первую очередь, эта группа представлена рядом лексем, образованных с помощью приставки *не-* от глагола *мочь*. Например:

Незамóчь ‘заболеть’ (*Только незаможот, захворат и умрёт*).

Не мочь ‘плохо себя чувствовать’ (*Ты чё-ко сёдни опять не можёшь*).

Немóжется (безл.) ‘нездоровится’ (*Неможотца цё-ко*).

Немóглой ‘больной’ (*Лежал он немоглой, болел сильно*).

Нёмочь ‘больной человек’ (*Немочей лежу*).

В говорах обобщенное значение данных единиц ‘болеть; находиться в состоянии болезни’ является развитием значения ‘не быть в состоянии делать что-нибудь’. Отсюда мы видим, что процесс болезни воспринимается в народном сознании, в первую очередь, как невозможность выполнять какие-либо действия, а больной человек характеризуется как неспособный к труду. Если учесть, что каждодневный физический труд являлся нормой для носителей традиционной крестьянской культуры, то невозможность выполнять какую-либо работу в силу болезни осознается как нетипичное, ненормальное явление.

Помимо лексем, имеющих интегральное значения ‘больной’, ‘находиться в состоянии болезни’, в КСЧГ присутствуют лексемы, указывающие на умственную несостоятельность больных людей. Например:

Не совсём ‘умственно неполноценный’ (*Дочь-то у её не совсем*). Данная лексема состоит из наречия *совсем*, имеющего в русском литературном языке (далее – РЛЯ) значение ‘вполне, совершенно’ [Ожегов, 1989, 619], и частицы *не*, которая передает семантику умственной незавершенности личности, неполноценности.

Недокумённый ‘умственно неполноценный’ (*А он маленько недокуменный был*). Это отглагольное прилагательное родственно глаголу *кумёкать* в значении ‘понимать, соображать’ [Ожегов, 1989, 257], приставка *недо-* вносит в значение корня *-кум-* сему неполноты, недостаточности по сравнению с какой-либо нормой [Ожегов, 1989,

332], то есть указывают на неспособность больного понимать происходящее.

Несамі́к ‘умственно неполноценный человек’ (*Парень-от несамік, не совсем умом-то был*). На наш взгляд, внутренняя форма указывает на родство данной лексемы с лексемой **несамостоятельный** (‘нерешительный, не обладающий собственной инициативой’ [Ожегов, 1989, 582]). Значение лексемы **несамі́к** содержит указание на неспособность больного к выполнению каких-либо действий, принятию решений без помощи других в силу недостаточного умственного и психического развития.

В рассмотренных случаях умственно неполноценный человек характеризуется с точки зрения невозможности адекватного восприятия мира и адекватной оценки действительности. В картине мира носителя говора человек с психическими отклонениями предстает как субъект, неспособный к самостоятельной мыслительной деятельности, то есть ненормальный (ср. в РЛЯ: ‘душевнобольной, психически неуравновешенный (разг.)’) [Ожегов, 1989, 336].

К названиям и характеристикам умственно неполноценных людей примыкает прилагательное **изумлённый** в значении ‘сошедший с ума’ (*Изумлённа ты, уж надоела мне*). В РЛЯ это слово имеет значение ‘крайне удивленный’ [Ожегов, 1989, 203], в говоре же оно сохраняет свое первоначальное, запечатленное в форме слова значение – ‘вышедший из ума’, которое передается приставкой *из-*, сохраняющей в данном случае семантику «выхода», «удаления». Если умственную полноценность можно считать нормой, то в этом случае сама внутренняя форма лексемы, характеризующей психически нездорового человека, содержит указание на отклонение от нормы.

Если в РЛЯ в ходе эволюции языка наблюдается тенденция к развитию абстрактных значений отдельных морфем, то у таких лексем как **недокуме́нный**, **несамі́к**, **изумлённый** наблюдается сохранение в говоре первоначальной конкретной семантики корней и префиксов.

Как мы видим, болезнь в народном сознании воспринимается как явление, нарушающее привычный ритм жизни человека, следовательно, явление ненормальное, выделяющееся из круга привычных явлений. Мы знаем, что в традиционной культуре картина мира формируется на основе определенных оппозиций (например, левый – правый, верх – низ, живой – мертвый, дом – лес и т. д.) [см. Толстой, 1995, 151-166]. Следовательно, можно говорить о существующей в народном сознании оппозиции нормальный – ненормальный, где нормальный понимается как здоровый, способный

осуществлять физическую деятельность, умственно полноценный, а ненормальный – как недееспособный, умственно неполноценный.

Целесообразность и закономерность выделения данной культурно-мотивированной группы в рамках семантического поля «Болезнь» подчеркивает также наличие в КСЧГ сочетаний с глаголом *прáвить*, имеющих интегральное значение ‘лечить различные травматические повреждения’, например, *пáвить голову* ‘лечить сотрясение мозга’, *прáвить жи́вот* ‘лечить от *надады* (повреждения внутренних органов, возникшего вследствие поднятия тяжестей, тяжелой физической работы)’, *пáвить кóсти* ‘вправлять вывихнутую конечность’, *пáвить сотрясéние мóзга* ‘лечить сотрясение мозга’, *прáвить мoзгá* ‘лечить сотрясение мозга’. Таким образом, процесс лечения осмысливается как возвращение больного органа в нормальное, «правильное» состояние, так как здоровье в традиционной аксиологической системе предстает как состояние правильно функционирующего организма, неповрежденность [Усачева, 2008, 251].

Надо отметить, что всю лексику, принадлежащую к семантическому полю «Болезнь», можно рассматривать с точки зрения указанной оппозиции, так как здоровое всегда воспринималось как норма, а больное как отклонение от нормы. Не случайно болезнь в народной культуре часто считается результатом действия потусторонних сил, то есть аномалией, реалией иного мира.

На основе анализа лексических единиц, объединенных в рассмотренные культурно-мотивированные группы, мы постарались показать образ болезни, закрепленный в языковом сознании носителей северных пермских говоров и являющийся отражением традиционных мифологических и культурных представлений о данной сфере человеческой жизни.

Литература (с использованными сокращениями)

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М., 2007.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002.

Ожегов – Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1989.

Поздеева С.М. Лингвосемиотические связи в диалектной системе (на материале экзистенциальной лексики пермских говоров): Дис. ... канд. фил. наук. – Пермь, 2005.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. – М., 2008.

Черных – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. – М., 1994.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. – М., 1874-2000. – Вып. 1-27.

Семантика слов с корнем *-черт-* (на материале словарей русских говоров)

Е.А. Рогожникова

Данное исследование посвящено изучению и описанию семантики слов с корнем *-черт-* на материале исторических, этимологических и диалектных словарей, а также данных двух картотек: картотеки «Словаря чердынских говоров» (далее – КСЧГ) и картотеки «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области» (далее – КАС).

Таким образом, объект нашего исследования – лексемы с корнем *-черт-*. Для данной работы нами были выбраны такие слова с корнем *-черт-*, как *черта*, *чертить*, *чертёж*. Семантика данных лексем и ее особенности являются предметом работы.

При анализе семантики многозначного корня очень важно уметь заглянуть вглубь веков, чтобы понять, как протекала его история, какое значение было первичным, какое послужило базой для формирования семантики данного корня в литературном языке и говорах. Значимость этимологии для лингвистической семантики подчеркивал О.Н. Трубачев: «Знание эволюции значения небезразлично для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии должно интересовать, и оно так или иначе интересует специалиста по лингвистической семантике, в противном случае проигрывает лингвистическая семантика» [Аркадьева, 1986, 35].

В качестве источников для проведения этимологического анализа корня нами были использованы «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных и «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачева.

«Историко-этимологический словарь современного русского языка» в статье на слово *черта* дает такую этимологическую справку:

ЧЕРТА, -ы, *ж.* – ‘узкая полоса, линия’, ‘след, оставленный на плоскости чем-л. острым’, ‘штрих’, ‘рубеж’, ‘предел’. *Глагол.* **чертить**, книжн. **начертать**. *Сущ.* **чертёж**. Блр. **чарціць**, **чарцеж** [но «черта» – мяжа, лінія; ср. и укр. **риса**, **межа**, **смуга** (но *черта* и произв. отс.)]. Ср. болг. (с русским произн.?) **черта** (старое произн. **чърта**) – ‘черта’, ‘линия’, **чертая** – ‘черчу’, **чертёж**; с.-хорв. **црта** – ‘черта’, ‘строка’, **цртати** – ‘чертить’, ‘рисовать’, **цртеж** – ‘чертеж’ (ср. еще **цртак** – ‘лемех’, ‘сошник’); словен. **cрта** – ‘черта’, ср. **nakrt** – ‘чертеж’; словац.

crta – ‘черта’, ‘штрих’, ‘набросок’, crtāt – ‘чертить’, crtāt sa – ‘обрисовываться’, (ср. crtina – ‘хвоя’); чеш. crt – ‘черта’ (новообразование, вм. crta < certa, заимствованного из русского), crtati – ‘чертить’ (ст. чеш. crtadlo – ‘сошник’, ‘лемех’). В других зап.-слав. яз. отс. др.-рус. (с 11 в.) **чѣрта** – ‘нарезка’, ‘знак’, ‘черта’, (с 14 в.) **чѣртежъ** – ‘отметка’, ‘грань’, (с 16 в.) ‘чертеж’; ср. **чѣрсти**, 1 ед. **чѣрту** – ‘чертить’, ‘проводить борозду’, ‘вспахивать’, ‘изобиловать’ (?) [Срезневский, 3, 1568, 1569]. Ср. (с 11 в.) **начѣртати** (ib., 2, 351). Ст.-сл. **чръта**, **чръсти**, **начрътати**. Глаг. **чѣртитъ**, 1 ед. **чѣрчу** – новообразование. Отм. у Поликарпова (1704 г., 160 об.: **чѣртью**). = О.-с. *syrta (< *kirt-a). И.-е. корень *(s)ker- – ‘резать’; и.-е. база (с расширителем -t-) *(s)ker-t- [: *(s)kor-t- и др.]. Ср. лит. kirsti, 1 ед. kertu – ‘рубить’, ‘прорубать’, ‘пересекать’, ‘ударять’; ср. kirtis – ‘удар’; латыш. cirst, 1 ед. certu – ‘рубить’, ‘сечь’; др.-в.-нем. herdo – ‘снятая шерсть’, ‘руно’, skrandan – ‘трескаться’, ‘лопаться’; латин. cortex – ‘древесная кора’ (< ‘нечто срезанное’), ‘скорлупа’, ‘кожица’; др.-инд. kartati, позже krntati, -te (корень kart-) – ‘режет’, ‘рубит’. Подробнее – Pokorny, 1, 942 [Черных, 1994, II, 384-385].

Таким образом, через родственные русскому древние языки, в числе которых литовский, древнеиндийский, латинский, П.Я. Черных приходит к индоевропейской базе *(s)ker-, имеющей общую семантику ‘резать’ [Черных, 1994, II, 384-385].

Для первоначальной семантики корня характерна некоторая абстрактность, обобщенность, что дает языку потенциальную возможность развиваться в сторону ее конкретизации. Это мы и наблюдаем в более поздние периоды существования языка. Как видно из статьи П.Я. Черных, в древнерусский период одним из значений глагола **чѣртитъ** было ‘проводить борозду’ [Черных, 1994, II, 384], что значит буквально, исходя из значения и.-е. корня *ker-, ‘резать землю’. Очевидно, здесь к основному значению и.-е. корня *ker- добавляется сема ‘земля’. Такая конкретизация, своеобразная «специализация» семантики и порождает явление многозначности слова, что и произошло с глаголом **чѣртитъ**.

Остальные источники, хотя и не дают такие подробные статьи, как П.Я. Черных, приходят к той же индоевропейской основе.

История развития семантики данного корня в древнерусском, а затем и в русском языке вплоть до XIX века выглядит довольно туманно. Словари русского языка, представляющие лексику, начиная с древнерусского периода существования национального языка и заканчивая периодом XIX века, не отражают картины развития значений корня. Причиной этого является, по-видимому, то, что

составителями этих словарей существовавшая семантика не была зафиксирована либо ее и в самом деле не было в то время, а также то, что многие словари, отражающие лексику русского языка, начиная с древнерусского периода и заканчивая XIX веком, еще не дошли до буквы Ч.

Слова с корнем *-черт-* мы отмечаем только в словарях, начиная с XIX века, в таких, например, как «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук», «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П.А. Дилакторского, «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора» Н.М. Васнецова. Все эти источники отражают семантику корня, бытовавшую во второй половине XIX – начале XX вв.

«Словарь церковнославянского и русского языка, сост. вторым отд. Акад. наук» фиксирует слово *черта*. В словарной статье это пятое значение – ‘У плотниковъ: орудіе, коимъ подчеркивають доски или бревна для того, чтобы ровно обрубить; слѣнушка, чертокъ’ [Слов. Акад., 1847, 2]. То же значение отмечено и в «Материалах для объяснительного областного словаря вятского говора» Н.М. Васнецова: *черта* – ‘плотничий инструмент для проведения линий, разметки бревен, досок’ (*Чертой паз намечаешь и угол очерчиваешь; Есть прибор наподобие вилки – черта, им размечают*) [Васнецов, 1907, 343].

В Словаре Даля есть еще глагольная лексема *чертить* со значением ‘подсачивать деревья, готовить к рубке, сбивая кору’ [Даль, 1909, IV, 1322].

«Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П.А. Дилакторского отмечает слово *чертѣжникъ* – ‘соха съ двумя лемехами, употребляется для перепашки полей и задѣлки сѣмянъ’ [Дилакторский, 2006, 555]. Здесь необходим комментарий. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных отмечено такое значение глагола *чертить* – ‘проводить борозду, вспахивать’ [Черных, 1994, II, 384]. По всей видимости, вологодское наречие сохранило к началу XX века одно из самых древних значений глагольной лексемы *чертить*.

К этой же группе словарей примыкает и «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» Е.Н. Поляковой, в котором представлены следующие лексемы с корнем *-черт-*.

Чертёжница, жс. *Сосна, на которой топором нанесены черты, зарубки с целью высушить дерево.* В межах с Яковом Кириловым по сырой сосне болшей да по чертежнице да по болшему пню прямо на сосну чертежницу, 1615.

Чертёжный, прил. 1. *Такой, какой наносится топором на дерево с целью подсесть кору и высушить дерево на корню.* Знамя на поженном чертежу выше пояса чертежного тес, 1595. 2. *Подрубленный на корню (о дереве, лесе) для того, чтобы лес высушить и выжечь.* Судное дело... в ыску за высеченный чертежной лес, 1684. 3. *Такой, на каком выжжен лес (о поле, сенокосном угодье).* Продам я Кирьян Логину и Емельяну чертежное покосное место, 1675; А чертежную распаханную землю владеть мне Костентину, 1704. 4. *Выросший на месте сведенного леса.* Насевного хлеба на той озими чертежной по смете 4 овина, 1704.

Черчен, прич. кратк. *Такой, на каком высушен и выжжен лес.* Продам...сенных покосов... в чертежах своей половины что с Дмитрием черчен, 1635; А подчерчиван вязник и осинник и всякий лес а черчен тот чертеж Степаном Пихтовой бабы мужем, 1650. [Полякова, 2001, VI, 111-112]

Что касается лексем *черта*, *чертить* и *чертеж*, то они представлены следующими ЛСВ:

Черта, жс. *Граница, рубеж.* Писали из Казани... про приход изменников башкирцов на Закамскую черту и в иные Уфимские места, 1682.

Чертить, несов. *Подрубать кору у каждого дерева на участке, чтобы высушить и выжечь на нем лес.* Чертил отец мой... лес для пахоты в Кунгурском уезде на большом поле, 1704; чертеж мое займище Григориево на Бубыльской дороге со востоку Онания чертил и прищипал, 1644.

Чертёж, м. 1. *Изображение плана местности на бумаге.* Андреев да Петров вотчине Строгановых Сылвенскому острожку по своему дозору и сыску и по чертежу учинили межу, 1692. 2. *Участок леса, на котором каждое дерево подрублено с тем, чтобы высушить и выжечь лес.* Чертеж против Березова острова над Камою а подчерчиван вязник и осинник и всякий лес, 1651. 3. *Пахотный или сенокосный участок на месте сведенного леса.* В том поле в чертежу полоса земли, 1692 [Полякова, 2001, VI, 111-112].

Таким образом, можно сказать, что в период XVII – начала XX вв. была распространена семантика корня *-черт-*, связанная с подсечно-огневым земледелием. Эта «хозяйственная» семантика образовалась от первоначальной ‘резать’ путем добавления к ней

конкретизирующих сем. К основной семе ‘резать’ прибавляются семы, ‘земля’, ‘дерево’. Можно предположить, что развитие значений ‘резать землю’ и ‘резать дерево’ шло параллельно. Отметим также, что значение ‘подрубать кору у каждого дерева на участке для будущего поля, чтобы высушить и выжечь на нем лес’ [Полякова, 2001, VI, 111-112] близко к значению древнего корня *ker- ‘резать’, т. е. фактически значит то же – ‘резать’. Еще не произошло никаких метафорических переосмыслений семантики, она еще буквальна, конкретна, только приобрела специализированный характер.

От описанного выше первого значения глагола *чертитъ* произошло значение ‘проводить черту, линию’. Семантика глагола *чертитъ* перестала быть специальной. Само действие «чертить лес» не исчезло, просто слово *чертитъ* стало использоваться для обозначения сходных действий. Иными словами, произошел перенос значения по сходству, в результате чего семантика расширилась, но у всех вышеперечисленных значений сохранилась общая сема ‘оставлять след’. Специфика в том, где был оставлен след, по чему была проведена линия: по бумаге, по дереву и т. д.

Делать какие-либо выводы на основании такого малого количества источников некорректно, поэтому мы можем лишь сказать, что «хозяйственное» значение лексем с корнем *-черт-* фиксируется словарями, которые вместе охватывают период XVII – конец XIX вв.

Перейдем к словарям XX века. Следует отметить, что далеко не все русские диалектные словари завершены и написаны, поэтому, за неимением более или менее обширных данных, нам будет трудно судить о территории бытования исследуемых семантических диалектизмов, но мы все же попытаемся обозначить те регионы России, где они зафиксированы.

Мы использовали следующие словари: «Словарь русских говоров Среднего Урала» и «Дополнения...» к нему, «Ярославский областной словарь», «Словарь русских говоров Алтая», «Словарь русских говоров низовой Печоры», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей».

Данные словари фиксируют слово *черта* в значении ‘плотницкий инструмент’.

Черта. 1. Плотнико-столярный инструмент, используемый для отчерчивания паза и угла [ЯОС, 1991, X, 98].

Черта, *ы, жс.* Плотницкий инструмент для нанесения штрихов, меток на бревнах, досках. *Вот у нас, когда строят дом, делают жэлезную черту; это металлическая пластина с полсантиметра толщиной, а шириной – три-четыре сантиметра, длина небольшая –*

двенадцать-четыре с половиной сантиметра; и когда этой чертой проводишь по дереву остаётся белая полоса; вот по этой черте подгоняют дерево к дереву [СРГНП, 2005, II, 355].

Черта. 3. Плотничий инструмент для проведения линий, разметки бревен, досок. *Чирили раньше, был инструмент черта, бревна в стенах прочерчивали. Чертой паз намечаешь и угол очерчиваешь.* [СРГК, 2005, XI, 780]

Черта, ы, ж. Плотничий инструмент в виде развилки или большой катушки, на которую намотана тонкая веревочка для обозначения линий [СРГАЛТ, 1998, IV, 215].

Черта. Плотничий инструмент, используемый для подравнивания бревен. Богд. Пышм. *Когда ставили избу, без черты не обходилось* (Пышм. Боровилина). *Чертой измеряли, срезали лишне* (Пышм. Боровилина.) [СРГСУ – Д, 1996, 587]

«Словарь русских говоров Среднего Урала» дает и другое значение глагольной лексемы **чертить**:

Чертить. Заговаривать болезни знахарским способом. Байк. Сукс. *Баушка-то у нас чертит немножко. Сходи-тко к Мариш, она всё у нас чертит.*

Чертить. При заговоре делать особые жесты. *Чертила и приговаривала, в две нидили убрался (рак)* [СРГСУ, 1987, VII, 27].

Здесь нами впервые зафиксирована магическая семантика глагола **чертить**, которая дает два ЛСВ.

Таким образом, для говоров региона, граничащего с Пермским краем, характерна особая «магическая» семантика глагольной лексемы **чертить**. Однако в словаре не зафиксирована «хозяйственная» семантика, что объясняется, скорее всего, не отсутствием соответствующих понятий, а тем, что данные значения не были зафиксированы исследователями, но в говорах все-таки есть.

Теперь обратимся к диалектным словарям, представляющим лексику Пермского края.

«Словарь говоров Соликамского района Пермской области» приводит такие толкования лексем с корнем *-черт-*:

Черта, -ы, ж. 1. Линия, проведенная по какой-нибудь поверхности. *Ни одной черты ровной в тетрадке нет.*

2. Плотничий инструмент, служащий для проведения линий по дереву. *Черта, ей чертят – дом рубят, каракулька железная.*

Чертёж, -а, м. Место вырубki леса. *Лес заготавливают в чертеже, это специально место, его чертёженник тоже называют.*

Чертить, -рчу, -ртишь; несов. перех. Делать надрезы на дереве для выпуска сока; подсачивать. *Одинова пошла чертить*

лес... *Чертили лес: подчертят, подстрогают – деревина-то и сохнет* [СГСРПО, 1973, 679].

Все представленные значения, кроме первого значения слова **черта**, в целом ничем не отличающегося от подобного значения в литературном языке, связаны со сведением леса. Следует сказать, что сведение леса в целях получения земель для посевов более характерно для северных территорий, где преобладают леса и почвы не так плодородны, как на юге региона.

«Словарь пермских говоров» приводит те же дефиниции и иллюстративный материал, что и «Соликамский словарь», но с добавлением магического значения:

Чертить. Заговаривать болезни. *Пупок и мудышки чертить будем, не реви – зачертим* [СПГ, 2002, II, 529].

В «Словаре географических терминов в русской речи Пермского края» Е.Н. Поляковой отмечена лексема **чертёж**, которая используется как географический термин ‘поле или сенокосный участок на месте сведенного леса’ [Полякова, 2007, 400]. Также на территории Пермского края существуют населенные пункты с названием **Чертёж**.

Кроме того, для нашего исследования были использованы данные двух картотек: картотеки «Словаря чердынских говоров» и картотеки «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области».

Слово **черта** в КСЧГ представлено значениями ‘линия отметки’ (*По черте отясывать на доске*) и ‘плотничий инструмент, служащий для проведения линий по дереву’ (*Чертой на бревнах линии делают, а потом пазы выбирают*) [КСЧГ]. По первому примеру трудно толковать значение, однако в карточках отмечено, что это именно линия отметки.

Слово **чертёж** функционирует в чердынских говорах как географический термин и микротопоним – ‘поле или сенокосный участок на месте сведенного леса’ (*В Бигичах чертёж, так там большой лог; Лог большой у нас называется Чертёж; В Бигичах ходили в гарях, там был чертёж – высокая гора и маленький ручёк; Сенокосы у нас Чертёж, Фролково; Чертёж – звание покосу; Чертёж – это гарь, вон в гарях сенокосят, луга само собой, а это гарь; Лог большой у нас называется Чертёж*) [КСЧГ].

Из картотеки следует также, что существуют населенные пункты с названием **Чертёж** (*Чертёж – это где речка бежит маленькая;*) [КСЧГ]. По всей видимости, они возникали там, где до

этого посредством подчеркивания деревьев очистили от леса участок земли.

Гораздо разнообразнее представлена семантика глагольной лексики **чертить**. Опираясь на данные картотеки, можно выделить три значения глагола **чертить**. Первое из них восходит ко второму значению глагола **чертить**, выделяемому в БАС, – ‘проводить черту, линию’ [ССРЛЯ, 1965, XVII, 956]. В чердынских говорах это значение реализуется с оттенком ‘проводить черту, линию по дереву плотницким инструментом – чертой’ (*Чертят чертой; Делат рубезж, потом черту чертит*) [КСЧГ].

Второе значение называет действие, связанное с подсечно-огневым земледелием. Вслед за Е.Н. Поляковой мы определим его так: **чертить** – ‘подрубать кору у каждого дерева на участке для будущего поля, чтобы высушить и выжечь на нем лес’ [Полякова, 1990, 76] (*Чертят лес, сдирают кору, чтобы дерево высохло*) [КСЧГ].

Третье значение определяет характер магического действия при заговаривании болезней, сформулировать его можно так: ‘излечивать магическим способом, проводя руками или каким-либо предметом по телу больного’ (*Слова говорит и чертит рукой с головы до ног и всё слова говорит и рукой чертит; Знахарка нам стаканом чертит*) [КСЧГ]. Это значение также можно назвать одним из следствий развития семантики корня. Как видим, здесь уже нет семы ‘оставлять след’, хотя есть сема касания, физического контакта.

Однако в последнее время наблюдается дальнейшая трансформация значения ‘излечивать магическим способом, проводя руками или каким-либо предметом по телу больного’. В значении глагола полностью утратился элемент ‘проводить черту, линию по телу больного’, и глагол **чертить** стал использоваться в значении ‘излечивать магическим способом’. Глагол стал использоваться в сфере вербальной магии, т.к. основным в нем стал элемент заговаривания, о чем свидетельствуют данные КСЧГ. Приведем примеры: *Словами, всяко чертю, словами да чё чертю, чё у тебя болит и вычерчиваю; Лечут – чертят её; Я болела, она всё меня лечила, всё чертила.*

Еще одним источником для исследования явилась картотека «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области».

Здесь находим такое значение существительного **черта** – ‘линия, отделяющая или разделяющая что-нибудь; граница, рубезж’ [ССРЛЯ, 1965, XVII, 950-951]. Эта семантика используется тогда, когда речь идет о различных играх: *Ставят городки и из той черты*

их надо выбить, играют на две команды; Обгоришь, когда скачешь, на черту попадёшь – уходишь, другой скачет; Он скачет на одной ноге, кто станет на черту, тот обгорит [КАС].

Значение лексемы **черта** ‘плотницкий инструмент’ тоже представлено в говоре: *Один к другому брёвна кладешь, к ему подчеркиваешь чертой; небольшая, железная см 30 длиной, см 4 шириной, у её как вилка; Вилкой по пазу чертит оба дерева, по этим чертам вынимают паз; по пазу чертой железной [КАС].*

Слово **чертёж** функционирует в акчимском говоре как географический термин – ‘поле или сенокосный участок на месте сведенного леса’: *Всё лес был, чистили болото, низкое место... на дрова пилили, огнём жгли... лес, срезали, чертили, сучья обрубят – чертёж называется [КАС].*

Существуют также населенные пункты с названием Чертежи: *У них в Чертежах что-то наверно человек триста [КАС].*

Глагольная лексема **чертить** представлена в акчимском говоре четырьмя значениями:

1. ‘проводить черту, линию (черты, линии)’ [ССРЛЯ, 1965, XVII, 956-958]: *Лунки делают, круги чертят, мяч отдашь, кому хошь; Чертили на земле по шесть квадратиков, потом горелку сделаем [КАС].*

2. ‘проводить линию по дереву плотницким инструментом – чертой’: *Вилкой по пазу чертит оба дерева, по этим чертам вытпляют паз [КАС].*

3. ‘подрубать кору у каждого дерева на участке для будущего поля, чтобы высушить и выжечь на нем лес’: *Срезали, чертили, сучья обрубят, чертёж называцца; Раньше старики его чертили, кору-то с его обтёшут... [КАС].*

С магическим значением все сложнее. В говоре есть глаголы с разной семантикой:

1. ‘излечивать магическим способом, проводя руками или каким-либо предметом по телу больного’: *Чертили руками, рукой, телом своим личат, рукой водят [КАС].*

2. ‘излечивать магическим способом’ (В Словаре русских говоров Среднего Урала – ‘заговаривать болезни знахарским способом’ [СРГСУ, 1998, 27]): *Что она там чертит да плюет? Что от слов-то поможет? Сама потом поняла, что толку нет; она [лекарка] чертила да цё и вылещивала [КАС].*

3. ‘воздействовать на предмет магическим способом, предохраняя его от порчи’: *чё-то она чертила в яме... то ли чтоб картоф не гнила или мыши не ходили [КАС].*

4. ‘сообщать магические свойства воде, проводя по ней колюще-режущим предметом’: *Наговаривает, сама ножиком чертит (воду) сама не пьет* [КАС].

Первое значение более узкое, а второе более широкое: в нем исчез компонент, указывающий на какой-либо предмет воздействия, остался лишь вербальный компонент заговаривания. Третье и четвертое значения отмечаются нами только в этом источнике. Магическая семантика в данном случае предельно расширяется. В третьем значении меняется объект воздействия, теперь это уже не человек (больной), а какой-либо предмет, вещь из окружающего мира. Следовательно, целью магического действия становится не лечение, а предохранение. Неизменным остается элемент заговаривания. Что касается четвертого значения, то по объекту воздействия оно соотносится с третьим значением, однако в конечном счете магическое действие обращается на человека, ведь для лечения больного человека воде и сообщаются магические свойства.

Итак, семантика корня *-черт-*, представленная в картотеке «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области», весьма разнообразна и демонстрирует богатую палитру значений глагольной лексики *чертит*.

На основании этих данных в целом можно заключить, что семантика слов с корнем *-черт-*, связанная с подсечно-огневым земледелием, которая отмечена в различных диалектных словарях, ничем не отличается от соответствующего значения корня в чердынских говорах. Что касается магической семантики, то она отмечена лишь в «Словаре русских говоров Среднего Урала», картотеке «Словаря чердынских говоров» и картотеке «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области». При этом картотека «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области» демонстрирует несколько магических значений глагола *чертит*.

На сегодняшний день представить наиболее полную картину распространения вышеописанных значений на территории русских говоров вряд ли представляется возможным в силу того, что мы не располагаем материалами по всем русским диалектам, ведь «Словарь русских народных говоров» написан еще только до буквы С.

Литература (с использованными сокращениями)

Аркадьева Т.Г. Этимологические гнезда слов в диалектной лексической системе // *Диалектное слово в лексико-системном аспекте.* Л., 1986. С 34-38.

Васнецов, 1907 – *Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Даль 3-е изд. – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 1903-1909, т. 4.

Дилакторский – *Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. Рукопись СРНГ.

КАС – Картотека «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области».

КСЧГ – Картотека «Словаря чердынских говоров».

Полякова Е.Н. Русская региональная историческая лексикография (по материалам пермских памятников 16 – начала 18 в.): учебное пособие к спецсеминару и спецкурсу. Пермь, 1990.

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

Полякова Е.Н. Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII вв.: в 6 вып. Пермь, 1993-2001.

СГСРПО – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О.П. Беляева. Пермь, 1973.

Слов.Акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, сост. вторым отд. Акад. наук. Тт. I-IV. СПб., 1847.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2-х тт. Вып. 2. Пермь, 2002.

СРГАЛТ – Словарь русских говоров Алтая: в 4 тт. Барнаул. 1993-1998.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Тт. 1-6. СПб., 1994-2004.

СРГНП – Словарь русских говоров низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко: В 2-х тт. СПб., 2003-2005.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. т. 7. Свердловск, 1988.

СРГСУ-Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.-Л., 1948-1965.

Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного языка: в 2-х тт. М., 1994.

ЯОС – Ярославский областной словарь, т. 1-10 / Под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981-1991.

Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края*

И.И. Русинова

В научной литературе существует множество классификаций магии. Особняком стоит вопрос о так называемой магии слова – вербальной магии. Одни ученые настаивают на преобладании слова в любом магическом акте, они видят именно в словесной магии основную и первичную ее форму. Другие исследователи считают, что вербальная, или словесная, магия не представляет собой особого и самостоятельного типа магии: она является лишь аккомпанементом к совершаемому колдовскому действию [См. обзор различных точек зрения в: Токарев, 1990, 426-506]. Но все согласны в одном: место и роль вербального текста в обряде весьма значительны, сама обрядовая ситуация основана на вере ее участников в действительную силу слова, способность слова изменить окружающий мир в интересах человека [Славянские древности, т. 4, 2009, 431].

Это положение хорошо иллюстрирует лексика Пермских говоров, в составе которой корпус слов, обозначающих процесс порождения речи, субъекта и результат этого процесса, составляет значительную часть семантического поля (далее – СП) «Магия» (материалом для данного исследования послужили сведения из картотеки «Словаря чердынских говоров», хранящейся на кафедре общего и славянского языкознания, «Словаря д. Акчим Красновишерского района Пермской области», «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», полевые материалы А.В. Черных, К.Э. Шумова и автора статьи).

I. Лексика говорения широко используется для формирования устойчивых сочетаний СП «Магия». В этих сочетаниях магическое значение привносится именем существительным, которое обозначает сакральный текст, то есть такой, с помощью которого можно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов АВЦП РНП № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края», № 08-04-82408 «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края», № 08-04-82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья», № 09-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь человека», № 09-04-82403 а/У «Фразеологический словарь русских говоров Пермского края».

осуществлять магические действия. В говорах Пермского края в этом значении используется несколько существительных: *зрѣмотка*, *зѣговор*, *молѣтва*, *наговѣр*, *отговор*, *ска́зка*, *сло́во* (чаще в форме мн. ч. – *слова́*), *шепотѣк*, которые в текстах нередко выступают как синонимы: *Есь заговоры на зубы* (Бигичи Черд.). *Старик ножом щѣку крестил, после этого стало заживать. Когда крестил, всё приговаривал что-то: не то молитвы, то ли слова какие-то* (Половодово Солик.). *И этот колдун пришѣл, говорит, так на огород навалился и на маму смотрел. А слова-то, видимо, пускал. Ну, у них свои молитвы. Это же всё надо с молитвами делать. И он маму исколдовал* (Вильва Солик.). *Ребѣнок, когда болеет ни с чего, берут с трѣх колодцев воду с наговорами, моют его: «Очисти, батюшко-господь! Как водичка святая, так и ты будешь»* (Бадья Юрлин.). *Да «крес во мне и крес на мне, собаки от меня. Аминь, аминь, аминь». Это от собак, отговор от собак* (Кедровка Черд.). *Они [колдуны] сказывают сказку, сказку-то сказывают. Запомнишь эту сказку – вот тебе и колдун* (Н. Шакшер Черд.). *У меня руки одеревенели, ницѣ не могу делать, не поднимаются руки никак. Там у нас бабушка одна лецила. Бабушка взяла на меня брызнула – руки стали работать. Ну, она меня брызнула, ну, слова у ѣ каки-то такие* (Петрецово Черд.). *Вале, девке моей, слова снесла. Она чертит чирьи да чѣ чертит* (Кедровка Черд.). *Ежли вот ребѣнка изурочили, дак ревѣт, дак бабушку зовут. Она шепотком заговариват* (Пянтег Черд.).

Мы выделили несколько групп устойчивых сочетаний по значению.

1. Единицы первой группы обозначают обладание тайным знанием, магическими возможностями. Сочетание *знать слова́* является самым общим для выражения данного значения. Оно используется для характеристики способностей субъекта независимо от вредоносной, доброносной, охранительной и пр. направленности самого магического действия:

Они [колдуны] передают [слова]. Мне мать хорошие передала, а они плохие передают. Тожѣ слова надо знать какие-то (Рябинино Черд.). *Тут вот был мужик знающѣй. Тожѣ эту лошадь привязал, где-ко в лесу она была. Не то что на верѣвку ли чѣ ли привязал. Так, каки-ко от слова знат. Вот она вот дотудов ходила круг дерева и пропала* (Жикина Черд.).

Хто знат слова, дак личат, парят в бане да чѣ да (Лимеж Черд.). *Ну вот Клава Шаламова, она знает только слова и на помощь людям приходит, лечит вот этими словами* (Тагъяшер, Черд.). *А здѣся*

тоже есть старушка, которая лечит. Клавдия зовут. Она **знает слова-то** (Б. Долды Черд.).

Она коров пасла, она говорила: «На дороге посижу, отпущу, всё равно придут [коровы]». Она три **слова** каких-то **знала** (Усть-Уролка Черд.). У них была труба. Он [пастух] подует – бабы выведут коров. Вечером приведут. **Слова** какие-то **знал**. Коров-то хранить надо, а то разбредутся (Нырб Черд.).

Алексей конюхом был. Он **слова** **знал** присушивать и разводить (Касиб Солик.).

Против банников **слова** надо **знать**. Я как в баню хожу, говорю: «Банный староста, пусти помыться-попариться» (Лимеж Черд.).

Привязывают их, колдунов-то, тоже **знают** которы дак. Чё-то **слова** тоже **знают** каки-то (Губдор Черд.).

Иногда словосочетания подобного рода характеризуют какой-то один вид магии. Если употребляются единицы **владеть слова́ми**, **иметь слова́**, **знать за́говоры**, такая единица чаще обозначает деятельность колдуна: *Хитрые люди с человеком что хотят, то и сделают: болезнь нагонят, отправят куда-нибудь. Слова такие скажут – человек уходит. Колдуны молитвы не признают, они **словами владеют** (Половодово Солик.). **Имели** они [колдуны] **какие-то слова**. Он слова **знает**. Скажет слова – и командует над человеком и над скотиной. Наговорят что-то на человека ли, на скотину пустят. Человек умрёт, а скотина пропадёт (Русинова Черд.). **Заговоры** мы никакие не **знам**, а те, которые **знают**, их чертистами зовут (Нырб Черд.).*

Очень много в наших материалах контекстов, в которых для обозначения магических способностей знахаря используется словосочетание **знать молитвы**: *А эта женщина, которая работала в магазине, говорит: «Мария Петровна, сходи к Анне Васильевне, она **знает молитвы**, она снимет с тебя это. Тебя просто изурочили, уроки на тебя наложили». Я **знаю** хорошие только, как сказать, от порчи да чё да читаю. **Молитвы** (Касиб Солик.). [А если сглазят корову, то что надо делать?] А **молитвы** **знать** такие, читать молитвы. Ак есь специальные [молитвы]. Люди **знают** такие **молитвы**, лечат старухи-те (Кедровка Черд.).*

Эта же единица характеризует человека, который способен уберечься от вредоносного магического действия: *[А как от колдунов можно защититься?] Так вот и говорю: **молитвы** тоже надо **знать** (Пянтег Черд.). [Как уберечься от колдунов?] Я говорю: **молитвы** надо **знать** и посты соблюдать (Рябинино Черд.).*

Для передачи магических способностей человека используется и словосочетание **знать отговор**. Эта единица описывает возможности человека, умеющего «привязывать колдуна» или нейтрализовать его действия: *Федюнин у нас ить знал колдунов-то привязывать-то. А колдунов-то привязывать-то немудрено. Дак ить надо отговор знать* (Кедровка, Черд.). *От колдунов надо какой-то отговор знать* (Б. Долды Черд.).

2. Вторая группа содержат единицы – устойчивые сочетания, – обозначающие передачу магических способностей другому лицу: **научить словам, передавать грамотку, передавать слова, передать слова, учить сказке**: *Один поселенец говорил мне: «Давай я тебя научу словам-то, дай только пуд муки»* (Нырб Черд.). *Они хорошие слова знали, плохие они не знали. Учатся, учатся. Мать хочет умереть и передаёт всю эту грамотку. В банях передают, молятся и передают* (Акчим Краснов.). *Они [колдуны] передают [слова]. Мне мать хорошие передала, а они плохие передают* (Рябинино Черд.). [Откуда Вы умеете лечить?] *Да научилась у старушки. Старушка меня научила. Старушка старенька была. Перед смертью вот передала мне слова и. Надо ж словами* (Пянтег Черд.). *У нас колдуны жили. Так передают [колдовство]. Бабушки учат детей сказке какой* (В. Шакшер Черд.).

3. Третья группа содержат единицы, обозначающие прием другим лицом магических способностей. Это сочетания **найти слова, принять молитву**: *Вот эти-те от слова нашёл бы, дак вот колдун* (Кольчуг Черд.). *А иной раз хитрят [колдуны], когда помирают. «Прими, – говорят, – от меня молитвы». А если перекрестишься, то они замолчат. Значит, чертей хотели передать* (Городище Солик.).

4. Четвертая группа сочетаний имеет значение ‘причинять (причинить) вред (чаще всего – вред здоровью человека или животного) магическим способом’. Это единицы **(вы)пускать слова, пустить слова, говорить слова, наговорить слова, сказать слова, сказывать сказку**: *Старые-то старушки здорово знают. Говорят, они по воздуху слова выпускают. Те слова находят человека и на него падут* (Пыскор Усол.). *И этот колдун пришёл, говорит, так на огород навалился и на маму смотрел. А слова-то, видимо, пускал. Ну, у них свои молитвы. Это же всё надо с молитвами делать. И он маму исколдовал* (Вильва Солик.). *А там не надо книжки. Он [колдун] слова знат. И по ветру колдуют: в печку, где труба, слова говорят [колдуны]* (Боровск Солик.). *С пастухом поругалась хозяйка. Он привязал эту корову словами, слова наговорил* (Нырб Черд.). *Портят людей колдуны, в питье чертёнка садят. Могут просто*

задеть и сказать слова (Исаково Черд.). Они [колдуны] **сказывают сказку, сказку-то сказывают**. Запомнишь эту сказку – вот тебе и колдун (Н. Шакшер Черд.).

5. Единицы пятой группы имеют противоположное значение – ‘излечивать (излечить) от какого-либо заболевания человека или животное магическим способом’. В пермских говорах это значение передается следующими сочетаниями: **говорить слова, давать слова, дать слова, наговаривать слова, наговорить слова, подавать слова, приговаривать слова, сделать слова, сказать слова, читать слова; вычитать молитву, говорить молитву, наговорить молитву, прочесть молитву, читать молитву, шептать молитвы; делать заговоры**. Как от порчи уберечься? А чё-то слова говорят, какие-то **шепчут молитвы** (Пантина Черд.). У которой гребли, она ведь словница, **слова наговаривает**. Болит – она **слова говорит**, чертит (Рожнево Черд.). От уроков лечат. Придёшь к знахарке – она **слова тебе даёт** (Орел Усол.). Свинья опоросится, не будет кормить поросят, баушка **слова дас** и брызжет, и свинья приласкает своих поросят (Вильва, Солик.). Я вот тоже один раз, маленькая ещё, зубами мучалась. Мать меня к дяде в Мелехино отправила. Он мне **слов наговорил** в первый день. На второй перестала [мучиться] зубами. А он мне квас дал на дорогу, дак и в туесок тоже **сказал слова**. Так и отпустило (Пянтег Черд.). Надо **подавать слова**, чертить чё-ко около-то (Рожнево Черд.). Тогда бабушку зовут. Она в бане парит и **слова** знает, **приговаривает** их (Пянтег Черд.). Один мужик ехал. Он колдун был, умер час уже. Я возьми дак чё-то наскоро пересекла дорогу ему и оглянулась, и он едет. Дак у меня сразу нога так чё-то забагрила, забагрила. И давеча скорей бежать к Феклинье. Дак она мне **трое слова сделала**. И не стало болеть (Касиб Солик.). Ну вот лечили лекарки. Как? Чё? Какие-то **слова читали** (Вильгорт Черд.).

Она шибко хворала. Старик ей **вычитал молитвы**, и всё (Пянтег Черд.). Дак ведь люди-то умирают, дак они и говорят на бисей-то. **Молитву** надо **говорить** от бисей-то, от чертей-то уж (Усть-Уролка Черд.). **Наговорить** можно **молитву** «Воскресный бог» или «Сонную молитву» или сказать: «Мария, исцеляю, избавляю, молитва со Христом». «Мария», она еще лучше «Господа Бога» помогает (Сергеева Юрлин.). Во мне есть порча, сказали мне. Но меня вылечили. Я долго мучилась, пока меня не вылечила одна старуха, **молитву прочитала**. Я орала как сумасшедшая (Вильва Солик.). [Как лечили от порчи?] **Молитву, слова** надо **читать** (Пожва Юсьвин.). Тася Радкевич лечила рожу, **шептала молитвы** (Рябинино Черд.).

Покраснеет всё, опухает – красная рожа. И я помню: красную тряпку привязывали, заговоры тоже делали (Рябинино Черд.).

Данные словосочетания могут употребляться не только с лечебной целью, а сопровождать бытовые магические действия – такие, которые помогали человеку в его повседневной хозяйственной деятельности. Примером может послужить следующий контекст: [Как новую корову на двор вводили?] *Верёвочку кладут, чтоб перешагнула, и слова тут же говорят: «Соседушко-братанушко, люби мою скотинушку, пои, корми, бело води»* (Пожва Юсьвин.).

II. Существует в пермских говорах обширная группа однословных лексических единиц СП «Магия», являющихся глаголами говорения. Для образования таких единиц активно используются корни *-говор-*, *-слов-*, *-шепт-*. Они характеризуют любые магические действия, независимо от их цели.

1. Такие единицы могут обозначают действия колдуна. Это в наших материалах глаголы *заговáривать, наговáривать, наговорíть, сговáривать*: *Колдуны бывают, коров портят, которые колдуны-то. Заговаривают или как, не знаю* (Лопвадор Кудымкар.). *Колдуны могут сделать, что человек совсем в землю уйдёт, могут напустить порчу, что и не вылечишь. Бывало, по ветру пускали, наговаривали. Есть другие люди, которые отговаривают, снимают порчу* (Сейва Гайн.). *Умели тут людей привязывать без верёвки. Таких людей называли бесистыми. Чё-то наговорят, и человек с места сдвинуться не мог* (Нырб Черд.). *Болели люди, если к колдуну касались. Он сговаривает, человек не может вылечиться. А потом сам снимает свои уроки* (Половодово Солик.).

2. Обширна та часть глагольных единиц, которые называют действия знахарей. Чаще всего это глаголы *говорíть, заговáривать, заговорíть, наговáривать, наговорíть, наи́щтывать, отговáривать, отговорíть, поговорíть, приговáривать, чита́ть, шепта́ть, шепта́ться*: *Я позвала одну женщину, заговаривать она умела. Та и заговорила мне болезнь* (Камгорт Черд.). *Знахарка была одна. У меня вот тут сел чирей под кожей. Она мне заговаривала. Чё-то говорила, на окошко мазала. Чирей стал спадать. Гляжу – и нет ничего, будто не было* (Вильгорт Черд.). *Бабушка Сарайка килы-то людям много снимала. Она и крестит, и чё-то всё наговариват, и попить даёт. Всё и пройдёт* (Касиб Солик.). *Кума-то наговаривала, чертила да* (Рожнево Черд.). *Лечила травами одна. Да чё-то наи́щтыват, наговорит, наговорит. Сперва она говорит вслух, а потом в узелок начинёт говорить, она туды только шепчется* (Касиб Солик.). *Идём за коровами, она [колдунья] и говорит: «У-у, девка,*

какие у тебя ноги красивые». Я пришла, пригнала корову – всё. Ночью аж прямо ноги заболели, я рёвом редела. Ночью понёс меня папа к бабушкам **отговаривать**. **Отговорили** (Сейва Гайн.). Зоб у неё [дочери] начал расти. Операцию хотели делать. Она от неё отказалась, пошла к деду. Он ей чё-то **поговорил** – прошёл у неё зоб (Орел Усол.). Старик ножом щеку крестил, после этого стало заживать. Когда крестил, всё **приговаривал** что-то: не то молитвы, то ли слова какие-то (Половодово, Солик.). Раньше сколь нога болит, вот и водит эта знахарка, ходит старуха одна. Ну, **читат** там да (Кольчуг Черд.). Внучка у меня урошливая – Бог упаси! Ночью ни в какую не спала. Меня и натакали – сходи к бабе Ане, она в Боровске лечит. Придёшь к ней, ребёнка на колени положишь лицом вниз. Она так рукой водит и **шепчет**. Шесть раз надо так (Вавилово Усол.). А вот знахари-то... Зубы мне как-то лечили, маленькая еще была. Повели меня к соседям. [Старик] заслонку перевернул, сажненное место кверху, на неё встал. Бабка дала ему пузырёк с растительным маслом. **Шептался** он, **шептался** передо иконой, потом бабка кудельку маслом намочила, и мне её приложили к зубу. Я уснула. Проснулась – зуб не болит (Кашка Куед.).

3. Материалы свидетельствуют о том, что вербальная магия активно использовалась с хозяйственными целями. Например, в ситуации стрижки овцы: *Когда отпускали овцу после стрижки, **приговаривали**: «Бежи и дай нам шёрстку», «со Христом, с молитвой иди»* (Юм Юрлин.). Овечку на молодом месяце стригли, потому что месяц растёт, **наговаривали**: «Матушка-балечка, знай хозяйку, ходи к рукам!» (Дубровка Юрлин.).

В ситуации посадки овощных культур: *Когда сажают в огороде, чтобы куры не лазили и гряды не топтали, **приговаривают**: «Куры, куры, носы тупые, глаза слепые»* (Дубровка Юрлин.).

В ситуации переезда в новый дом: [Домового в новый дом зовут?] *А как без хозяина-то пойдёшь? Раньше это **приговаривали** всё* (Губдор Черд.).

При выпасе домашнего скота: *Одна пасла коров, дак уходила и оставляла стадо. Оно весь день пасётся. Потом приходила за ним. Видимо, **заговаривала** как-то* (Вильгорт Черд.).

«Говорили слова», чтобы уберечься от действия природных стихий: *Когда гром, град, помело или лопату хлебную в окошко выбрасывают и **приговаривают**: «Батюшка Бог, прекрати, град не вали»* (Кукольная Юрлин.).

4. Активны указанные единицы при осуществлении любовной магии: *Одна девчонка с парнем уж больно друг друга любили. Дак она*

соскучилась по парню тому и пошла к знахарке. А та **наговорила** – парень-то до срока из армии вернулся (Пыскор Усол.). Одного мужика делили две женщины. Одна и пошла к колдуну, чтобы тот порчу посадил. Мужик заболел. Жена пришла к колдуну и попросила снять порчу. Колдун и говорит: «Поздно. Я **наговорил** на камень и бросил в воду. Где найдёшь его теперь?» (В. Язьва Краснов.).

III. Эти же корни формируют группу слов со значением ‘человек, обладающий магическими возможностями’. Примечательно, что диалектный язык широко использует корни со значением речи и для обозначения действий, как доброносных, так и вредоносных (мы это видели выше). Но для обозначения субъекта магического действия в пермских говорах данные корни употребляются несимметрично. У нас нет контекстов, в которых бы слова с указанными корнями (*-слов-*, *-говор-*, *-шепт-*) обозначали колдуна. Возможно, материалы других территорий такие единицы покажут.

1. Корень *-слов-* используется в лексемах, называющих человека, чьи магические способности связаны с его профессиональной деятельностью. Это зафиксированная в пермских говорах лексема **словник** в значении ‘пастух’: *Пастух, если он всю жизнь пас, он и знал чё-ко. А я ведь не знаю пастушьи-то слова. Я с ним не пасла. Ну, раньше были какие-то слова. Это ещё наши старики говаривали. А при нас-то уже не было словников* (Н. Язьва Краснов.).

2. Но чаще всего лексемы с указанными корнями обозначают в пермских говорах знахаря – **заговоруха**, **заговорищица**, **словеница**, **словенич**, **словёсник**, **словни́к**, **словни́ца**, **сло́вищица**, **шептёрь**, **шептунья**, **шептуха**: *Буде ешишю есть так заговорухи* (Мартино Краснов.). *Тожё у детей бабушка всегда грыжу заговаривала в бане. Она всех детей там и крестила. Ставят таз, наливают воду, окунают ребёнка, крестик одевают после всего. Она была у нас повитухой, и крестухой, и заговорищицей* (Гадья Черд.). *А слова лецебные я не знаю. У словениц надо спросить, кто слова знает* (Керчевский Черд.). *Которы словеничи, знают. Если кто заболает, дак зовут эту бабушку* (Кривцы Косин.). [СРГКПО 2006: 223]. **Словесника** вам надо, я никаки наговоры не знаю (Юм Юрлин.) [СРГКПО 2006: 223]. *Он словник. Людей лечит, заговариват* (Акчим Краснов.) [АС 2003: 97]. *У которой гребли, она ведь словница, слова наговаривает. Болит – она слова говорит, чертит. У ё бабушка словница была. Она списала слова, стала учить* (Рожнево Черд.). **Словнича** лечит, бабушка стара. *У нас тут-о-ка словнича была, старуха. Она сказала, что девке порча посажёнo в ухо* (Акчим Краснов.) [АС 2003: 97]. *Ну, так я с зубом ревела. А в Амборе*

коренная словишница к зубам. Стала говорить – я вся испозевалась (Чердынь). В больничу не бывала, к шептарям ходила (Купчик Черд.). К шоптуньям её сперва надо было, которы снимают. Сестра лекарка у меня. Эту боль знат, а эту не знат, как её снять. Шептунья говорит слова на воду либо на вино, потом поит (Рожнево Черд.). Лекарка – которая лечит, шоптуха – которая шепчет, чё-ко заговариват, знахарка (Пянтег Черд.).

Наше исследование показало, что у описанных выше единиц нет особых предпочтений: они могут обозначать любое магическое действие (доброносное, вредоносное, охранительное, имеющее хозяйственные и прочие цели), называть и характеризовать любого человека, обладающего магическими возможностями, независимо от цели и направленности этих действий. Языку не важно, как магическими возможностями распорядятся люди, ими обладающие, он фиксирует только конкретный способ магического воздействия – вербальный.

Магическое воздействие – это комплекс приемов, среди которых вербальные играют одну из главных ролей: они сопровождают любое несловесное действие, являясь постоянным компонентом магических обрядов при факультативности, переменности других [См.: Токарев, 1990, 429-432]. Именно поэтому лексические единицы со значением речи (глаголы *говорить, сказать, шептать* и их дериваты, существительные *грамотка, заговор, молитва, наговор, отговор, сказка, слова*, многочисленные устойчивые сочетания на основе тех и других) составляют большой пласт магической лексики исследуемого региона.

Литература (с использованными сокращениями)

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – Вып. 5. Р-С. 228 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито) – М.: Международные отношения, 2009. – 656 с. – (Институт славяноведения РАН).

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого коруга. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. – 272 с.

Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.

Условные сокращения названий районов Пермского края

Гайн. – Гайнский

Косин – Косинский

Краснов. – Красновишерский

Кудымкар – Кудымкарский

Куед. – Куединский

Солик. – Соликамский

Усол. – Усольский

Черд. – Чердынский

Юрлин. – Юрлинский

Юсьвин. – Юсьвинский

Именования женщин в пермских памятниках делового языка XVII-XVIII вв.*

О.Н. Симушова

В работах по русской исторической ономастике недостаточное внимание уделяется формам именования женщин, а в условиях все нарастающей эмансипации, уже оказавшей влияние на различные науки, данная проблема является не только очень интересной, но и весьма актуальной.

Недостаток внимания к женской антропонимии в исторических ономастических исследованиях, прежде всего, объясняется редким упоминанием женщин в памятниках деловой письменности XI-XVII вв., в связи с отсутствием у женщины юридических прав, ее социальным положением.

Социальное бесправие женщины в XI-XIV вв. нашло отражение в именовании ее в официальной письменной речи. Способы номинации не были упорядочены и в силу этого были весьма разнообразны. В связи с этим, с нашей точки зрения, наибольший интерес представляет изучение *структуры* женских антропонимов. Однако в большинстве работ, посвященных именованиям женщин, исследователи обращаются к аспектам сословного выбора и частотности употребления антропонимов, а также к истории календарных и некалендарных имен, формированию отчеств и фамилий. К подобным аспектам изучения имен обращаются многие исследователи (В.Д. Бондалетов, М.В. Горбаневский, В.А. Никонов, Е.Н. Полякова, М.Э. Рут, А.В. Суперанская, А.А. Угрюмов, Л.В. Успенский, В.К. Чичагов, В.А. Щаницин, Л.М. Щетинин и др.).

Многие исследователи (например, А.П. Зайчикова, А.Ю. Карпенко, Е.Ю. Касим, В.А. Колесник и др.) акцентируют внимание на популярности, частотности имен, в том числе социально детерминированной моде на имена.

Существование проблемы опосредованного именования женщин в официальной письменной речи отмечали многие исследователи (В.А. Никонов, Н.В. Подольская, Е.Н. Полякова,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 08-04-82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края».

А.В. Суперанская и др.), однако работ, посвященных детальному изучению структуры женских антропонимов немного. Среди них можно назвать труды Ю.И. Чайкиной, описавшей именованья женщин в новгородских берестяных грамотах XI-XIV вв. и в памятниках XVII-XVIII вв. [Чайкина, 1994, 66-74; 2006, 33-37]; С.И. Зинина, который рассматривает именованья женщин в источниках некоторых центральных городов (Москва, Ярославль и др.) [Зинин, 34-39]; Н.В. Комлевой, охарактеризовавшей модели именованья женщин в вологодских деловых документах XVI-XVII вв. [Комлева, 125-134]. Р. Мароевич, исследуя оппозицию определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных, обращается к именованию женщин в XII-XVI вв. [Мароевич, 106-118].

На материале перечисленных исследований можно вкратце изложить эволюцию доминирующей модели именованья женщины. Основное изменение в ней связано с активизацией непосредственной номинации: в древнерусском языке (XI-XIV вв.) именование женщины носило в большинстве случаев опосредованный характер (через имя отца или мужа), однако уже в среднерусский период (XV-XVII вв.) доминирующая формула по своему составу начинает приближаться к модели именованья мужчины, поскольку первым компонентом ее является уже личное имя женщины. В то же время от предшествующего периода формула сохраняет и опосредованное название (через имя мужа). В начальный период формирования национального русского языка (вторая половина XVII – начало XVIII вв.) формула именованья женщины все более сближается с мужской: помимо личного имени женщины в составе ее, как и в мужской модели, появляется полутотчество. Опосредованное именование продолжает сохраняться. В период укрепления норм национального русского языка формула именованья совпадает с мужской [Чайкина, 1994, 71].

Если говорить об эволюции состава антропонимической формулы, то можно сделать вывод, что изначальная тенденция к увеличению компонентов именованья (от 1-2 в XI до 8 и более к XVI-XVII вв.) в XIX-XX веках сменяется тенденцией к их сокращению под воздействием сложившейся мужской трехчленной модели.

Исследование проблем женской антропонимии остается одной из наиболее актуальных задач современной ономастики. Рассмотрение форм именованья женщин в деловых документах различных территорий страны, различных временных периодов может дать объективную картину истории женской антропонимии. В связи с этим

нами предпринята попытка описания способов именования женщин в памятниках делового языка Пермского края.

Материалом исследования явилась антропонимия, зафиксированная в памятниках письменности делового языка Прикамья конца XVII – начала XVIII вв.: Кунгурских актах XVII в. (1668 – 1699), актах Кунгурской земской судной избы и Кунгурских судебно-административных учреждений XVII-XVIII вв., ревизских сказках о приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи 1782 г.

Для анализа материала появилась необходимость его разграничения, так как мы рассматривали структуру женских антропонимов документов разных жанров делового языка второй половины XVII – XVIII вв., а особенности языка и организации текста документа оказывают значительное влияние на функционирование антропонимических моделей. В связи с этим мы даем сравнительный анализ женской антропонимии в документах различных жанров – деловых актах и ревизских сказках.

Кунгурские акты представляют собой сборники юридических документов, содержащих информацию об уголовных и административных нарушениях. Они включают фиксацию свидетельских показаний, указы, приговоры, описи имущества. В связи с этим в них, несмотря на ориентацию на нормы делового языка, ощущается достаточно сильное влияние разговорной речи, что отражается на употреблении антропонимов и функционировании особых антропонимических структур.

Влияние народно-разговорной речи на язык кунгурских актов привело к достаточно свободному употреблению различных моделей именования. Так, в ходе исследования выявлено 19 антропонимических моделей, в которых не учитывался порядок следования компонентов, т. к. мы рассматриваем его факультативным (см. приложение 1). Различные модели можно выявить в связи с тем, что некоторые компоненты полной модели могут отсутствовать.

Полное официальное именование замужней женщины имеет четырехчленную структуру, состоящую из личного имени женщины, ее патронима, прилагательного от имени супруга и его фамилии (*Катерина Михайлова дочь Федорова жена Накорякова*), а полное именование незамужней женщины – трехчленную структуру, состоящую из личного имени женщины, патронима и фамилии отца (*Лукерья Федорова дочь Вахутина*).

Именование женщины может также осуществляться и через антропонимы других мужчин: свёкра, сына, брата, пасынка, отчима,

работодателя и т. д. (*сноха ево Пронькина, Андрея Чугайнова паччерица*)), что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Ревизские сказки представляют собой списки крестьян кунгурской округи 1782 г. Эти документы полностью ориентированы на нормированный деловой язык XVIII века. Как отмечает челябинский исследователь делового языка XVII-XVIII вв. А.Г. Косов, одной из ярких особенностей делового языка XVIII века является его стандартизация и формализация – установление единых, обязательных образцов и типовых форм, шаблонность и трафаретность, исчезновение индивидуальных особенностей. Процесс стандартизации охватывает все уровни языка: и лексику, и морфологию, и синтаксис [Косов, 2004, 7-8]. Отсюда ориентация на лаконичность и ясность изложения ревизских сказок, содержание которых четко структурировано, представлено в виде таблицы. Это оказало значительное влияние на функционирование антропонимов в данном документе.

Среди антропонимических единиц, зафиксированных в ревизских сказках, нами выявлено десять сложных структур, внутри которых можно выделить более простые (см. приложение 2). Если в кунгурских актах порядок следования компонентов модели достаточно свободный, то в ревизских сказках, напротив, элементы модели жестко фиксированы и перестановка их практически невозможна.

Сложные модели именования замужних женщин можно условно разделить на структуры, содержащие информацию о жене, либо о замужней дочери, либо о вдове. Более простые структуры, входящие в состав сложных, большей частью представлены именем женщины, что характерно при именовании замужней дочери или сестры (*дочь **Офимья** выдана в замужество Покровского острожку за крестьянина Бориса Кобякова*). При именовании жены и вдовы чаще всего употребляются имя и патроним женщины (*у Михайла жена **Ографена Дмитриева дочь**; умершаго до бывшей ревизии Дорофея Ларионова сына Вилесова жена **Фетинья Ларионова дочь***). Кроме того, при именовании вдовы в качестве простых структур возможны имя женщины и ее фамилия (*вдова женка **Анна Месцова***), а также имя, патроним и фамилия именуемой (*вдовая женка **Марфа Орефьева дочь Быкова***).

Простые структуры, состоящие из имени и патронима женщины, имени и фамилии, а также имени, патронима и фамилии могут функционировать самостоятельно, в качестве полноценной

модели именования (*жена **Евдокия Григорьева дочь**; вдовая женка **Ирина Семенова дочь Помесгина**; вдова женка **Анна Месцова***).

В состав сложных структур именования замужней дочери или сестры помимо простой структуры, представленной личным именем женщины, могут входить имя отца (брата), наименование населенного пункта, в котором именуемая проживала до замужества и (или) в котором проживает муж, а также статус, имя и фамилия ее мужа. В состав данной формулы также входит постоянный компонент ***выдана в замужество*** (у Софрона дочь ***Федосья выдана в замужество*** Кунгурской округи Сылвенской Рождественской вотчины за крестьянина Матвея Новоселова).

Именование незамужней женщины в подавляющем большинстве случаев представлено личным именем женщины, которое иногда может быть дано в сочетании с информацией об отце (реже брате) именуемой (*дочь **Мелания**; девка **Евлампия**; бываго крестьянина Лаврентья Меркурьева с(ы)на Калманова дочь девка в последнюю ревизию написанная **Наталья***).

В антропонимическую структуру ревизских сказок может включаться и антропоним брата именуемой женщины, что, так же как и в кунгурских актах, обусловлено экстралингвистическими факторами. Однако необходимо отметить, что в ревизских сказках внеязыковое влияние гораздо меньше, что, вероятно, можно объяснить стремлением к стандартизации и формализации делового языка второй половины XVIII века.

Одним из важных и интересных аспектов изучения антропонимии в памятниках делового языка является рассмотрение способов адаптации заимствованных имен в русском языке под влиянием живой разговорной речи.

Влияние живой разговорной речи по-разному проявляется в документах разных жанров делового языка XVII-XVIII вв.

Так, Кунгурские акты большей частью ориентированы на живую речь, несмотря на тяготение делового стиля XVII-XVIII вв. к более строгой нормированности. Поэтому в данных документах обнаруживается постоянное и сложное взаимодействие официального делового языка и разговорной речи, главным образом, в области словообразования. В документы проникают характерные для живой речи вторичные имена с антропоформантами, наиболее распространенными из которых являются *-ица* и *-ка* (***Варвар-ица, Опросинь-ица, Василис-ка, Маремьян-ка***); реже отмечаются имена на *-утка* (*-ютка*): ***Марф-утка, Ан-ютка***. В текстах документов зафиксированы также отыменные прозвища на *-иха*, образованные от

имени мужа (*Терешиха, Анасиха*), которые характеризуют разговорную речь. Эти формы характерны как для русских имен, так и для татарских.

По мнению исследователя ономастики Е.Н. Поляковой, отыменные прозвища на *-иха* не имеют отрицательной коннотации. Они распространены на обширной территории страны, однако уже в документах конца XVII в. ощущается неофициальный характер этих форм [Полякова, 102-103]. Писцы, редактирующие документы, заменяют разговорные просторечные формы официальными моделями именования (*Терешиха > Марья Сергеева дочь Терентьева жена Исакова; Анасиха > татарка Анас(е)вская жена Боташиева вдова Алтынычка Тойгилдина дочь*).

Мотивирующая лексическая база практически во всех случаях представлена собственно основой при отбрасывании конечного гласного. Более редки случаи образования вторичного имени от структурного отрезка лексемы (*Анна > Ан-ютка*).

Наблюдение за функционированием полных и вторичных имен в рассмотренных выше антропонимических моделях именования женщин в Кунгурских актах показывает, что в четырехчленной модели именования замужней женщины чаще всего употребляются полные имена, за редким исключением в более ранних текстах. Это говорит о нарочитом стремлении писцов избавиться от разговорного характера данной модели, придавая ей статус официального именования. Неполные модели могут быть представлены как полными вариантами имен, так и вторичными, т.е. дериватами, в чем проявляется влияние разговорной речи.

В ревизских сказках взаимодействие официального делового языка и разговорной речи в области словообразования отсутствует. В исследуемом документе не зафиксировано ни одного случая употребления вторичного имени. Очевидно, это вновь можно объяснить стремлением к стандартизации и формализации делового языка второй половины XVIII века. Однако, как и в Кунгурских актах, полные имена здесь не всегда употребляются в той фонетической и морфологической форме, в какой они существовали в свяцах, что соответствовало нормам делового языка исследуемого периода. Поэтому многие полные имена имеют фонетические варианты. В связи с этим есть возможность проследить способы адаптации имени в языке.

Можно отметить следующие случаи фонетических изменений календарных имен.

1. Упрощение групп согласных: *Гликерья > Лукерья, Евфросинья > Опросинья, Мариамна > Маремьяна.*
2. Мена близких по артикуляции звуков: *Агриппина > Агрофена, Агания > Агафья, Стефанида > Степанида, Евдокия > Овдогья, Евфимия > Елфимия.*
3. Смягчение твердых согласных: *Матрона > Матрёна, Фотиния > Фетинья, Капитолина > Каптелина.*
4. Синкопа: *Домнина > Домна.*
5. Утрата начального гласного звука: *Анастасия > Настасья, Екатерина > Катерина.*
6. Устранение зияния: *Иулиания > Ульяна, Иустина > Устинья, Неонилла > Ненила, Феодосия > Федосья, Мария > Марья.*
7. Межслоговая ассимиляция гласных: *Меланья > Маланья, Параскевия > Парасковья, Акилина > Акулина, Евдокия > Евдокея, Лукерья > Лукиря.*

И в ревизских сказках, и в Кунгурских актах отмечается смешение имен с начальным А и О (*Анисья* и *Онисья*, *Акилина* и *Окулина* и др.), что может быть объяснено тем, что делопроизводство вели писцы, которые, за немногими исключениями, были людьми местными. В этой связи полагаем, что особенности диалектной речи писцов отразились на фонетико-орфографической фиксации антропонимов, что не противоречило норме делового языка, так как существовала традиция отражать именованная живой речи, если они не выходят за пределы общерусских явлений [Полякова, Панина, 53].

Подводя итог, сформулируем основные выводы, полученные в результате исследования структуры женских антропонимов в деловых документах Пермского края второй половины XVII – XVIII вв.

1. Женская антропонимическая система в документах делового языка Пермского края второй половины XVII – XVIII вв. представлена разнообразными моделями именования.

2. Сохраняется достаточно высокий уровень опосредованности номинации женщин: в большом количестве исследованных единиц в состав антропонимической модели входят именованья по мужу или по отцу, однако при этом наблюдается тенденция к активизации непосредственного именования: в подавляющем большинстве примеров одним из компонентов антропонима является личное имя женщины.

3. На систему именования женщин значительное влияние оказывает жанр исследуемого документа: особенности языка и организации текста документа являются значимыми с точки зрения функционирования антропонимических моделей, в связи с чем не

представился возможным анализ всего материала с точки зрения общего подхода: антропонимы Кунгурских актов были, в первую очередь, рассмотрены с точки зрения количества компонентов модели, а ревизских сказок – с точки зрения содержательности.

4. В документах разных жанров делового языка XVII-XVIII вв. по-разному проявляется влияние разговорной речи. В связи с тем, что жанр Кунгурских актов ориентирован, главным образом, на живую речь людей, в данных документах обнаруживается взаимодействие делового языка с разговорной речью в области словообразования. В языке же ориентированных на строгий деловой язык ревизских сказок влияние живой речи проявляется слабо.

5. Многие полные имена, зафиксированные в источнике (независимо от его жанра), употреблены не в той фонетической и морфологической форме, в какой они существовали в святцах, многие из них имеют фонетические варианты, что является нормой для делового языка исследуемого периода.

Данное исследование является вполне самостоятельным, а его выводы сходны с результатами исследований женской антропонимии данного периода других территорий. Это позволяет говорить об отсутствии местных особенностей именования женщин в деловых документах Пермского края, что, вероятно, можно объяснить стремлением к формализации и единообразию делового языка на всей территории страны.

Литература

Зинин С.И. Введение в русскую антропонию / С.И. Зинин. Ташкент, 1972.

Комлева Н.В. Модели именования женщин в Вологодских деловых документах XVI-XVII вв. / Н.В. Комлева // История русского слова. Ономастика и специальная лексика Северной Руси – Вологда, 2007. вып. 3. С. 125-131.

Косов А.Г. Стандартизация текстов деловых документов XVIII века (на примере документных жанров, выражающих побуждение к действию) / А.Г. Косов // Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска: Сб. ст. – Челябинск: 2004. Изд-во челяб. пед. ун-та. С. 7-34.

Мароевич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных / Р. Мароевич // Вопросы языкознания – 1981. №5. С. 106-118.

Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий / Е.Н. Полякова. М.: Просвещение, 1975.

Полякова Е.Н., Панина Л.В. Календарные имена в Прикамье в конце XVI – первой половине XVII вв. / Е.Н. Полякова, Л.В. Панина // Литературный язык и народная речь: межвуз. сб. науч. Трудов / Перм. ун-т. – Пермь: 1984. С. 49-61.

Чайкина Ю.И. Именование женщин в новгородских берестяных грамотах XI-XIV вв. / Ю.И. Чайкина // Вопросы ономастики – 2006. №3. С. 33-37.

Чайкина Ю.И. Структура женских антропонимов в памятниках XVII-XVIII вв. / Ю.И. Чайкина // Русская ономастика и ономастика России. – М.: Школа-Пресс, 1994. С. 66-74.

Источники

КА – Кунгурские акты XVII в. (1668 – 1699 гг.). СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 687. Описание 1.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII – XVIII вв. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1015. Описание 1.

Пермская казенная палата, ревизские сказки четвертой ревизии о приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи 1782 г. – Государственный архив Пермского края. Фонд 111. Описание 3. Связка № 57.

Приложение 1

Антропонимические модели Кунгурских актов

N – личное имя женщины

P – патроним женщины

N_m – имя супруга

F – фамилия женщины; мужа

(s) – нарицательное слово, характеризующее женщину; **(S)** – нарицательное слово, характеризующее мужчину – *не входят в состав модели*

Формулы именования замужней женщины	Формулы именования незамужней женщины
1. Полная четырехчленная формула: $(s)N+(S)+(S)N_m+F$: вдова Агриппина Ярафеева дочь Гавриловская жена Ряткина 2. Неполная трехчленная формула: • $(s)N+(S)P+(S)$: сноха моя Фетинья Микулина дочь Иванова солдатская жена • $(s)+(S)P+(S)N_m+F$: Матфеева дочь Зиновьева жена Азлова • $(s)N+(S)N_m+F$: Фетки жена Скалепина Марфутка • $(s)N+(S)P+F$: Екатерина Васильева дочь Заозерова 3. Краткая двухчленная формула: • $(s)N+F$: просвирня Марья Железова • $(s)N+(S)N_m$: жена Родионова Ненила • $(s)N+(S)P$: теща моя Агриппина Осипова дочь • $(s)+(S)P+F$: Ярафия Гилева дочь • $(s)+(S)N_m+F$: жена Якова Мордвинова • $(s)+(S)P+(S)N_m$ – примеры не обнаружены 4. Самостоятельная одночленная формула: • $(s)N$: Евфимьица • $(s)+(S)P$: дочь Федорова • $(s)+(S)N_m$: попа Стефана жена • $(s)+F$: татарка Адналиева	1. Полная трехчленная формула: $(s)N+(S)P+F$: Лукерья Федорова дочь Вахутина 2. Неполная двухчленная формула: • $(s)+(S)P+F$: девка Бориска Оксенова дочь • $(s)N+F$: девка Оленка Кривошеева • $(s)N+(S)P$: девка Оленка Клементьева дочь 3. Самостоятельная одночленная формула: • $(s)N$: девка Белея • $(s)+(S)P$: Борискова дочь • $(s)+F$: примеры не обнаружены

Приложение 2

Антропонимические модели ревизских сказок 1782 г.

F – фамилия женщины; мужа

F_p – фамилия отца

N – личное имя женщины

N_m – имя супруга

N_p – имя отца

P – патроним женщины

P_m – патроним супруга
 T – топоним, географический термин
 (s) – нарицательное слово, характеризующее женщину; (S) – нарицательное слово, характеризующее мужчину – *не входят в состав модели*

В скобки заключены факультативные компоненты

Модели	Примеры
1. Жена: $(S) N_m + (P_m) + (F) + (s) \underline{N + P}$ <i>(взята) T + (S) N_p + F_p</i>	<i>Бываго крестьянина Терентья Михайлова сына Калашиникова жена Опросинья Матвеева дочь взята Пермской округи Еговского Камского заводу у обывателя Матвея Пономарева</i>
$(S) N_m + (P_m) + (F) + (s) \underline{N + P}$	<i>Бываго крестьянина Федора Сав[в]ина сына Полежаева жена Евдокия Иванова дочь</i>
$(s) \underline{N + P}$ <i>(взята) T + (S) N_p + F_p</i>	<i>Второбрачная жена Домна Петрова дочь взята города Кунгура у о(т)ставного солдата Петра Долгопясова</i>
$(s) \underline{N + P}$	<i>Жена Евдокия Григорьева дочь</i>
2. Дочь (сестра): $(N_p) + (s) \underline{N}$ <i>выдана в замужество T + (S) N_m + F</i>	<i>У Софрона дочь Федосья выдана в замужество Кунгурской округи Сылвенской Рождественской вотчины за крестьянина Матвея Новоселова</i>
3. Вдова: $(s) \underline{N + P + F}$	<i>Вдовая женка Ирина Семенова дочь Помесгина</i>
$(s) \underline{N + F}$	<i>Вдова женка Анна Месцова</i>
$(s) \underline{N + P}$	<i>Вдова женка Хевронья Варсоновьева дочь</i>
$(S) N_m + (P_m) + F + (s) \underline{N + P}$	<i>Умершаго до бывшей ревизии Дорофея Ларионова сына Вилесова жена Фетинья Ларионова дочь</i>

$(S) N_m + (P_m) + F + (s) \underline{N + P}$ <i>(взята) T + (S) N_p + F_p</i>	Умершаго пономарского сына Александра Лупанина жена Марья Иванова дочь старинна того (ж) остро(ж)ку вознесенской церкви попа Ивана Конькова
---	---

Этнонимический тезаурус Пермского края: состояние и перспективы

Т.А. Сироткина

Как известно, одним из направлений системного изучения лексики является тезаурусный подход. «Тезаурус» в этимологическом значении – сокровищница, а в широком современном смысле вся сумма накопленных знаний [Арнольд, 1991, 28], ментальное представление о мире, картина мира [Телия, 1986, 102]. Более конкретное значение термина «тезаурус» – «всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [Караулов, 1981], «словарь с эксплицитно выраженными семантическими связями его единиц» [Никитина, 1993, 63].

В своей работе «Опыт общей теории лексикографии» Л.В. Щерба подобные словари называл «идеологическими» и подчеркивал их особенность: «... идеологические словари... должны дать материал для построения истории мышления, отраженного в языке..., тогда-то и вскроются многие причины языковых изменений, которые сейчас совсем не видны» [Щерба, 1958].

Роль соблюдения идеографического принципа подчеркивал В.М. Мокиенко, отмечая, что при описании фразеологических единиц «идеографический подход... может иметь различный масштаб – от микроареального (локального, узко-регионального) до глобально-ареального (междиалектного и межъязыкового). Чем крупнее масштаб такого анализа, тем острее и проблематичнее необходимость разграничения универсально-типологических (общечеловеческих) и национально-специфических элементов семантики...» [Мокиенко, 1995, 11].

В последнее время появилось немалое количество словарей, опирающихся на идеографический принцип построения, среди них можно назвать «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова, «Русский семантический словарь под общей редакцией Н.Ю. Шведовой, «Тематический словарь русского языка» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой, В.В. Морковкина и др.

В региональной лексикографии идеографическому принципу отвечают, по наблюдениям Н.А. Лихановой [Лиханова, 2006, 287], «Диалектный идеографический словарь нарымского говора» Г.А. Ракова, «Тематический словарь говоров Тверской области»

Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой, «Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Урала» О.В. Вострикова и др.

Материал местных деловых памятников, по мнению Л.М. Любимовой, также разумно подвергать идеографической классификации, т. к. «системное изучение фрагментов региональной картины мира формирует перед исследователем задачу идеографического описания тех реалий и понятий, заключенных в слове, которые важны для этнической истории ареала» [Любимова, 2004, 51].

В данной статье содержится попытка обоснования тезаурусного подхода к описанию этнонимической лексики.

Как известно, одной из первых попыток представить в упорядоченном, классифицированном виде этнонимический материал была работа Д.И. Корвин-Веледницкого «Классификация и численность народов земли. Географические названия» (Тифлис, 1915) [Ковалев, 2003, 132].

Этнонимы были включены уже в словарь Д.Н. Ушакова, и традиция включения их в словари продолжалась в дальнейшем. Однако далеко не все этнонимы включаются в толковые словари. Так, толковый словарь под ред. профессора Д.Н. Ушакова содержит этнонимы *башкиры*, *ногаи*, *татары*. Этнонимы же *вогулы*, *катаи*, *карагаи* не входят в данный словарь. В «Словаре современного русского литературного языка» С.И. Ожегова включены этнонимы *башкиры*, *манси*, *ногайцы*, а *вогулы*, *катаи*, *карагаи* – отсутствуют.

По-разному подходят к лексикографированию этнонимов и составители исторических словарей. Не входят вышеуказанные этнонимы в «Словарь русского языка XI-XVII вв.», а в «Словаре русского языка XVIII века» из названных отсутствуют только *катаи* и *карагаи*, не представленные и в других словарях. В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля нет приведенных этнонимов, отсутствуют они и во многих региональных словарях, например, в Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Иногда в диалектные словари включаются «старые» этнонимы, отличающиеся от современных (*вогул*, *вогулы*, *вогулка*, *вогула* – «Словарь говора деревни Акчим Пермской области». Вып. 1, 137) или этнонимы в составе фразеологических единиц (*играть зыряном* – «Словарь пермских говоров». Вып. 1, 339).

В первом «Советском энциклопедическом словаре» этнонимической информации значительно больше, чем в других словарях – собраны данные не менее чем о тысяче народов,

населяющих в настоящее время или населявших в древности Земной шар. По подсчетам С.С. Иванова, в цифровом отношении этнонаименования в словарях русского языка и в энциклопедическом словаре представлены следующим образом [Иванов, 1987, 59]:

Словари	Всего слов	Этнонимов	%
Словарь Ушакова	85289	около 260	0,3
Словарь Ожегова	57000	около 150	0,26
МАС	92159	около 280	0,36
СЭС	80000	около 1200	1,5

Естественно, что данные подсчеты в некоторой степени приблизительны. Например, Г.Ф. Ковалев в словаре Д.Н. Ушакова выявил 280 этнонимов.

Информацию о многочисленных народах России содержат в основном энциклопедические словари, например, книги издательства «Большая Российская энциклопедия»: «Народы мира» (1988), «Народы России» (1994), «Народы и религии мира» (1998).

Однако названия народов (этнонимы) – это единицы языка, поэтому представляется актуальным создание лингвистических словарей этнонимов. Работа в этом плане ведется, и многое уже сделано. Какую же информацию должен содержать этнонимический словарь? Какие типы подобных словарей возможны?

В предлагаемом С.С. Ивановым учебном словаре этнонимов русского языка (ориентированном в основном на иностранцев, изучающих русский язык) словарная статья должна строиться следующим образом. Заглавное слово-этноним выносится в форме множественного числа именительного падежа, затем указываются основные формы – род. п. мн. ч. муж. рода и далее – формы ед. ч. в им. падеже для муж. и ж. рода.

Далее приводится конкретизация определяемого этноса (племя, народность, народ, нация), указывается приблизительная его численность, приводится топоним-хороним – название местности, в которой в основном проживают представители этого этноса, с указанием столицы или иного политико-административного центра, ряд других историко-культурных данных об этом этносе.

Имя прилагательное, соотносимое с данным этнонимом, автор предлагает выделить в отдельную словарную статью с указанием трех родовых форм ед. числа и формы мн. числа в им. падеже. Во всех словах должно быть проставлено ударение.

Пример словарной статьи:

ТАТАРЫ, татар – мн. ч., род. п.; ТАТАРЕ – устар., мн. ч.; татарин, татарина – ед. ч., м. р., им., татарки, татарок – мн. ч. ж. р., им.,

род. п.; татарчонок – ед. ч., им. п.; татарчата, -ат – мн. ч., им., род. п.: татарский мальчик.

1. Народ тюркской языковой группы – крупнейший из поволжских (живущих по берегам реки Волги) народов и пятый по численности народ СССР. Всего в мире проживает около 6,5 млн. татар, более 99% из них – в СССР. Татары составляют основное население Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Образована в 1929 г. Входит в состав РСФСР. Живут татары и во многих других районах СССР. Столица ТатАССР – г. Казань, где в университете учился В.И. Ленин.

До Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 г. большинство татар занималось животноводством, земледелием, скотоводством. В настоящее время более 50% татар живут в городах и работают в различных отраслях промышленности, науки, культуры.

2. Название различных племен, образовавших государство Золотой Орды. Русские называли татарами представителей всех племен, и прежде всего – монголов (см.), участвовавших в XIII-XV вв. в грабительских нашествиях на Русь.

ТАТАРСКИЙ, -ая, -ое, -ие. Прил. К ТАТАРЫ (1, 2).

Татарский язык Татарское иго. Татарское искусство. Татарские обычаи. Татарская кухня: Свойственный татарам, такой, как у татар, присущий татарам. Например: Подле него стоял мужчина лет сорока, широкоскулый, с низким лбом, узкими татарскими глазами. И. Тургенев.

Г.Ф. Ковалев считает, что «словарь этнонимов должен удовлетворять прежде всего двум главным требованиям: 1) зафиксировать все богатство и разнообразие этнических наименований, накопленных русским языком за весь период его существования; 2) определить норму употребления этнонима, по крайней мере, для современного состояния языка» [Ковалев, 2003, 134]. Поэтому ученый строит словарную статью своего «Словаря этнических названий народов России» следующим образом: сначала подается нормированный этноним, затем идут словообразовательные и исторические варианты, встретившиеся хотя бы раз в источниках. Сами этнонимы (за исключением неизменяемых) подаются в трех формах: 1 – множественного числа мужского рода, поскольку это наиболее терминологичная форма; 2 – дериват ед. числа мужского рода; 3 – дериват женского рода, самая редкая в словарях форма.

Пример словарной статьи:

Великоруссы, великорусс, великоруска – старое официальное название русских в отличие от «малоруссов» – украинцев и

«белоруссов» – белорусов. «Так как великоруссы разбросаны по всем губерниям России, где почва и разные другие условия жизни не одинаковы, то естественно, что и характер великорусса не везде бывает одинаков» (Народы России. Т. 1. С. 4); «Женщина севера, великорусска, в общем невысокого роста, груди и плечи очень развиты в ширину, шея коротка, затылок крепок» (Виньола В. Женщины всего мира. М., 1915. С. 16).

Тип вышеуказанного словаря автор определяет как *нормативно-исторический*.

Словарь Р.А. Агеевой «Какого мы роду-племени?» [М., 2000] издатели называют *этнолингвистическим*, т. к. «в нем в равной мере существенны два вида информации – этноисторическая и лингвистическая» [Агеева, 2000, 4]. Исходя из этого, автор строит словарные статьи по следующей типовой схеме: 1) название этноса в русском языке в формах множественного числа, а также единственного числа мужского и женского рода; 2) самоназвание; 3) названия в языках соседних народов, а также в английском, немецком и французском языках; 4) этнические или этнографические группы; язык и диалекты; 5) численность и территория; 6) этногенез и этническая история, история государственных образований; 7) происхождение этнонима / этнонимов; 8) список литературы.

Необходимо отметить, что составители вышеназванных словарей придерживаются широкого понимания термина этноним. Поэтому в словники включаются, наряду с собственно этнонимами, такие имена, как *казаки*. Относя данное наименование к этнонимии, Р.А. Агеева трактует его как «субэтническую группу русских», Г.Ф. Ковалев – как «этнографическую группу русского народа».

В.А. Козырева и В.Д. Черняк указывают на «характерное для современной лексикографии внимание к функционированию слова» [Козырева, 2004, 47]. С этой точки зрения задача создателя этнонимического словаря – не исключение. Показав актуализацию значения этнического имени в разных сферах речевой коммуникации, мы позволили бы читателям представить реальные условия функционирования слова в живой речи, раскрыть эстетическую его функцию в художественном тексте.

Особое значение, как известно, имеет иллюстративный материал. Еще Л.В. Щерба сформулировал «практическое требование к составителям словарей: не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров» [Щерба, 1974, 285].

В этом плане источниковая база этнонимии Пермского края очень богата и разнообразна. В качестве источников «Материалов к словарю пермских этнонимов» могут использоваться:

1) пермские памятники деловой письменности, зафиксированные в «Пермской летописи» В.Н. Шишонко, «Кунгурские акты XVII века» А.А. Титова;

2) научные труды историков XIX века (Н.С. Попов, В.Я. Кривошеков, В.Н. Шишонко), этнографов XX века (В.А. Оборин, Г.Н. Чагин, А.В. Черных);

3) существующие диалектные словари («Словарь пермских говоров», «Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области»), местный фразеологический словарь («Фразеологический словарь пермских говоров» К.Н. Прокошевой);

4) произведения пермских писателей, например, исторические романы А. Иванова «Чердынь-княгиня гор» и «Золото бунта»;

5) списки населенных пунктов разных лет;

6) «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» Е.Н. Поляковой;

7) «Словарь пермских фамилий» Е.Н. Поляковой.

По нашему мнению, создание местных словарей этнонимов не менее актуально, чем продолжение работы над созданием общерусского этнонимического словаря, поскольку позволяет решить многие вопросы лингвокраеведческого характера. Региональные исследования дают интересные материалы, касающиеся приобретения этнонимами нарицательных значений (и далее – включения этих сем в русскую языковую картину мира), заселения тех или иных территорий разными народами.

По своему материалу словарь этнонимов может пересекаться с историческими, диалектными, ономастическими словарями, описывающими лексику определенной территории, однако должен отличаться от них и по составу словника, и по структуре словарных статей.

В отечественной лексикографии идеографические словари – один из самых молодых видов лексикографических изданий. Одной из разновидностей идеографических словарей являются тематические, в которых описываются микросистемы русского языка, сгруппированные вокруг определенной темы.

Тематический словарь этнонимов Прикамья мог бы содержать около 100 понятий, охватывающих все основные этносы, функционирующие в Пермском крае.

Поиск ментальных закономерностей, воплощенных в этнонимической лексике, может опираться, на наш взгляд, именно на идеографическое (тематическое) описание пермского этнонимикона. Идеографическое описание, как известно, предполагает «выявление понятийных классов (семантических полей), отражающих членение объектов реального мира» [Лабунец, 2007, 110].

При таком подходе основным термином становится идеограмма – то или иное понятие, распространенное на всей исследуемой территории, а набор лексем, репрезентирующих определенное понятие – основной единицей анализа. Набор репрезентантов идеограммы в этом случае может рассматриваться как лексико-семантическая группа, как полевая структура и как репрезентация понятийной категории [Лабунец, 2007, 111].

Описание каждого из понятий, образующих категорию этничности, должно включать основные семантические зоны, или идеографические классы: «Группа людей», «Мужчина», «Женщина», «Принадлежность», «Характеристика», «Способ действия», «Антропоним», «Топоним».

В таком случае легко будет проследить связи не только между репрезентантами, составляющими одно понятие, но и между лексемами, находящимися в разных статьях, но представляющих одну семантическую зону, например, зону «Принадлежность»: *вогульский, удмуртский, еврейский* и т.д.

Рассмотрим, каким образом в подобном словаре будет выглядеть словарная статья, посвященная понятию *татары*.

ТАТАРЫ. Представители одного из тюркских народов.

Группа людей

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Татары, татар, татаровя, татарове, тотарове: «В их же вотчине впала в р. Ирень – речки малыя: Тарт, и Яс, по коим их владения, равно как по рр. Тулвы, вниз на 10 верст, Чире, по межу уфимских татар» (Ш, II, 251); «Да ему ж де Афонке сказывали татару Турайко Байгозин да Байтемирко Батряков» (КА, 24); «А как тебе дорогу татаровя укажут и ты-б о том отписал» (Ш, II, 156); «А будет татарин Епанча, или которые иные татарове учнут говорити» (Ш, II, 145); «Князьки, и мурзы, и тотарове, и остяки и вогуличи учнут к вам приходить бити челом» (Ш, II, 151).

Научный дискурс. Татары, татар, татаре, тотарове, монголо-татары: «Бисертской завод построен на купленной еще дедом его г. Действительным Статским Советником Акинфием Никитичем у ясаших Татар и Черемис в 1741 году земле»; «Тогда приводится на продажу из разных селений немалое число лошадей; для закупки коих

приезжают сюда Уфимского, Красноуфимского, Осинского и Кунгурского уездов Башкирцы и Татара» (Попов, 327, 285); «В 1558 году, мы видим, что татары из Сибири приехали» (Ш, II, 61); «И начали паки татары возвращаться» (Ш, I, 20); «В XIV в. усилилась борьба покоренных монголо-татарами народов Приуралья за освобождение от ига завоевателей» (Оборин, 69).

Диалектный дискурс. Татары: «Большинство татары населяют». *Собир.* татар, татары: «Это видно татары»; «Есть татары» (Акчим).

Художественный дискурс. Татары: «За пермских татар, у которых Исур шибаном» (Иванов, 186). *Собир.* татарва: «Мимо татарвы плыть пришлось, а река-то ледяная» (Иванов, 80), «Новгород, Киев, Владимир с Москвой, Вот где была наша сила, – Там мы спаслись от татарвы лихой, Церковь от бед нас хранила» (Какорин, 15).

Мужчина

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Татарин: «Приказывал де с ними к нему Афонке татарин Мамык, чтоб по тое корову приехать, а та де корова у него Мамыка заперта» (КА, 24).

Научный дискурс. Татарин: «В 1628 году Татарин живший при р. Нице объявил Туринскому воеводе Воину Корсакову, что в болотистом месте на версту от сей реки нашел он железную руду» (Попов, 199).

Диалектный дискурс. Татар, татарин: «Если он настоящый татар, мы его так не назовем»; «татарином как-то оно неудобно, некультурно татарином в лицо назвать» (Акчим). *Фольклорн.* татарянин, татарчанин: «Как взговорит да злой татарянин»; «Уж ты гой еси, злой татарчанин». *Поговорка:* «Ты татарин басурман посадил девок в карман» (Акчим). *Прибаутка:* «Тру-та-та, тру-та-та, вышла кошка за кота. Ладила за барина, вышла за татарина. Стал татарин лопотать, стала кошка хохотать» (Акчим).

Художественный дискурс. Татарин: «Видимо, хитрый татарин учуял угрозу в молчании чердынского князя и потому пошел на попятную» (Иванов, 79).

Женщина

Деловой дискурс XVI-XVIII вв. Татарка: «А нашивки де и паворозы ему дала, выняв из пристепа, татарка девка Кулпиха, и говорила она ему, чтоб он шел де заложил на колочех» (КА, 10).

Диалектный дискурс. Татарка: «Татарки выходили за наших, кто кому понравится» (Акчим); апайка (от тарского апа, апай – старшая сестра), алышка (Осин. Перм. – СРНГ, 1, 264).

Принадлежность

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Татарский, тотарский: «А татарская девка Кулпиха в роспросе во всем запиралась же: нашивок де она и паворозов никаких малому Микитке не даывала и в тес нашивок с ним не хоронила» (КА, 11); «На верх того Глубокого логу за татарскою дорогою старая гран береза» (СПП, 6, 12).

Научный дискурс. Татарский: «И построен на кортомленных Татарских землях» (Попов, 170). *Фразеолог.* татарские чашки – чашки, которые имелись у русских специально для угощения татар: «У русских считалось большим грехом есть вместе с татарами, кормить из своей посуды, поэтому практически повсеместно в Южном Прикамье русские держали татарские чашки, из которых сами никогда не ели» (Черных, 36); татарская полка – полка, на которой хранились татарские чашки: «Татарские чашки хранились в сенях, в голбце, а иногда и в доме, на отдельной татарской полке» (Черных, 36); татарский стол – стол, который старообрядцы приносили в дом для угощения татар: «Старообрядцы Куединского района никогда не кормили татар за своим столом, а те семьи, которые арендовали землю, для застолья приносили в дом татарский стол» (Черных, 36).

Диалектный дискурс. Татарский: «Платок-от у меня каки-то татарской. Раньше оне всё любили такиё»; «Даже и в радио слыхать, што татарска песня» (Акчим).

Художественный дискурс. Татарский: «Недаром примчались в Чердынь татарские шибаны из Ибыра и Афкуля» (Иванов, 52).

Способ действия

Диалектный дискурс. По-татарски: «Мама! Вогулы-то как говорят? По-русски, по-татарски?»; «По-нашому мальчик, по-татарски баранчук»; «Шапку не снимат даже (о внуке). Ты што, по-татарски?» (Акчим).

Художественный дискурс. Нареч. по-татарски: «Понимаю по-татарски, подслушал» (Иванов, 80).

Ксеноним

Диалектный дискурс. Татарка: 1. Мужская и женская верхняя одежда особого покроя: «Татарка – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая; то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками, воротник из матерьялу» (Тюлькино Соликамского района). 2. Травянистое растение: «Татарка на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублена одёжа делалась» (Дуброва Еловского района); татарин – бестолковый человек: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка» (Жуланова Соликамского района). Татарник – травянистое растение: «От свороба татарник используют. Заваривают

и обкачиваются» (Словарь говора д. Акчим, 5, с. 61). *Фразеолог.* татар (молотят) в голове – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татар молотят в голове» (Тетерина Соликамского района); «Сколь много знала, всё это у меня в голове было, а тепере в голове татар молотят» (Тетерина Соликамского района); татарам на хмель – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель» (Ножовка Частинского района); татарская морда – злой, сварливый: «Татарская морда – всё равно его грызётся, ругат» (Акчим).

Антропоним

Деловой дискурс XVI-XVIII вв. Прозвище Татарин: «Житель починка Шекинский Антонко Михайлов сын Татарин» (Полякова, 223). Фамилии Татаринов, Тотаринов: «Крестьянин д. Анбур Агей Петров сын Татаринов»; «Чердынец Овейко Тотаринов» (Полякова, 223).

Художественный дискурс. Прозвище Татарин: «С детства его звали Татарином за маленький рост и скуластое, смуглое лицо» (Иванов, 38).

Топоним

Научный дискурс. Ойконимы: Солянка Татарская (Кунгурский уезд, 1875), Таз Татарский (Кунгурский уезд, 1875), Татара (Пермский уезд, 1875), Татарка (Оханский уезд, Шадринский уезд, 1875), Татаркина (Осинский уезд, 1875), Татарская (Чердынский уезд, 1875), Татаршина (Ирбитский уезд, 1875), Татарская (Мошевская волость, Чердынский уезд, 1904): «Татарская Мошеской волости на р. Талице, притоке Мошевицы, впадающей в Каму, и Чердынско-Соликамском тракте» (Кривошеков, 124), Татарская Бырма (Юго-Кнауфская волость, Осинский уезд, 1904), Татарский Таз (Тазовская волость, Кунгурский уезд, 1904), Татары (Дмитриевская волость, Соликамский уезд, 1904), Татарское (-ая) (Верхнекамский округ, 1928), Татарский Арий (Кунгурский округ, 1928), Татарская Бырма (Кунгурский округ, 1928), Татарская Еманзельга (Кунгурский округ, 1928), Татарская Рахмангулова (Кунгурский округ, 1928), Татарская Шишмара (Кунгурский округ, 1928), Татарский Таз (Кунгурский округ, 1928), Татарский Турыш (Кунгурский округ, 1928), Татарское (Соликамский район, 1981), Татарская Шишмара (Кунгурский район, 1981), Татаро-Чикаши (Куединский район, 1981). Кладбище Татарское: «Отъ устья Тюменки речки вверхъ по Туре реке плесо до Татарского кладбища» (Ш, III, 710). Река Татарка: «На речке-де Татарке их монастырская мельница запустела» (Ш, IV, 358). Медный рудник Татарский:

«Татарской, находящийся в лесных дачах, принадлежащих к Бымовскому...» (Попов, 36). Река Татарка: «Отсюда большая дорога... возвышенными и потом низкими мостами чрез о. Татарку» (Попов, 62). Однодворка Татарская: «дорога чрез... однодворку Татарску при ключе» (Попов, 71). Деревня Татарская Солянка: «К востоку от них в верх по Сылве находится Солянская гора, названная так от речки Солянки, лежащая на левой ее стороне между деревнями Черемискою и Татарскою Солянками» (Попов, 26). Слобода Татарская: «В 1658 г. 6 ноября, ночью, загорелось на берегу Иртыша, в Татарской слободе» (Ш, IV, 416). *Оронимы*: Татарский (камень в бассейне р. Ирень, представляет собой мощное скальное обнажение высотой до 40 м.; назван по народу, поселившемуся у его подножия).

Литература (с использованными сокращениями)

Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: Словарь-справочник / Р.А. Агеева. – М.: Academia, 2000.

Акчим – материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1991.

Иванов – Иванов А. Чердынь – княгиня гор. – Пермь, 2003.

Иванов С.С. Этнонимы современного русского литературного языка: дисс. ... канд. филол. наук / С.С. Иванов. – Л., 1987.

КА – Кунгурские акты XVII века. – СПб., 1888.

Какорин – *Какорин А.* Священная седмица святых просветителей Пермской страны (XIV – XVII вв.). – Пермь, 1996.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М., 1981.

Ковалев Г.Ф. Этнос и имя / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Воронеж. Гос. ун-т, 2003.

Козырева В.А. Русская лексикография / В.А. Козырева, В.Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004.

Кривошеков – *Кривошеков И.Я.* Географический очерк Пермской губернии / В.Я. Кривошеков. – Екатеринбург, 1906.

Лабунец Н.В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта / Н.В. Лабунец. Дисс... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

Лиханова Н.А. Идеографическая классификация и региональные словари (этнокультурный аспект) / Н.А. Лиханова // Языкознание и

литературоведение в синхронии и диахронии. – Тамбов, 2006. – Вып. 1. – С. 286 – 288.

Любимова Л.М. Отражение социальной памяти этноса в историческом словаре / Л.М. Любимова // История языка – история народа. – Чита, 2004. – С. 51-59.

Мокиенко В.М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии / В.М. Мокиенко // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4 – 10-15.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1993.

Оборин – *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII века / В.А. Оборин. – Иркутск, 1990.

Полякова – *Полякова Е.Н.* К истокам пермских фамилий: Словарь / Е.Н. Полякова. – Пермь, 1997.

Попов – *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии / Н.С. Попов. – Пермь, 1903.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII вв.: В 6-ти вып. – Пермь, 1993 – 2001.

СРНГ – Словарь русских народных говоров.

Черных – *Черных А.В.* Русские и татары Прикамья: межэтническое взаимодействие / А.В. Черных // Живая старина. – 2001. – № 2 – 35-40.

Ш – *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Периоды I – V. – Пермь, 1881 – 1885.

Щерба Л.В. Избранные труды по языкознанию и фонетике / Л.В. Щерба. – Л., 1958. – Т. 1.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Палеография двух документов Пыскорского медеплавильного завода 1741 года^{*}

Н.В. Чугаев

Работа посвящена палеографическому описанию двух документов Пыскорского медеплавильного завода, датированных 1741 годом. Материалом исследования стали документы из переписки заводчика Алексея Турчанинова с Пыскорской заводской конторой, хранящиеся в Государственном архиве Пермской края (ГАПК). Памятники были нами прочтены, скопированы и подготовлены к изданию, была изучена их палеография. Результаты работы могут быть использованы лингвистами при разработке проблем сравнительно-исторического языкознания, истории литературного языка, исторической диалектологии, при составлении исторических и других словарей, а также широким кругом исследователей – историками, экономистами, краеведами и т. д.

Представляется необходимым дать краткую характеристику периода в целом, а также показать его особенности в Прикамье. Немаловажным кажется и освещение истории Пыскорского медеплавильного завода.

Как указано во введении книги «Памятники Забайкальской деловой письменности XVIII века», для истории русского языка XVIII в. деловой язык имеет большое значение, так как в этот период происходит становление норм русского литературного языка нового типа. Петровская секуляризация культуры обусловила взаимодействие книжного и некнижного письменных узусов и повлекла за собой славянизацию языковых средств делового языка. Реформы Петра привели к созданию новых учреждений: Сената, Синода, коллегий и местных канцелярий. Последние управлялись секретарями, которые вели учет документов, ставили резолюцию и свою подпись («скрепу»), составляли наиболее важные документы. Остальные документы составляли канцеляристы. Копиисты или подканцеляристы переписывали и готовили копии. «Таким образом, с введением системы коллежского делопроизводства <...> появились новые жанры документов, изменилась процедура составления деловых бумаг, обусловившая изменения в их структуре и формуляре, содержании

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта АВЦП РНП № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья».

речевых штампов и клишированных форм делопроизводства», – сказано в издании [Майоров, Русанова, 2005, 3-4].

Характеристика этого периода в Прикамье содержится в работах Е.Н. Поляковой и В.В. Мухина. Как пишет В.В. Мухин, в XVIII в. экономическая и социальная жизнь Пермского региона существенно изменяется: наряду с исконными солеварнями появляются медеплавильные, железоделательные заводы и рудники (государственные и частные) [Мухин, 1978, 8-9]. К числу государственных относился и Пыскорский завод. Для организации предприятий в Прикамье привлекались специалисты из Москвы, Петербурга и других мест, что обусловило развитие в Прикамье профессиональной горнопромышленной лексики. В то же время проводилось переселение из деревень на заводы крепостных крестьян в качестве рабочей силы (об этом свидетельствуют ревизские сказки и другие документы XVIII в., хранящиеся в ГАПК). Эти переселенцы приобщались к труду на заводах, но не порывали с сельскохозяйственными работами. Вместе с тем крепостных привлекали как к управлению, к работе в конторах, так и к участию в горном деле в качестве специалистов, для чего их необходимо было обучать грамоте и деловому языку [Полякова, 2007, 36-38]. В работе Е.Н. Поляковой приводятся данные А.М. Сафроновой об открытии в 1721 г. по инициативе В.Н. Татищева на Урале (в частности в Кунгуре) первых арифметических (цифирных) школ горного ведомства. В 1735 г. такая школа появилась на Егошихинском заводе, в 1738 г. – в Пыскоре. В них обучали грамматике русского языка и арифметике [Сафронова, 1999, 214-215]. Таким образом, петровские реформы как в собственно лингвистической, так и в промышленной области серьезно повлияли на языковую ситуацию в регионе.

История Пыскорского медеплавильного завода описана в сопроводительной записке описи № 1 фонда № 180 «Пыскорский медеплавильный завод» ГАПК, составленной «ведущим специалистом отдела НСА О.А. Плешковой» (дата не указана). Начало истории завода можно отнести к XVII в., хотя в XVII в. завод просуществовал около 30 лет, а потом был закрыт. Возрождение завода на качественно новом уровне начинается в XVIII в., когда идет основание первых заводов в России: «В 1722 году Берг-коллегией <...> центральным органом управления развивающейся металлургии, образованной в 1719 г., <...> на Урале были образованы Сибирское высшее горное начальство казенных Сибирских и Нерчинских заводов и подчиненное ему Пермское горное начальство, находившееся в Кунгуре. Тогда же они были переименованы в Сибирский обер-берг-амт и Пермский

Берг-амт соответственно. Затем в 1734 г. вновь были переименованы в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов и Пермское горное начальство. Первые медеплавильные заводы на Урале были построены в первой половине XVII в. В это время был построен казенный медеплавильный завод в Соликамском уезде Сибирской губернии, являющийся одним из первых и древнейших в России. Плавильные печи завода были поставлены при речке Яйва близ *Кунгурского* (Вероятно, *Камгортского*, по названию речки Камгортки) рудника в 30-х гг. Смотрителем завода был назначен боярин Свитенщиков. Однако вскоре из-за недостатка руды работы на этом заводе были приостановлены. В 1640 г. завод перенесли на земли Пыскорского монастыря, откуда и пошло название завода – Пыскорский, на речку Камгортку, недалеко от вновь открытого Григоровского рудника. Выбор места оказался неудачным, и завод перенесли на третье место близ той же речки Камгортки. В 1654 г. завод был отдан на содержание господам Тумашевым, а в 1656 г. обратно в казну. В этом же году действие завода было остановлено также из-за истощения рудников и произошедшего на заводе пожара» [Плешкова, 1-2].

В XVIII в. завод возрождается: В 1722 г. Татищев решил заново отстроить медеплавильный завод на месте старого. «К заводам были приписаны крестьяне деревни *Григорьевской* (вероятно, *Григоровской*), состоявшие во владении баронов Строгановых». К 1724 году на речке Камгортке в 15 верстах от Соликамска на земле Спасо-Преображенского Пысокрского монастыря Пыскорский завод был восстановлен [Плешкова, 2-3]. Как сообщает Де-Геннин, при заводе были построены две заводские плотины – (верхняя и нижняя), и третья плотина для пильной мельницы. Для руководства заводскими делами была учреждена специальная контора, во главе которой стоял гитенфорвалтер (от нем. *vorwalten* ‘господствовать’). В штате Пыскорской заводской конторы состояли маркшейдер, 2 подъячих (канцелярист и подканцелярист) для управления горными и плавильными делами и для записи прихода и расхода денежной казны и три копеиста [Де-Геннин, 1936, 573-560].

Дальнейшая судьба завода описывается в записке следующим образом: с 1759 г. по 1780 г. завод находился в частном владении графов Воронцовых (т. е. передавался от одного графа к другому), после чего был возвращен в государственное владение. В 1892 г. «производство на заводе было полностью остановлено в связи с низкой рентабельностью, истощением рудных запасов и дороговизной

выплавляемой меди, и завод прекратил свое существование» [Плешкова, 4].

Интересно также рассмотрение личности заводчика Алексея Турчанинова, участника деловой переписки с Пыскорской заводской конторой (см. 1 лист оборот, строка 04, 05, 2 лист строка 29), владельца («хозяина») частного Троицкого завода (в г. Соликамске). В «Словаре пермских фамилий» Е.Н. Поляковой, вероятно, этот Турчанинов упомянут как житель Соликамска (в памятнике 1651 г., т. е. после рассматриваемой переписки). Замечательно, что некий Алексей Турчанинов, тоже заводчик, проходит как сквозной персонаж через многие произведения Павла Бажова. В частности, в сказе «Две ящерки» упоминается медеплавильный завод, которым владел этот Турчанинов: *«До того он – этот Турчанинов – солью промышлял да торговал на Строгановских землях, и медным делом тоже маленько занимался. Завод у него был. Так себе заводшико. Мало чем от мужицких самоделок отошел. В кучах руду-то обжигали, потом варили, переваривали, да еще хозяину барыш был»*. Представляется интересным в перспективе выяснить соотношение этих двух Турчаниновых (это один человек, или это два члена династии заводчиков, или просто однофамильцы).

Итак, сделав необходимый экскурс в историю завода, можно приступить к палеографическому рассмотрению памятников.

Общая характеристика скорописи XVIII в. находится в издании М.Н. Тихомирова «Русская палеография», мы не останавливаемся на изложении этого материала и переходим непосредственно к рассмотрению рукописей.

Как уже было сказано, изучаемые рукописи хранятся в ГАПК в фонде № 180 («Пыскорский медеплавильный завод»), опись № 1, единица хранения № 26. Рукописи помещены в папку для дел формата А4 и представляют собой прошитые листы 41 x 32, перегнутые пополам: титульный лист и 8 пронумерованных листов с оборотами. По свидетельству работника архива, листы были прошиты до поступления в архив. Нитки толстые, около 1 мм диаметром (или чуть больше). У листов края обтрепаны, углы загнуты, но в целом сохранность удовлетворительная.

Памятники относятся к 1741 г., как следует из поставленных дат. Можно было бы сомневаться в датировке, так как памятники являются копиями с оригинальных доношений, однако в самом тексте документа содержится приказание на составление этих копий (2 об., 13-14 – здесь и далее ссылка на тексты дается в скобках с указанием

листа (1, 2, 3) и строк). Таким образом, надо думать, копии имеют тот же возраст, что и оригиналы (см. приложение).

Титульный лист 41 x 32 перегнут пополам так, что получается два листа 20,5 x 32 с оборотами, причем первый лист заполнен, а второй и обороты – пусты. На обороте первого листа, если перевернуть его вверх ногами, обнаруживаются водяные знаки: три буквы, первая – это отчетливое Я, вторые две неразборчивы. На соседнем листе герб Ярославля – фигурный щит, на котором изображен медведь с алебардой. Тип этого герба указывает на производство бумаги Ярославской Мануфактурой Затрапезного (согласно определителю филиграней Клепикова [1959, 236]) в 1731, 1732 или 1739 гг. Соответственно, две неразборчивые буквы следует читать как МЗ.

На первом листе титульного листа находится следующие надписи (по строчкам, объяснение надстрочных значков смотри в Приложении). Для удобства мы сопроводили тексты координатами, посчитав нижний левый угол листа за 0 по осям X и Y, считая в сантиметрах. Посередине листа находится надпись:

*/01/ Сто^лпъ о приходѣ и расходѣ чи^сло' и шты /02/ ково' меди
1741 году ныско^р /03/ скои заводскои канторы (5-17,5; 18-22)**

Внизу справа приписка *на 8 лис* (11-16; 5,5-6,5).

Вверху справа номер: *№ 129* (15-19; 29-31).

Все эти пометы, кроме текста *ныскорскои заводскои канторы*, написаны темно-коричневыми чернилами. Текст *ныскорскои заводскои канторы* – светло-коричневыми.

Кроме этого текста, на листе имеются более поздние пометы:

1) Сверху справа черным карандашом или пастелью: *Арх№ 598*
<нрзб.>

ниже тем же почерком <нрзб.: ? *Висим*-.>

2) Под этим штамп, зачеркнутый крест накрест.

Фонд № 25
опись 2
Дело 5765

3) Еще ниже второй штамп. * Число «438» зачеркнуто наискосок сверху слева вниз направо, рядом, за пределами штампа, написано «180»; цифра «5» зачеркнута крест-накрест, написано «1» также за пределами штампа; на цифре «4» поверх написана цифра «6».

Государственный архив Свердловской области	
№	фонда <u>438</u> описи <u>5</u> ед. хр. <u>24</u>

4) Наискосок под текстом *Столь...* написано голубым карандашом (/пастелью) : № 518 либо 578.

Переходим к рассмотрению основного корпуса текстов. Бумага на внутренних листах более желтая, чем на титульном. Чернила темно-коричневые, черные, местами выцвели до светло-коричневого цвета, в рассмотренных документах – коричневые. На листах обнаруживаются водяные знаки иные, нежели на титульном. Это картуш с крестообразно расположенными литерами М^ФО и У^ГР посередине полулиста (листа 20,5 х 32). Согласно тому же определителю, бумага произведена «Города Углича бумажной русской фабрикой содержателя Максима Переяславцева» [Клепиков, 1959, 79]. Но у С.А. Клепикова данная филигрань датирована 1748 г., а документ был написан в 1741 г. В связи с этим можно откорректировать датировку этого водяного знака – он употреблялся ранее, чем определено Клепиковым.

Листы пронумерованы и содержат 6 документов, из которых мы рассматриваем первый и последний: два доношения, первое – заводчика Алексея Турчанинова, второе – его приказчика Дмитрия Попова.

На листах имеются поля с двух сторон. На первом листе поля ровные, по 2,5 см с обеих сторон. На обороте первого листа поля слева – 2,3 см, справа скошенные – от 2,9 см внизу до 2,4 см вверх. На седьмом листе слева скошенные – от 1,5 см снизу до 2,5 см вверх; справа 2,5 см. На седьмом листе обороте по 2 см с обеих сторон. На восьмом листе слева скошенные – от 2 см сверху до 3 см снизу; справа 2 см.

Во втором документе находятся подписи, по всей видимости, те самые «скрепы», о которых пишет А.П. Майоров. Их расположение таково: на 7-м листе ниже слова *приложил* написано *нч*; На левом поле в середине листа – *Seu* (S вытянуто, как принятый в английской транскрипции знак для [ш]); на 8-м листе на левом поле в середине листа помета *Гар*; Под словом *Яков* – *Ця*<нрзб.> (по всей видимости, *яков*); внизу справа – <нрзб.>

В документах использованы различные начертания, среди них есть близкие как к употребляемым в XVII в., так и к современным начертаниям.

Штампы на листе по размеру одинаковы, хотя в нашей работе они имеют разный размер в силу разной степени детализации.

Таким образом, вырабатывается система дублетов, которые, как правило, употребляются спорадически. Однако можно отметить одну тенденцию: когда нужно написать рядом дважды одну букву, употребляются два дублета. Например: ю «прописная» и ю «скорописная» (как «вытянутая» строчная греческая *эпсилон* или рукописная заглавная *Е*); иі. Последнее написание, кстати, представляет собой зеркально отраженное написание иі, официально закрепленное в дореволюционной орфографии в XIX в. Кроме того, такое написание нередко и в других документах XVIII в., см. в указанной книге М.И. Тихомирова, документ 103 (Манифест Е. Пугачева, август 1774 г.)

Необходимо также упомянуть и о таком пережитке XVII в., как выносные буквы. В рукописях употребляются выносные буквы *б*, *в*, *з*, *д*, *з*, *и*, *к*, *л*, *м*, *н*, *т*, *у*. Например, в словах: *9^{зо} числа*; *завод^{ов}*; *двутре^тнюю*; *о^мдаци*; *ме^о* (т. е. медь); *се^м фу^ттов*; Кроме того, частица *ж* часто выносится над строкой.

Начинают употребляться и прописные буквы (хотя во втором документе строчные и прописные менее различимы), однако не в таких позициях, как в современном письме. Нам удалось выделить 4 основных случая постановки прописных букв:

1) В начальной формуле документа: *Подано*; *Генваря*; *Года*; *Доношение*.

2) В начале абзаца (не всегда): *По указу*; *О семь*; *К подлинному*; *Записать в кнгу*; *Подано*; *На подлинным*.

3) В предмете важности: *Заво^оскую кантору*, *Денги*, *Главного Завод^{ов}*, *Указу*, *Заводе*, *Меднои заводъ*. Особняком стоит в данном случае написание *ея императорского величества* в первом документе, где все буквы значительно больше соседних, однако того же начертания.

4) В личных именах обнаружено сравнительно мало прописных букв. Интересным случаем является написание имени дМитреи, что может отражать произношение [m'itrei], ср. написание завод^цкой с совмещением традиционного и фонетического принципа.

В документах использованы исключительно арабские цифры. Их начертания близки к современным. Начертания, встречающиеся в тексте, не совпадают с начертаниями цифр при нумерации страниц.

Кроме того, при обозначении даты нередко написание с выносной *z*, есть случаи с выносной *m*: *под № 941^m; 13^{zo} дня*.

Необходимо сказать о том, что в рукописях встречается знак *№* в начертаниях, близких к современным: 1) как латинские литеры NO, горизонтально перечеркнутые двумя чертами, 2) как литера N с наклоном вправо и удлинённой правой мачтой и тоже перечеркнутая двумя чертами, 3) как курсивное начертание N, аналогичное предыдущему, но неперечеркнутое и с дополнительной мачтой слева, которая напоминает курсивную цифру один (в результате получается нечто, отдалённо напоминающее литеру W), с маленьким «о» под крайней правой мачтой.

Нами обнаружены такие слитные написания, как *de* (росходе); *ис* (из); *ты* (пометы); *ск* (пыскорский); *ор* (горное); *ры* (канторы); *ов* (попов); *ед* (медь); *нов* (турчанинов); *иль* (приложил); *ов* (яков, мещеряков); *сл* (число).

Как видно, скоропись документа вполне вписывается в общую систему скорописи XVIII в. Единственное начертание, описание которого не найдено в «Русской палеографии» М.Н. Тихомирова, это особое *и* восьмеричное, похожее на отражённую букву *к* или букву *я* без «крыши», используемое в первом документе. Этот знак последовательно пишется с полукружком между этой буквой и следующей сверху, причем и в тех случаях, когда *и* выступает как слоговой, и в тех случаях, когда это неслоговой *и* (или йот).

Итак, рассмотрены два текста XVIII в. «Пыскорского медеплавильного завода» из документов номера 26 фонда 180 ГАПК. Документы этой единицы хранения напечатаны на бумаге Ярославской Мануфактуры Затрапезного и Угличской бумажной фабрики Максима Переяславцева. На бумаге имеются водяные знаки. Как и в других документах XVIII в., цифры в данных документах арабские, появляются прописные буквы, хотя и не в тех позициях, как в современном письме. В документах обнаруживаются и выносные буквы, особенно часто выносные *m*, *n*, *d*. Количество других выносных букв невелико. Устойчивых лигатур мы не встретили, а те слитные написания (и «взмёты»), которые нами зафиксированы, носят спорадический характер и, вероятно, относятся не к графическому «языку» писцов, а к явлениям графической «речи», являясь плодом индивидуального творчества писца. К статье прилагаются исследованные тексты.

Приложение. Транслитерация текстов памятника

В передаче текстов памятника использованы следующие принципы:

- 1) Начертания современные печатные.
- 2) Выносные буквы обозначены как уменьшенные надстрочные буквы, по начертанию совпадающие со строчными. Титла не переданы.
- 3) Алфавитные дублеты типа *i/u*; *s/z* сохранены, прочие дублеты (например, *ю* «уставная» и *ю* «скорописная») не передаются.
- 4) Текст дан по строкам, строки разделены номером, поданным в «косых скобках» (например, промежуток между /01/ и /02/ – первая строка). При переносе слова номер строки дается внутри слова (например, *заво/03/де* – *заво-* принадлежит второй строке, *-де* – третьей).
- 5) В фигурных скобках даны замечания по тексту – о наличии явных описок в рукописях.
- 6) Буква *кси* передана греческой Ξ (хотя написание ее в славянской палеографии не такое)

Лист 1

/0a/037 Подано Генваря 13го дня 1741 Года

/0b/Копия

/0c/ в пыскорскую Заво^дскую кантору

/0d/ Доношение (посередине)

/01/ По указу іс пыскорской заводской канторы /02/ пущенному 7 а на Троицком моемъ заво /03/ де полученному 9го числа генваря 1741 года и по си /04/ ле объявленному в нем благословенныя і вечнодостой /05/ ныя памяти ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОГО /06/ ВЕЛИЧЕСТВА и канцеляріи Главного Завод^о /07/ правления о^т октября прошлого 1740 /08/ года Указу велено за выданныя по доношению моему /09/ прикащику моему дмитрею попову от екатеринь /10/ бурхской казначейской канторы Денги вв{sic!}ыплавлен /11/ ную на троицко^м моем Заводе во второй половине /12/ 1740го года двутре^тнюю ме^д в триста пудов по шести /13/ рублевъ за пудъ поставить оное число меди пу^д /14/ лисости в пыскорскую заво^дскую кантору того ра /15/ ди выплавленной на троицкомъ моемъ заводе /16/ чистой штыковой меди триста пудов присемъ /17/ доношении для о^тдачи в пыско^рскую заводскую кантору /18/ с прикащикомъ мой^м дмитриемъ поповым по /19/ сылаю иоприеме оной меди иодаче квитанціи

Лист 1 оборот

/01/ покорно прошу решение учинить

/02/

/03/ О семь доносить Троицкого медного завода /04/ заводчик
алеѤеи турчаниновъ генваря дня 1 1741 год^у /05/ К подлинному
доношению алеѤеи турчанин^{ов} руку приложил

/06/

/07/ Записать в кнгу взять к делу а присланную при семь /08/ о^т
саво^тчика Турчанинова штыковую ме^д щетомъ і ве /09/ сомъ триста пу^д
принять и записать в приходъ и по /10/ записке в прихо^д здесь из
доимки выключить и въ /11/ доимочной кнге о^тметить вовзысканіе и
пото^м в ка^н /12/ целярию главного правления заводов и-в-пермское го^р
/13/ ное началство репортовать и в приеме онои меди /14/ заводчику
Турчанинову дать о^тпись

Лист 2

№ 1749

/0a/ Подано ноября 25 дня 1741 году

/0b/

копия

/0c/ впыскарскую завод^цкую ка^нтору

/0d/ Доношение {посередине}

/01/ По указу ис-канцеляриі главнаго Завод^{ов} правления /02/
присла^нно^{му} на троичкой хозяина моего Медной за /03/ водъ сего года
велено по прошению помянутого /04/ хозяина моего завьда^нныя
прикащику ево в поста^в /05/ ку двутретной меди коя выплавитца на о³
/06/ наче^нно^м ево троичко^м заводе в нынѣшне^м году /07/ за две тысеци
рублевъ деньги меть поставить /08/ что по расчету по шести рублевой
цене за пудъ /09/ приидеть в нынѣшне^м же году і конечно первую
выноле /10/ а последнюю в ноя{sic!}ре мцахъ в пыскарской за /11/ во^д
и за означе^нную две тысеци рублевъ деньги /12/ по шести рублевой
цене причлось меди три /13/ ста тритцетъ три пуда тринацетъ /14/ и
три осминъ ѳунта новто число на первой /15/ срокъ выноле мце сего
года в помянуто^м пыс /16/ карско^м заводе отдано мною в казну
выплавлѣ^н /17/ но на выше о^бявленно^м хозяина моего заводе в первой
/18/ половине сего ^ж года двутретной меди две /19/ сти девеносто пудъ
шесть и три осмии /20/ нь ѳунта зате^м доста^нная сче^томъ трітце^т /21/
семь штыковъ весо^м сорокъ три пуда се^м ѳу^н /22/ то^в на показа^нной
пыскорской завод^д для отдачи в ка^н /23/ зну ныне привесена

/24/
/25/ того ради пыскорской заводцкой ка^Нторы о приеме /26/
оной меди и о даче квитанцееи покорно прошу реше /27/ ние учинить
/28/
/29/ о се^М доносить заводчика але^Ξея турчанинова тро /30/
ицкого Медного завода прикака{sic!}щи^К дМитреи /31/ попо^В ноября
дня 1741 году на подлинны^М доно /32/ шении дмитреи попо^В руку
приложи^Л

Лист 2 оборот

/01/ по лета тако записать в книгу справитца /02/ с дело^М ско^Лко
са выда^Нняя о^Т ка^Нцелярии главного пра^В /03/ ления де^Нги велено
принять чистой меди и по /04/ какой цене пу^Л и в то число ско^Лко
выполе мце /05/ сего году принято и на ско^Лко по цене і сате^М /06/ то^Л
число что все^М доношениі показано меди /07/ принять на^Ллежитъ
іежели то число то при /08/ нять і записа^Т в прихо^Л и посаписке в
прихо^Л /09/ ісдои^Мки выключить и в доимочной книге по^Л /10/ писа^Т о
то^М вка^Нцелярию главного правления /11/ саводо^В і в пермское горное
нача^Лство репорта^Т /12/ и о^Тдатчику попову дать о^Тпись и сие
соо^Б/13/щить к документа^М а под дело^М в пре^Л для /14/ справокъ
оставить копию /15/ На по^Ллинны^М по^Лписа^Нно тако але^Ξеи калачевъ
/16/ проти^В осначе^Нной пометы в пыскорской /17/ заводцкой канторе
справливанось а по справке /18/ окасало /19/ і сего 1741 году апреля 4
дня в укасе иска^Н /20/ целярии главного заводовъ правления о^Тпуще^Н
/21/ но^М марта 9 дня по^Л №941^М между про /22/ тчи^М написано что
саво^Лчика турчанино /23/ ва выдано та^М денежного дела о^Тка^Нторы при
/24/ кашнику ево турчанинова дмитрею попову /25/ завода {слово
завода за полями} для прои^Зведения денегъ две тысеци рублевъ /26/ и
зате деньги турчанинову поставить /27/ медъ что поросчету по
шестирублевой /28/ цене за пу^Л приідетъ в нынеше^М году і коне /29/
чно не позжее последнею ка^К в ноябре а первую по /30/ ловину выполе
мце в пыскарской завод^Л а поросче /31/ слению за покаса^Нные деньги
надлежало взять /32/ меди триста трицетъ три пуда трина /33/ тцетъ с
третью ѳунтьа

/34/
/35/ і сего ^Ж году іюля 30 дня придоношениі заводчика /36/
турчанинова о^Т прикащика ево дмитрея попо /37/ ва о^Бвлено чистой
штыховой меди чetyреста /38/ восе^Мдесять три пуда чetyре ѳу^Нта
сооной

Лист 3

/01/ по силе бергъ регламе^Нта десятой части іме /02/ етъ быть сорокъ восе^М пу^Д четырнатцеть /03/ с половиною ѳу^Нта зате^М двутретной впла /04/ те^Ж завыда^Нныя вооную медь о^Т ка^Нторы дене /05/ жного дела деньги двестидевеносто пудъ /06/ шесть итри осминъ ѳунъта которая-і-в /07/ прихо^Д записана июля 30 дня напя{sic!}ои і ше /08/ стои страница^Х

/09/

/10/

/11/ За которую медь пора^Зчислению по шести рубле /12/ вои цене зачено дене^С тысеца се^Мсотъ соро^К /13/ ру^Блевъ девяносто пять с половиною копеи /14/ ки а сате^М в дои^Мке двести пядьдесятъ де /15/ ветъ рублевъ четыре с половиною копеики /16/ за которые меди вовсятые окасало соро^К три /17/ пуда семь ѳу^Нтовъ которая медь привы /18/ ше писа^Нно^М доношени и о^Бявленна

/19/

/20/

/21/ на по^Дли^Нны^М подписано тако по^Дка^Нцеляристь /22/ яко^В мешчеряко^В

Литература

Де-Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. – М., 1936. – С. 537-560.

Клепиков С.А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX вв. – М., 1959.

Мухин В.В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX века. Пермь, 1978.

Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А.П. Майорова; Сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2005.

Плешкова О.А. Пыскорский медеплавильный завод. ГАПК, Опись 1, Фонд 180.

Полякова Е.Н. Русская речь Пермского края в историческом аспекте (XIII- XVIII вв.) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Ч.1 отв. ред. И.И. Русинова; Пермь: Перм. ун-т, 2007. – С. 4-42.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: «Книжный мир», 2005.

Сафронова А.М. Арифметическая школа Пысковского завода(1738-1742гг.) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина Пермь, 1999.

Тихомиров М.Н. Русская палеография. – М.: «Высшая школа», 1982.

Двойные предлоги в пермских говорах

Ю.С. Чупина

Диалектные слова являются сосредоточением информации о ментальности, системе ценностей русского народа. И не последнюю роль в выражении русской ментальности играют служебные слова – предлоги, союзы и частицы, которые часто указывают на эмоционально-экспрессивную оценку высказывания. В данный момент изучение знаменательных слов в русских диалектах ведется достаточно активно, однако этого нельзя сказать о словах служебных. Выявление семантики служебных слов представляет большие трудности не только в связи с самим объектом исследования, спецификой таких слов в языке, но и требует от диалектологов огромного текстового материала, который может быть добыт лишь в результате очень длительных наблюдений собирателей в условиях местного диалекта. Это под силу только коллективам больших диалектных словарей, собирающим материалы в течение ряда десятилетий. Однако и в таких словарях далеко не всегда уделяется должное место словам служебного типа – не только дается достаточно скудная семантическая их характеристика, но подчас не все такие слова в таких словарях находят себе место.

В данной статье представлены некоторые первоначальные наблюдения и выводы о двойных предлогах в русском диалектном языке на материале пермских говоров («Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области», «Словарь говоров Соликамского района» и картотека «Словаря чердынских говоров»).

Корпус предлогов, бытующих в диалектной речи, в целом содержит меньше лексических единиц, чем в литературном языке. Однако среди них можно выделить такие, которые в литературном языке отсутствуют [Пожарицкая, 2005].

Отметим, что основное различие состоит в том, что некоторые предлоги управляют другими падежными формами, чем в литературном языке. Например, «предлоги **возле**, **подле**, **мимо**, **перед**, **кругом**, **над** могут управлять вин. падежом существительного: *возле мою картошку дорога шла; подле реку травой заросло; повесить над кровать надо*. Предлог **о** управляет вин. п. в обозначении места и предложным – в значении времен: *о залив железна-то дорога идет; о прошлом годе в Архангельск ездила; о праздниках гуляли*» [Пожарицкая, 2005, 165].

Заметную особенность многих русских говоров представляют словосочетания с двойными предлогами (*по-на, по-под, по-за, в-за* и т. д.). Двойные предлоги известны и литературному языку, однако в диалектах объем лексических единиц разнообразен и список их принципиально открыт.

На материале пермских говоров было зафиксировано и проанализировано 14 двойных предлогов: *во-в, в-за, из-за, из-под, на-под, под-за, по-за, по-на, по-над, по-под, с-по, с-под, со-с, с-на*.

Задача настоящей статьи – анализ семантики двойных предлогов в составе предложения: выявление грамматического значения двойных предлогов, реализующегося в определенных предложно-падежных конструкциях.

Многие лингвисты в семантике предлогов выделяют лексическое и грамматическое значение. «Падежные значения – это их грамматические значения, а семантические элементы, связанные с конкретизацией пространственных, временных и т. п. отношений, составляют их лексические значения» [Шанский, Тихонов, 1981, 424]. В этом случае термин «лексическое значение» используется в широком понимании и приравнивается к термину «семантика». В данной статье мы придерживаемся следующей позиции; предлоги обладают лексическим значением. Однако следует учитывать тот факт, что значение предлога слишком абстрактно, и конкретизировать определенное значение он (предлог) способен лишь в синтаксических конструкциях.

Употребление двойных предлогов порождает новую семантику. Это связано с тем, что при столкновении двух первообразных предлогов, а именно их семантики, появляется новая, «двупредлоговая» модель, позволяющая более точно передавать нюансы пространственного положения предметов и людей относительно друг друга. В данной лексике закреплены своего рода итоги, этапы познавательной деятельности человека в системе его взаимоотношений с окружающим миром, с другими людьми, и форма служебного слова отражает опыт этой деятельности.

С точки зрения порядка следования частей и их типа, можно выделить следующую схему: обе части представляют собою первообразные предлоги, каждый из которых имеет уже устоявшуюся сочетаемость с определенным падежом существительного, обладающего определенным лексическим значением и передающего в этой сочетаемости вполне устойчивое грамматическое значение. Следовательно, любой из возникших двойных предлогов может обладать не одной, а несколькими валентностями, например, предлог

по-за может сочетаться с падежами дат., местн., вин. (идушим от предлога **по**), с вин., твор (идушим от предлога **за**): *По-за острову речка от Камы идёт – это заостровка.* (Толст.) *По-за деревней были наши покосы* (Юрл.).

На наш взгляд, все предлоги можно разделить на две большие группы:

- 1) предлоги, обладающие общим пространственным значением;
- 2) предлоги, обладающие непространственным значением, в частности значением времени.

Обратимся к первой группе сложных предлогов. Следует отметить, что данные предлоги также в свою очередь могут быть разделены на две подгруппы: 1) предлоги, части которых обладают разной семантикой (при этом один из простых предлогов передает более общее значение (пространственное), второй – более конкретное (**по-за**, **на-под**, **с-по** и т. д.)); 2) предлоги, части которых обладают одинаковой семантикой (**во-в**, **со-с**, **с-на**, **по-на**).

Рассмотрим предлоги, обладающие разной семантикой. Одним из таких предлогов является двойной предлог **по-за**, при котором существительное может иметь форму дат., предл. пп. (видимо, от предлога **по**), тв. п. (от предлога **за**), вин. п. (возможен от обоих предлогов). Как отмечает Н.П. Потапова, в большей части предложений с дат. п. существительного предлог **по** (в двойном предлоге **по-за**) передает общее значение пространственной протяженности. Предлог **за** показывает не очень ясное, весьма общее представление о расположении предмета, лица позади другого предмета и даже вне указанного предмета [Потапова, 2002, 144]: *По-за острову речка от Камы идёт – это заостровка; даже пароходы по заостровке ходили* (Толст.). При существительном в форме творительного падежа предлогом **по-за** передается семантика места «позади»: *По-за деревней были наши покосы, за деревней, да и далеконько вообще-то* (Вильва).

Предлог **по-под** сочетается с дат. и вин. падежами. Первая часть предлога **по-под** (**по**) сообщает семантику общей направленности, вторая же часть предлога конкретизирует ее. С существительным в дат. п. и глаголами перемещения данный предлог употребляется при обозначении пространства, вдоль и ниже которого совершается действие: *Они пойдут по-под гору* (Акч.); *По-под ельнику-то мало снега* (Акч.); *В сторону по-под лодку пошёл* (Акч.); *По-подо льду плывут* (Акч.); *Из камней ступеньки в гору-то, да по-под берегу и воз есть для лошадей* (Вильва).

С тв. п. и глаголом, обозначающим положение в пространстве, предлог **под** в сложном предлоге **по-под** называет объект, место, ниже которого происходит действие: *По-под окошком висится оно* (Черд.); *На святках бегали на ростань, бегают девки, слушаются, по-под окнами слушались: какой разговор услышат, плохой или хороший, завечали* (Арист.); *Я раньше сколько по-под полями-те делал изгородь-ту* (Вильва); *Коровы-то все ушли по-под ельник – спрятались от жары-то* (Акч.); *Поляна по-под берег* (Акч.).

Предлог **под-за** сочетается с тв. п. и. употребляется для указания места на плоскости, позади или ниже которого происходит или куда направляется действие: *Прямо под-за логом в этой церкви было очень красиво* (Вол.).

Предлог **по-над** сочетается с существительными в дат., вин., тв. пад., употребляется для обозначения расположения вдоль и в верхней части чего-либо или сверху чего-либо. Отметим, что у всех существительных четко выявляется падеж. С тв. п.: *Обабки во всех лесах; в дождливое лето по-над ельником родятся, коричневого цвету* (Тет.); с дат. п.: *Старая маленькая школка – домишек по-над горе был* (Крв.). В предложении *По-над реку туман поднялся* (Гайн.) наблюдаем не частотное употребление вин. п. (идуший от предлога **по**), передающего пространственные отношения.

Предлог **с-по** сочетается с существительным в дат. п. и употребляется для обозначения места, по которому совершается передвижение: *Как с-по матушке с-по Вишере да и малышко студёнушко пловёт* (Акч.); *Баская с-по полю шла* (Чрд.).

Предлог **с-под** раскрывает семантику начальности и общую направленность действия (на это указывается предлогом **с** ('откуда')) и место, находящееся под каким-либо предметом. Эту семантику передает сочетание предлога **с-под** (= '**из-под**') с род. и вин. п.: *Ух, как бежит! Токо иверни летят с-под ног* (Акч.); *Золотиха течёт с-под Золотого камня. Там есть золотое урочище* (Акч.). С творит. п. же предлог **с-под** передает определительные отношения, семантика начальности и направленности отсутствует. Как отмечает Н.П. Потапова, «подобное изменение семантики в предложении *У нас дома стояла кадушка с-под водой* (Черд.) стало возможным в связи с тем, что предложные сочетания **с-под водой** относиться не к глаголу, а к существительному *кадушка*» [Потапова, 2002, 146]. В данном случае оба производных предлога (**с** и **по**) имеют одну общую валентность – тв. п.

Предлог **в-за** сочетается с вин. п. (идушим от предлога **в** и от предлога **за**), тв. п. (идушим от предлога **за**) и предл. п., идущим от

предлога **в**. Употребляется при обозначении предмета, места, за которым, позади которого простирается пространство, в пределы которого направлено (в пределах которого осуществляется) действие: *Дяденька сперва **в-за** реку уехал, потом к тёте Полине* (Акч.); *Потом **в-за** стол стоят* (Акч.); *Там за иторочкой, **в-за** печь* (Акч.); *Местами растёт **в-за** реке, на россыпи* (Акч.); *Им **в-за** Согры надо;* ***В-за** рекой вот Акчимское лесничество, леснеки живут* (Акч.); ***В-за** Волемом осиновый лес есть* (Акч.); *Он не **в-за** Волеймой, на этой стороне* (Акч.). *Вот кони **в-за** рекой живут* (Бигичи). ***В-за** реку переехали* (Камгорт). *По голубику, по костянику хаживали **в-за** реку* (Ильин.) *Я сегодня **в-за** реку пойду* (Велгур). Отметим, что направление и место указываются всем предлогом. В предложении *По голубику, по костянику хаживали **в-за** реку* кажется уместным употребление предлога **в-за**: предлог **за** указывает, что нужно оказаться позади реки, а предлог **в** общее направление.

Предлог **на-под** сочетается с творит. п. и употребляется для указания места на плоскости, ниже которой происходит или куда направляется действие: ***На-под** окошком будут класть книги* (Акч.). Предлог **на-под** в сочетании твор. п. не является частотным (встретилось единственное предложение с предлогом **на-под**), и «управляющей» в данном случае выступает вторая часть сложного предлога. Наиболее частотным является употребление двойного предлога **на-под** в сочетании с существительным **гора** в вин. п., но данное сочетание в таком употреблении выступает в роли наречия и несет семантику ‘под уклон, покато’: *Пусть вот там гора за рекой – поедешь с её **наподгорь**, значит; Едешь на лошаде, а сани заотурят, ну, маленько как **наподгорь**, и сани поедут вбок, в сторону* (Толст.).

Таким образом, использование двойных предлогов для обозначения места дает возможность показать положение предмета в двух измерениях. Первая часть предлога достаточно часто показывает протяженность пространства, вторая – конкретное положение предмета в пространстве: ***На-под** окошком будут класть книги* (Акч.) (Данный предлог сочетается с тв. п. и употребляется для указания места на плоскости, ниже которой происходит или куда направляется действие); *Как **с-по** матушке **с-по** Вишере да и малышко студенушко пловёт* (Акч.). Предлог **с-по** сочетается с дат. п. и употребляется для обозначения места, по которому совершается передвижение.

Некоторая часть диалектных предлогов совпадает с предлогами литературного языка. В этом случае часто мы имеем дело с совпадением диалектного и литературного аналогов лишь по форме, в плане выражения. Однако, несмотря на определенные отличия в употреблении

таких предлогов, имеющих литературный аналог, можно выделить следующее свойство. Предлоги **из-за** + род. п. и **из-под** (**о**) + род. п. имеют устойчивую сочетаемость. Можно предположить, что значение этих предлогов развивалось, видимо, под влиянием литературной речи, поэтому употребление с род. п. устойчиво.

Следующая подгруппа – предлоги, части которых обладают одинаковой семантикой. На материале пермских говоров было установлено, что иногда одна из составных частей двойного предлога лишь усиливает уже имеющуюся семантику предлога. Интересно рассмотреть сложные предлоги с дублирующим составом: **со-с**, **во-в**: *Домой ездит студентка, учится во-в Закамске* (Ил., Соликамск). В таких предлогах вторая часть усиливает уже имеющуюся семантику.

Интересен предлог **по-на**, структурно представленный разными простыми предлогами. Он употребляется в предложении с предложным падежом и указывает на место действия. Первая составная часть предлога (**по**) подчеркивает направленность действия, передаваемого глаголом, вторая часть (**на**) усиливает семантику направления этого действия: *Не мойте девку-то: подите да походите с ей по-на улочке, понайди, поноси её* (Свал.). В предлоге **с-на** и первая, и вторая части указывают на то, что действие происходит снаружи, с внешней стороны. В данном случае вторая часть сложного предлога выступает в роли компонента, дублирующего семантику первой части предлога: *Примета есть у нас: с ветреным поговорить – дак язык свербит; засвербит язык, с-на улицы придёт кто-то* (Свал.).

Группа предлогов с непространственным значением, в частности значением времени, представлена в пермских говорах предлогами **по-за**, **по-под**, **с-под**. В предложениях *По-за те годы не могла* (плохо себя чувствовала) (Черд.); *По-под старость волосы-то почернели. Раньше жёлтые (золотистые) были* (Акч.); *Ягоды ишо с-под вечер стал собирать* (Акч.) передается семантика времени, на это указывает сочетаемость предлога **по-за** со словами *те годы* (вин. пад), сочетаемость предлога **по-под** со словом *старость* (вин. пад), предлога **с-под** со словом *вечер*.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что двойные предлоги в пермских говорах могут быть разделены на две группы:

1. Предлоги, обладающие общим пространственным значением.

Они в свою очередь делятся на: а) предлоги, части которых обладают разной семантикой (при этом один из простых предлогов передает более общее значение (пространственное), второй – более

конкретное значение (*по-за, на-под, с-по* и т. д.)); б) предлоги, части которых обладают одинаковой семантикой. Последние структурно можно разделить на две модели: предлоги с дублирующим составом (*во-в, со-с*) и предлоги с различным составом (*по-на, с-на*).

2. Предлоги, обладающие непространственным значением, в частности значением времени (*по-за, по-под, с-под*).

Проведенный анализ сложных предлогов показал, что они предлоги еще не представляют собой единой грамматической формы: необходимо изучать все предложение, т. к. именно контекст позволяет во многих случаях выявить значение двойного предлога.

Литература

Пожарицкая С.К. Русская диалектология: Учебник. М., 2005.

Потапова Н.П. Деривационные связи первообразных и двойных предлогов (по материалам говоров пермской области) // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии. Пермь, 2002. С. 142-147.

Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь, 1984-2003. Вып. 1-5.

Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Сост. О.П. Беляева. Пермь, 1973.

Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Словообразование. Морфология / Современный русский язык. – В 3 ч. – Ч. II. – М., 1981.

Прочие сокращения

Толст. – Толстик – Соликамский район

Юр. – Юрич – Карагайский район

Вильва – Соликамский район

Акч. – Акчим – Красновишерский район

Черд. – Чердынь

Арист. – Аристова – Соликамский район

Вол. – Волим – Добрянский район

Тет. – Тетерино – Соликамский район

Крв. – Красновишерск

Гайн. – Гайны

Ильин. – Ильинский

Свал. – Свалова – Соликамский район

Гидронимы, образованные от названий животных, в гидронимии бассейна р. Берёзовая Чердынского района Пермского края

Т.Ю. Шкляева

Проблема происхождения географических названий неоднократно поднималась в топонимической литературе. В последние десятилетия широкое распространение получили региональные топонимические исследования, в которых анализируются семантические особенности русской топонимии определенного региона (Р.А. Агеева, И.А. Воробьева, Э.Д. Головина, Е.Э. Иванова, Н.Б. Ковалева, Е.Н. Мошкина, М.Н. Нечай, А.А. Фомин, Н.В. Хромова, Т.В. Чернышева), взаимодействие разноязычных топонимических систем (Л.В. Вахрушева, Л.М. Дмитриева, Н.Н. Мамонтова, И.И. Муллонен). Эти работы показывают, что одним из наиболее эффективных путей изучения географических названий являются комплексные микрорегиональные исследования.

Наша работа посвящена исследованию происхождения гидронимов бассейна р. Берёзовая Чердынского района Пермского края. Берёзовая является левым притоком р. Колва. Ее устье расположено на 15 км ниже с. Корепино, в 175 км от устья реки Колвы. Берёзовая имеет протяженность 208 км и полностью протекает по территории Чердынского района. Общее направление реки западное, при этом она отклоняется то на юго-, то на северо-запад.

Правомерность выделения данного региона в качестве особого объекта изучения обусловлена общностью природно-географических условий (таежная гористая зона), этнокультурных, исторических и хозяйственно-экономических особенностей. Исконными обитателями региона были финно-угорские народы: манси, коми-пермяки, русская же топонимия складывается только с XV в. Поэтому для нее характерно сравнительно большое количество заимствованных дорусских географических названий, а также преобладающая роль речной гидронимии и оронимии в местном топонимическом ландшафте.

Русские говоры Верхнего Прикамья, и его топонимия в частности, весьма специфичны. Вследствие того, что уклад жизни и состав населения на протяжении последних трех столетий менялся очень мало, сохранилось большое количество древних топонимов, относящихся к угорским или коми языкам. На эту основу при заселении территории русскоязычным населением стал накладываться

русский топонимический пласт. Все это необходимо учитывать при попытке установить происхождение того или иного топонима.

При анализе происхождения названий рек бассейна р. Берёзовая Чердынского района Пермского края среди прочих групп нами была первоначально выделена группа гидронимов, образованных от наименований рыб и животных. Однако более тщательный анализ показал, что этимология данных топонимов далеко не так однозначна, как могло показаться на первый взгляд.

Разбору этой зыбкой по составу группы гидронимов посвящена настоящая статья.

Первоначально к группе речных названий, образованных от наименований рыб и животных, мы отнесли следующие гидронимы: *Медведица, Пыжьянка, Собачья (Верхняя Собачья, Левая Собачья, Малая Собачья, Правая Собачья)*. Попробуем проанализировать происхождение каждого из этих гидронимов по отдельности.

Верхняя (Малая, Правая) Собачья, река. А.К. Матвеев высказывает следующее предположение, касаемое гидронима *Собачья*: «Есть в нашей речи такие слова – пейоративы, то есть неодобрительные слова, буквально – хулительные. Точка отсчета, как всегда, человек. В окружающей нас природе есть предметы для человека полезные и бесполезные, пригодные и непригодные, а есть и вовсе вредные, даже смертельные. В пейоративах чаще хозяйничают волк и собака. Есть съедобные ягоды, их все знают, и – «волчьи ягоды», о которых мы тоже с детства слышали. Ну а что такое «собачья жизнь» и «собачья смерть», объяснять, конечно, не надо. Но может быть образовано и от глаголов *собачить* и *собачиться* – ‘шалить’, ‘дурить’, ‘браниться’. Данный приток издалика слышен» [Матвеев, 1990, 79].

Однако мы предполагаем, что название реки *Собачья* не является пейоративом. Необходимо обратить внимание на то, что одним из притоков реки Верхней Собачьей является речка *Кычанка*. В переводе с коми-пермяцкого, *кычан* – ‘щенок’ [КЭСНЯ, 1970, 155], в переносном значении – ‘неопытный, не приспособленный к жизни человек’ [Кривошекова-Гантман, 1983, 102]. Следовательно, название *Собачья* может являться калькой коми-пермяцкого гидронима, произошедшего, скорее всего, от антропонима.

Данное предположение подтверждают и наблюдения других исследователей. А.С. Кривошекова-Гантман в книге «Географические названия Верхнего Прикамья» пишет о д. *Кичаново*, расположенной в Красновишерском районе Пермского края. По ее сведениям, «в местном русском говоре заимствованное *кычан* употребляется в

значении ‘собака’. Отсюда разговорный вариант ойконима – *Собачья* или *Собакина*» [Кривошекова-Гантман, 1983, 102].

Медведица, речка. Несмотря на искушение выделить среди русских по происхождению топонимов бассейна р. Берёзовой отдельную группу топонимов, образованных от названий животных, мы воздержимся от этой возможности; некоторые названия рек при подробном рассмотрении являются кальками коми-пермяцких названий. Недалеко от р. Медведицы есть речка *Ошья*, чье название можно перевести как ‘медвежья река’. Мы считаем, что *Медведица* – это калька с прежнего коми-пермяцкого названия этой реки (см. аналогично *Верхняя Собачья*).

Пыжьсянка, река. Гидроним *Пыжьсянка* относится к той группе топонимического субстрата, которая была освоена русским населением и приспособлена к русской речи. В данном случае о приспособлении к русскому языку говорит гидронимический суффикс *-ка*, чрезвычайно распространенный в гидронимии России. Но как русский топонимический формант может восприниматься и исход *-янка*. Следовательно, субстратным корнем может оказаться как *пыж*, так и *пыжьсян*. Справочник «По реке Берёзовой» указывает, что «ручьи с подобными названиями – *Пыж*, *Пыжванюр*, *Пыжвис* и т. д. – на севере нашей области встречаются» [Берёзовая, 2004, 116]. Стоит отметить, что приведенные автором гидронимы *Пыжванюр* и *Пыжвис* являются составными; слова *ванюр* и *вис* были найдены в коми-пермяцком словаре и переводятся следующим образом: *ванюр* – ‘болото’ [КПРС, 1985, 93] и *вис* – ‘проток, канал’ [КПРС, 1985, 96]. Явственно отделяется часть *пыж*; на основании этого мы можем предположить, что *пыж* является самостоятельной лексически значимой частью составного гидронима. В этимологическом словаре Е.И. Гуляева и В.И. Лыткина мы находим следующее значение слова *пыж*: ‘лодка’, удм. *пыж* ‘лодка’. Общепермский корень, восстановленный исследователями, – **piž* [КЭСЯ, 1970, 235]. В коми-пермяцко-русском словаре мы находим то же значение: *пыж* – ‘лодка, челн, челнок’ [КПРС, 1985, 388]. Однако версия *пыжься* – ‘лодка-река’ выглядит неубедительной вследствие неясности своего лексического значения. Однако мы находим топоним *Пыжься* с совершенно другим значением в статье Г.А. Архипова «Родоплеменные названия удмуртов». В этой работе ученый анализирует микротопонимику Удмуртии и ее связь с микроэтнонимами этого региона. Он предполагает, что *Пыжься* может

быть воршудным¹ именем или именем какого-то родового божества [Архипов, 1974, 57]. По нашему мнению, эта версия происхождения топонима **Пыжья** не подходит для исследуемого нами региона; явных топонимических следов удмуртского населения на территории бассейна р. Берёзовой найдено не было, поэтому закрепление одиночного удмуртского топонима представляется нам маловероятным. Возможную расшифровку этого гидронима мы находим в книге А.С. Кривошековой-Гантман «Откуда эти названия?». В Верхнем Прикамье существует деревня **Пыжьянка**. В коми-пермяцком языке слово **пыжьян** означает ‘большое шило’, перен. ‘вездесущий’, а также ‘ловкий, быстрый, юла’ [Кривошекова-Гантман, 1983, 139]. Таким образом, этот гидроним может быть образован либо от антропонима **Пыжьян** ‘ловкий, быстрый, вездесущий’, либо от слова **Пыжьян** в значении ‘шило’. Но еще одно значение слова **пыжьян** мы находим в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. В этом словаре приведено следующее значение слова: **пыжьян** ‘морская рунная рыба из рода лососей, похожая на нельму; ловится в р. Сыне, впадающей в Обь’ [Даль, 2006, III, 286]. Более того, слово **пыжьян** в этом значении присутствует и в современном русском языке, оно включено во многие рыболовецкие справочники. Рыба пыжьян распространена по всему Енисею от верховьев до залива включительно. Другое ее название – сибирский сиг. Известно, что бассейн реки Берёзовой всегда был малонаселен и в основном использовался для охоты и рыбной ловли. Вполне обоснованным выглядит утверждение, что название река получила по названию рыбы, которая в ней водилась. Но установить, кто принес на эту территорию слово **пыжьян** – были это русские или же нерусское население, например, манси, пришедшие на Урал из Сибири, – пока не представляется возможным.

Приходим к выводу, что гидронимом, образованным от названия животного или рыбы, может надежно считаться только гидроним **Пыжьянка**. От наименования животного мог произойти и гидроним **Медведица**, но это можно утверждать уже с меньшей степенью вероятности. Гидроним же **Собачья** мы склонны считать калькой с коми-пермяцкого слова **Кычан**. Таким образом, еще раз утверждается, что для точного анализа топонимов исследователю необходимо принимать во внимание экстралингвистические факторы:

¹ Воршудное имя – микроэтноним у удмуртов [Атаманов, 1975, 35]

историю региона, особенности его заселения, а также пользоваться топонимическими данными соседних территорий.

Литература (с использованными сокращениями)

Архинов Г.А. Родоплеменные названия удмуртов. // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Отв. ред. А.С. Кривошекова-Гантман. Вып. 1. Пермь, 1974. С. 25-27.

Атаманов М.Г. Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования Эгра // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1975. С. 35-41.

Берёзовая – По реке Берёзовой: от истока до устья. Туристско-краеведческий путеводитель. Пермь: изд-во «Мобиле», 2004.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Т. III. М.: «АСТ – Астрель – Транзиткнига», 2006.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: «Русский язык», 1985.

Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья: с кратким топонимическим словарем. Пермь: Перм. книж. Изд-во, 1983.

КЭСЯ – *Гуляев Е.И., Лыткин В.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: изд-во «Наука», 1970.

Матвеев А.К. Вершины Каменного Пояса: названия гор Урала. Челябинск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1990.

Ресурсы поверхностных вод СССР. Гидрологическая изученность. Т II: Средний Урал и Предуралье. Вып. 1: Кама / под ред В.В. Николаенко. Л.: Гидрометеиздат, 1966.

Рыбалка в Пермской области / авт. текстов Ю.П. Фисюк, ред. В. Кадочников. Пермь: Раритет-Пермь, 2000.

Сведения об авторах

Бакланова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета.

Бобкова Юлия Германовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета.

Богачева Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики начального обучения Пермского государственного педагогического университета, доцент кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Бушмелева Юлиана Сергеевна, выпускница филологического факультета Пермского государственного университета.

Гордеева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета.

Грузберг Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Десяткова Светлана Васильевна, соискатель кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета, сотрудник научной библиотеки Пермского государственного университета.

Зверева Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики начального обучения Пермского государственного педагогического университета.

Лейсле Нина Генриховна, студентка 5 курса филологического факультета Пермского государственного университета.

Николаева Вера Олеговна, студентка 5 курса филологического факультета Пермского государственного университета.

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой речевой коммуникации Пермского государственного университета.

Пантелеева Лилия Михайловна, ассистент кафедры русского языка и литературы Соликамского государственного педагогического института.

Пережогина Елена Сергеевна, выпускница филологического факультета Пермского государственного университета, сотрудник научной библиотеки Пермского государственного университета.

Пермякова Людмила Анатольевна, аспирант кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета, главный методист кафедры методики гуманитарных дисциплин Пермского краевого института повышения квалификации работников образования.

Подюков Иван Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета.

Поздеева Светлана Михайловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета.

Полякова Елена Николаевна, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета, член комиссии по наименованию улиц и других объектов г. Перми при Пермской городской администрации.

Рассанова Лидия Сергеевна, соискатель кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета, инженер кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Рогожникова Евгения Алексеевна, студентка 5 курса филологического факультета Пермского государственного университета.

Русинова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Симушова Ольга Николаевна, выпускница филологического факультета Пермского государственного университета.

Сироткина Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета.

Черпанова Лариса Львовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики Пермского государственного университета.

Четвертных Анастасия Ивановна, выпускница филологического факультета Пермского государственного университета, сотрудник научной библиотеки Пермского государственного университета.

Чугаев Николай Валентинович, студент 5 курса филологического факультета Пермского государственного университета.

Чупина Юлия Сергеевна, выпускница филологического факультета Пермского государственного университета.

Шкляева Татьяна Юрьевна, выпускница филологического факультета Пермского государственного университета.

Научное издание

Выпуск 3

**Живая речь Пермского края в синхронии и
диахронии: материалы и исследования**

Редактор И.И. Русинова

Материалы печатаются в авторской редакции

Корректоры И.И. Русинова, Л.С. Рассанова
Компьютерная верстка Л.С. Рассановой

Подписано в печать
Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л.
Тираж 210 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе предпринимателем
П.Г. Богатыревым. ОГРН 304590427400071

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122
Тел.: 236-53-43, тел / факс 236-53-53
e-mail: ld36@yandex.ru